

Л.А. Сергиевская
(г. Рязань)

ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Познание сущности явлений есть процесс их моделирования с помощью предугаданной схемы.

В.В. Мадер

Языковая модель – это отвлеченный образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания определенной единицы языка. Границы и состав такого минимума устанавливаются по тем типовым свойствам объекта, которые являются *обязательными* выразителями его сущности. Модель языкового объекта – это абстрактная схема его *существенных* признаков. Схема должна быть достаточно проста, не перегружена. Именно простую модель можно анализировать и брать за основу при изучении законов функционирования языковых единиц.

Теория языковой модели получила свое развитие в лингвистических трудах И.И. Ревзина, С.К. Шаумяна, А.Ф. Лосева [1]. Эти ученые предприняли попытку описания совокупности правил построения и функционирования абстрактных схем, обобщения положений, характеризующих моделирование в плане лингвистической методологии. Однако представление общих закономерностей моделирования элементов языка, определение законов существования моделей не привело в полной мере к формированию отдельного учения, научного направления, системы идей. В то же время практический опыт лингвистических исследований конца XX века показывает активное использование и результативность метода моделирования. Так, прочно вошли в лингвистический словарь понятия «словообразовательная модель», «синтаксическая модель», «семантическая модель».

Актуальность обращения к изучению языковых моделей обусловлена состоянием развития современной лингвистики, уровень абстракции которой должен приближаться и приближается к уровню абстракции математики. В.А. Белошапкова, оценивая понятие структурной схемы предложения как новый тип описания формальной организации предложения, отмечает: “Введение понятия структурной схемы предложения отвечало общему стремлению к формализации и моделированию лингвистических объектов, которое свойственно разным направлениям и областям современного языкознания и в котором отражаются запросы века, а также целям практического применения описательного синтаксиса” [2]. А.А. Зиновьев и И.И. Ревзин утверждают: “В лингвистике, как и во всякой другой теоретической науке, всегда будет необходимость в двух разных методиках: одна должна служить описанию конкретного языкового материала во всей его сложности и противоречивости, другая – построению абстрактных моделей, помогающих осмыслить структуру материала, выявить наиболее важное, наиболее существенное” [3]. С этим однозначно согласиться мы не можем. Какая же методика должна служить описанию конкретного языкового материала? Основой любого научного поиска является стремление к систематизации материала, и если свойство конкретного факта противоречит системе, то это проявление речевой реализации (случайное, а не закономерное) и данное свойство следует рассматривать как периферийное или как поправку по отношению к определенной модели.

Универсальность метода моделирования и заключается в возможности построения системы признаков объекта по принципу «от ядра к периферии».

Анализ исследований, посвященных теории языковых моделей, привел нас к выводу, что рассуждения общего и абстрактного характера о типологии моделей, о трудностях их построения методами математической лингвистики, о понятиях семейства и окрестности [4] не дают ясного представления о применении данной теории на практике. Теория, отражающая здравый смысл, может остаться всего лишь фикцией, если не вооружает исследователя инструментом для операции моделирования конкретных фактов языка. Например, И.И. Ревзин, рассматривая трансформационный анализ, приводит два общих условия для отношений трансформации (между фазами), которые трудно соотнести с конкретными синтаксическими закономерностями [5].

Определим понятие языковой модели и перспективы метода моделирования в научном исследовании.

Термин «модель» в современной лингвистике не имеет однозначного толкования. Синонимами «модели» служат понятия «схема», «тип», «образец», «конструкция», «стереотип», «структура». И каждое из них по-своему отражает сущность дефиниции «модель». Нам представляется, чем развитее наука, тем однозначнее ее терминология и тем меньше синонимии в сфере терминов. Точное, хотя и условно закрепленное, значение того или иного понятия – необходимое условие в процессе научного исследования для достижения основательных результатов. В связи с этим наблюдается стремление дифференцировать понятия «модель», «структурная схема» и «типовой образец», которые наиболее часто в трудах последнего десятилетия употребляются как синонимы. Так, А.Ф. Лосев отмечает, что “всякая модель есть структура, но не всякая структура есть модель” [6] и подчеркивает: “Модель есть структура, перенесенная с одного субстрата на другой и воплощенная в нем реально-жизненно и технически-точно” [7]. Анализируя модели предложений, Т.С. Моница убедительно предлагает следующие основания для разграничения понятий «структурная схема» и «модель»: “Наряду со структурными схемами, выделенными на основании предикативного минимума предложения и содержащими в себе лишь указания на морфологическую характеристику ее компонентов, могут быть выделены и структурные схемы предложения, обладающие номинативным значением и указаниями на типовое лексическое наполнение этих предложений. В отличие от структурных схем первого типа назовем их моделями предложений” [8]. При этом «модель» понимается в узком смысле – как «типовой образец».

Исходя из опыта лингвистической практики, позволим себе утверждать, что «модель» – понятие широкое. Модель – это квинтэссенция языкового элемента, совокупность его типовых признаков. А «структурная схема» и «типовой образец» – это способы выражения модели. Структурная схема содержит категориальную сущность единицы (без лексического наполнения). Для структурной схемы характерны условная символика, употребление терминов, различные уровни абстракции. Типовой образец передает модель в виде конкретного примера (с типичным лексическим наполнением). Для типового образца характерны лаконичность, использование общеупотребительных слов, различные уровни конкретизации и расчет на легкость восприятия.

Таким образом, модель может быть представлена в виде структурной схемы или типового образца. Например, модель безличного предложения: структурная схема – «пассивный объект» + «состояние»; типовой образец – *Мне не спится*; модель сложноподчиненного предложения: структурная схема – «главная часть» + «придаточная часть»; типовой образец – *Он узнал, что приехал отец*; модель производной основы: структурная схема – «префикс» + «корень» + «суффикс»; типовой

образец – *подставка*. В структурной схеме учитывается, какая сторона языкового явления берется за основу: смысловая (семантическая, логическая, коммуникативная), структурная (грамматическая, формальная) или функциональная. Может быть учтен и конкретный тип объекта. В этом случае важно отразить его опорный признак. Так, модели безличных предложений имеют целую систему структурных схем и соответствующих типовых образцов. Такая система представлена, например, в Русской грамматике (1980).

В зависимости от того, какой аспект языкового явления взят за основу, избираются определенные материальные средства реализации модели. В качестве таких средств используются условно-графические схемы, наглядные рисунки, знаки математической логики, лингвистические и логические термины, символика на основе латинских имен. Мы знаем множество структурных схем, ставших традиционными (например, прямоугольники предикативных единиц в сложном предложении), а также индивидуально-авторские изобретения в отдельных исследованиях (например, рисунок в виде концентрических кругов, демонстрирующий ядро и периферию функционально-семантического поля языковой единицы). Здесь, как говорится, нет предела человеческой фантазии и изобретательности.

Из множества различных видов моделей наибольшее распространение получили «словообразовательная модель», «семантическая модель», «синтаксическая модель». Словообразовательная модель предполагает обязательную конкретизацию определенной морфемы: например, существительные со значением лица имеют ряд моделей с суффиксом *-ист-* (самбист, хоккеист, автомобилист). Н.А. Кондрашов, устанавливая продуктивные морфемы, замечает: “Заметные изменения произошли в образовании существительных со значением лица женского пола. В новых социальных условиях женщины получили возможность трудиться в различных областях производства и общественной деятельности. Это отразилось в продуктивности словообразовательных моделей. Наиболее широкое распространение получил суффикс *-к(а)*: ...*аспирантка, практикантка, санитарка, спортсменка, чемпионка*” [9]. Семантическая модель включает компоненты семантической структуры языкового элемента, а синтаксическая – конструктивные признаки формы. Например, С.В. Чернова, анализируя модальные глаголы, строит семантическую модель в общем виде как «замысел – осуществление замысла», а синтаксическую модель представляет в виде сочетания «глагол + субъектный инфинитив» [10]. Очевидным становится факт, что «модель» в лингвистике приобретает все большую практическую значимость и теоретическую ценность.

Перспективность моделирования заключается в возможности выхода в математическую лингвистику, в программировании, в совершенствовании средств развития науки. Расширяются области применения моделирования: от специальных исследований языковых единиц до процесса обучения русскому языку в школе и вузе (использование различных схем при анализе конкретных фактов).

Развитие типологии языковых моделей приводит к возникновению потребности применения математических методов исследования к явлениям языка. Здесь уместно вспомнить высказывание Леонардо да Винчи, ставшее афоризмом: “Ни одно человеческое исследование не может называться истинной наукой, если оно не прошло через математические доказательства”. На начальном этапе включения методов точных наук в лингвистику мы замечаем использование аксиом и гипотез, проведение мысленного эксперимента [11], обращение к принципу симметрии [12], употребление различного рода трансформаций (в синтаксисе), стремление к интеграции и дифференциации свойств элементов языка, к установлению в языке дискретного и континуального. Например, строится модель падежа существительного с введением на

нее определенных ограничений, изучаются явления переходности и синкретизма, чем доказывается наличие в языке континуальных сфер.

При обращении к методу моделирования необходимо четко представлять себе законы построения модели, необходимые и достаточные условия ее реализации. Во-первых, модель должна иметь структуру, сходную со структурой изучаемого объекта. Во-вторых, модель должна отражать основные принципиальные отношения компонентов, составляющих данный объект. В-третьих, в модели важно отразить сущность именно заданного типа, класса или разряда элементов, то есть указать компонент, являющийся отличительным признаком конкретной единицы.

Понятие языковой модели прочно входит в метаязык современных лингвистических исследований. Стремление ученых моделировать изучаемые объекты отражает здравый смысл любого научного поиска. Корректно построенная модель объекта – свидетельство способности лингвиста выделять главное, абстрагироваться от несущественного, подвести цепочку логических рассуждений к четкой формуле и в конечном итоге – решить лингвистическую проблему на высоком уровне математической логики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Ревзин И.И. Модели языка. М., 1962; Ревзин И.И. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967; Шаумян С.К. Структурная лингвистика. М., 1965; Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М., 1968.
2. Современный русский язык. Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1989. С. 634.
3. Зиновьев А.А., Ревзин И.И. Логическая модель как средство научного исследования. // Вопросы философии, 1960, № 1. С. 89.
4. Лосев А.Ф. Указ. раб. С. 190.
5. Ревзин И.И. Модели языка. М., 1962. С. 145.
6. Лосев А.Ф. Указ. Раб. С. 27.
7. Там же. С. 28.
8. Моница Т.С. Модели односоставных предложений: Структура и семантика. М., 1993. С. 6-7.
9. Кондрашов Н.А. Основные вопросы русского языка. М., 1985. С. 89.
10. Чернова С.В. Модальные глаголы в современном русском языке: Семантическая модель «замысел – осуществление замысла». Киров, 1996. С. 6-17.
11. См.: Щетников А.И. Мысленный эксперимент и рациональная наука. - М.: АО «Аспект Пресс», 1993.
12. См.: Крейдлин Г.Е., Шмелев А.Д. Математика помогает лингвистике. М., 1994. С. 96-97.

Силвия Петкова

К ВОПРОСУ О МЕТАРЕЧЕВОЙ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

В процессе речевой деятельности, наряду с изложением пропозиционального содержания высказывания - семантической информации, осуществляется и передача прагматической информации. Посредством нее говорящий “встраивает” в содержательный план речи разнообразные по своему характеру и сфере действия прагматические значения.

Важным условием адекватного изучения прагматического содержания высказывания (текста) является разграничение двух типов эксплицитно выраженной прагматической информации: информации, относящейся к пропозициональному содержанию высказывания, и информации, касающейся самого процесса речи.

Для передачи информации первого типа говорящий использует маркеры пропозициональной установки. При помощи вставных конструкций, модальных слов и частиц он выражает разную степень уверенности в достоверности высказывания (*пожалуй, наверное, кажется, видимо, судя по всему, безусловно*), оценку пропозиционального содержания по параметру “ожиданность/неожиданность” (*даже, неужели, как ни странно*), а также оценку по параметру “положительный/негативный эффект” (*к счастью, слава богу, благо, к сожалению, как назло*). Стандартным способом введения пропозициональных установок являются также предикаты знания и мнения (*Я думаю/ считаю/ полагаю/ догадываюсь, что...*), предикаты эмоционального отношения (*Я рад/ сожалею/ боюсь/ недоволен, что...*), предикаты желания и воли (*Я хочу/ желаю/ намерен/ решил...*). Средства передачи данного типа информации сравнительно хорошо изучены на материале русского языка [Яковлева 1988, Проблемы... 1989, Ментальные действия 1993].

Объектом анализа в настоящей работе является прагматическая информация второго типа, которую будем называть **метаречевой**. На ее существование впервые обратила внимание А. Вежбицка в своей статье “Метатекст в тексте” (на материале польского языка). Она заметила, что во многих текстах имеет место скрытое двухголосье, т.е. возникает “двутекст”, состоящий из собственно текста и метатекста, посредством которого говорящий комментирует тот или иной аспект собственно текста. “Высказывание о предмете, – отмечает А. Вежбицка, – может быть переплетено нитями высказываний о самом высказывании. В определенном смысле эти нити могут сшивать текст о предмете в тесно спаянное целое, высокой степени связности” [Вежбицка 1978, 404].

В качестве таких мета-организаторов автор анализирует как сегменты текста, в которых эксплицитно упоминается сам акт речи (*В этом разделе я буду говорить о...; Если речь идет о...; Сейчас я разберу...; Короче говоря...; Иначе говоря...; Приведу пример...; Пора сформулировать выводы...*), так и слова и выражения, чья внутренняя форма сама по себе не подсказывает принадлежности к языковым единицам, обслуживающим сферу речи (*Итак,...; Потом,...; Наконец,...; Что касается...; Кстати,...; Между прочим...; Во-первых,...; Во-вторых,...*). И в том, и в другом случае в центре внимания Вежбицкой оказываются прежде всего выражения, которые выполняют организационную, структурирующую функцию по отношению к тексту,

скрепляя отдельные его элементы. Однако, подводя итоги, Вежбицка подчеркивает, что “метатекстовые нити могут выполнять самые различные функции” [там же, 421].

Вопрос о неоднородном характере функций языковых единиц, относящихся к **мета-голосу** говорящего (термин Вежбицкой), на наш взгляд, не был в достаточной мере освещен в работах, исследующих данные единицы в русском языке. По этой причине представляется необходимым выявление более широкого спектра функций, которые способны выполнять русские метаречевые единицы.

Тезис о функциональном разнообразии речевых сегментов, передающих информацию о самой речи, находит косвенное подтверждение в терминологическом разнообразии, наблюдаемом при их обозначении в русской лингвистической литературе. Кроме предложенного Вежбицкой наименования **метатекстовые** элементы [Падучева 1991], употребляются также и термины **метаязыковые** [Гловинская 2001] и **метакоммуникативные** элементы [Почерпцов 1981].

На наш взгляд, название данного явления должно представлять его в наиболее генерализованном виде - как “речь о речи”. Вот почему мы отдаем предпочтение термину **метаречь** (ср. употребляемый в англоязычной литературе термин meta-talk [Schiffrin 1980]). По сравнению с определением **метатекст** этот термин имеет существенное преимущество: понятие **текст** связывается прежде всего с письменной формой языка, в то время как понятие **речь** является более широким – входя в состав фундаментальной понятийной оппозиции **язык – речь**, оно обозначает реальное функционирование языка как в письменной, так и в устной форме.

Проведенный нами анализ позволяет выявить три основных аспекта речи, которые комментируются мета-голосом говорящего.

Первый аспект – линейное строение текста (изучаемое так называемой грамматикой текста). Именно этот аспект речи является объектом комментария, осуществляемого посредством метатекстовых единиц в понимании Вежбицкой.

Здесь мы имеем дело со **структурирующим типом метаречевой информации**. Функцию метаречевых единиц, специализированных в передаче данного типа информации, назовем **метатекстовой функцией**.

Метатекстовые маркеры, обслуживающие сферу линейного строения текста, представляют собой своеобразные навигационные средства, при помощи которых говорящий (под этим термином будем понимать как автора устного, так и автора письменного текста) указывает адресату путь к правильному пониманию места и роли данного высказывания в композиции текста. Они также подсказывают, каким образом должно быть распределено внимание адресата, чтобы пропозициональная информация была усвоена оптимальным образом.

В рамках реализации метатекстовой функции языковых единиц можно выделить такие метаречевые действия говорящего, как:

1) упорядочивание изложения (*во-первых, во-вторых, прежде всего / в первую очередь следует упомянуть, что..., начнем с того, что..., ниже рассмотрим...*);

2) указание на логическую связь высказывания с предыдущими высказываниями (*следовательно, вот почему, стало быть, так что, выходит, значит*);

3) добавление информации (*кроме того, притом, к тому же, и потом, далее, мало того*);

4) инициирование высказывания на новую тему, ассоциативно связываемую с предыдущей темой (*между прочим, впрочем, кстати (говоря), к слову, в этой связи*);

5) акцентирование (*Следует отметить, что..., подчеркнем, что..., и, что важнее, главное*).

В собранном нами материале из научного дискурса привлекают к себе внимание метатекстовые конструкции, содержащие форму ментального перформатива:

Допустим, что..., Вспомним, что..., Выскажем гипотезу..., Слудует упомянуть также о..., Таким образом, мы проходим к выводу, что... Как известно, посредством перформативных введений говорящий называет и одновременно совершает речевое действие. Специфика ментальных перформативов состоит в том, что, в отличие от социальных перформативов типа *объявляю, поздравляю, клянусь*, обслуживающих сферу ритуального речевого поведения, они обслуживают сферу риторики теоретических рассуждений. Посредством них говорящий осуществляет референцию к текущему шагу рассуждения и тем самым актуализирует эту мыслительную операцию [Рябцева 1992, 64]. Интересно отметить особый риторический эффект, возникающий в результате метаречевых действий, реализуемых ментальными перформативными глаголами в форме 1-го л. мн.ч., – адресат сообщения не просто получает информацию об очередной ментальной операции, а как бы приобщается к ее совершению. Здесь мы имеем дело с прагматическим явлением инклюзии, которое особенно характерно для непринужденной диалогической речи (см. ниже).

Наряду со структурированием текста говорящий осуществляет и перестройку отдельных его частей путем автокоррекции, перифразирования, уточнения и экземплификации. Информация о таких трансформациях вносится в текст маркерами *то есть, вернее, точнее, иными словами, а именно и например*. В ходе своей речи говорящий часто производит и минимизацию сообщения при помощи высказываний, резюмирующих предшествующую информацию. К метатекстовым маркерам, сигнализирующим о такой трансформации, относятся: *короче (говоря), проще говоря, (одним) словом, в двух словах*.

Существует мнение, что метатекстовые единицы выполняют только строевую роль и их функция сводится единственно к обеспечению формальной связи между высказываниями согласно нормам синтаксиса текста. Поэтому в лингвистической литературе их часто называют коннекторами. Мы придерживаемся иной точки зрения, согласно которой устанавливаемая метатекстовыми единицами связь между компонентами текста имеет не только формально-грамматический и логико-семантический, но и прагматический характер. Посредством введения этих маркеров в текст говорящий не только осуществляет необходимый смысловой переход между отдельными частями текста, но и выражает свое видение места данного высказывания в дискурсе, указывает на его информационную значимость, дает оценку его роли в интерпретации содержания текста.

Второй аспект речи, который становится предметом комментария со стороны говорящего, – это организация диалогической коммуникации (речевой интеракции).

В данном случае мы имеем дело с **регулирующим типом метаречевой информации**. В ходе диалогического общения говорящий употребляет метаречевые маркеры, чью основную функцию можно определить как **метакоммуникативную**. С их помощью осуществляется поддержание и регулирование вербальной интеракции.

Особенно важное место в динамичном и многостороннем процессе диалогического общения занимает метакоммуникация, направленная на учет адресата. Наблюдения над русской диалогической речевой практикой обнаруживают, что реплики говорящего изобилуют метакоммуникативными включениями, обращенными к слушающему. Рассмотрим основные метаречевые действия, которые говорящий совершает, реализуя этот вид метакоммуникации.

Фокусирование внимания собеседника на последующем высказывании обеспечивается за счет употребления таких маркеров, как: *слушай(те), учти(те), имей(те) в виду*.

Маркер *слушай(те)* характеризуется высокой частотностью. Он предшествует, как правило, вопросительным или побудительным высказываниям, а также репликам

(состоящим из нескольких высказываний), в которых предлагается совершить какое-либо действие: Слушай, а отчего же умер твой дядя? Ведь он был здоров как бык; Слушай(те), а почему нам не позвонить в Министерство?; Тут ко мне Дима Сорокин приехал. Слушай, найди какую-нибудь должностишку для него! (ТВ передача “За кулисами”); Слушай, я достал билеты на концерт Петросяна. Он будет переодеваться в костюм груши. Пойдем, весело будет! (интервью с Е. Петросяном). При помощи данного маркера говорящий заостряет внимание адресата и в то же время стремится получить незамедлительную ответную реакцию.

Что касается маркеров учти(те) и имей(те)в виду, то они употребляются в качестве введения к речевому акту предупреждения или угрозы, свидетельствуя о намерении говорящего непременно довести его смысл до сознания слушающего: Учти, я такого отношения терпеть не буду; Имейте в виду, она не одна.

Некоторые метакоммуникативные маркеры призваны сократить дистанцию между коммуникантами, продемонстрировать желание говорящего откровенно поделиться мыслями и найти понимание. Например: Михаил Николаевич, знаете, у вас вид умудренного человека, постигшего некую тайну (интервью с М.Задорновым); Вы знаете, мне всегда было интересно общаться с детьми; Просто вы чувствуете, что с вами что-то не так? – Да-да, - обрадованно подхватил Герман. – Понимаете, я стал хуже работать (А.Маринина). Маркер видите ли употребляется в тех случаях, когда говорящий хочет пояснить предыдущее высказывание. Он содержит призыв к слушающему попытаться понять последующие объяснения. Например: Несколько дней пациент входит в режим, а потом уже решает, вписываются ли визиты родственников в этот режим. Видите ли, мой метод основан на том, что человек должен полностью погрузиться в то дело, которым он занимается, и ничто не должно его отвлекать (А. Маринина).

Метакоммуникативную функцию реализуют также и метаречевые включения, посредством которых говорящий ссылается на то, что собеседник разделяет его знание или мнение. Например: Но он, сами понимаете, уже постарался все спрятать; Ображище – сама знаешь - сажени три глубины. - Ужас, - побледнев, проговорила матушка (Л.Толстой); Согласитесь, я не могла пойти к ним с пустыми руками. Отметим, что призыв к согласию, содержащийся в последнем высказывании, не предполагает вербальной реакции со стороны собеседника, и поэтому говорящий не делает паузы в ожидании ответа. Данные метакоммуникативные маркеры выполняют инклюзивную роль. Их цель – обеспечить протекание общения в условиях единомыслия.

Нередко говорящий считает нужным усилить эффект высказывания, вводя маркеры типа: я сказал, я говорю, тебе говорят, кому говорят, слышишь?. Как правило, этот вид метакоммуникации сопутствует директивному речевому акту (запрету, приказу, просьбе, предупреждению, угрозе), в результате чего повышается интенсивность побуждения к действию. Например: Сиди тихо, слышишь? Да выходи же ты! Кому говорят, ну!

К метакоммуникативным речевым действиям относится и употребление некоторых характерных для русского диалогического дискурса маркеров вежливости. Речь идет о речевых стереотипах, занимающих инициальную или финальную позицию в вопросительных высказываниях: скажите, объясните, не подскажите, не знаете. Например: Не подскажите, как пройти к ГУМу?; На каком этаже мужская обувь, не знаете?; Скажите, а какой процент предлагаемых вам шуток вы отбраковываете? (интервью с Е. Петросяном).

Если при употреблении метатекстовых маркеров прагматическая функция не всегда является доминирующей, то в случае с метакоммуникативными маркерами

именно она выходит на передний план. Основная цель рассмотренного типа метакоммуникации – увеличить интенсивность иллюкутивной силы высказывания и, таким образом, добиться ожидаемого перлюкутивного эффекта, т.е. воздействия на слушателя [см. об этих понятиях Остин 1986].

Третий аспект речи, который часто становится объектом комментария со стороны говорящего, – это языковой код. Метаречевую информацию данного типа можно определить как **интерпретативную**, так как она направлена на обеспечение правильной интерпретации определенных единиц языкового кода. Средства передачи такой информации выполняют **метаязыковую функцию**. При ее реализации в наиболее ярком виде проявляется внутренняя диалогичность речи, о которой писал М. Бахтин: “...диалогические отношения возможны и к своему собственному высказыванию в целом, к отдельным его частям или к отдельному слову в нем, если мы как-то отделяем себя от них, говорим с внутренней оговоркой, занимаем дистанцию по отношению к ним...” [Бахтин 1972, 315].

Метаязыковые маркеры представляют собой своего рода инструкции к интерпретации выбранного способа описания денотативной ситуации. Они обслуживают сферу прагматики номинации и в силу этого спаяны с элементами пропозиции более тесно, чем метатекстовые и метакоммуникативные маркеры.

Посредством маркеров несвойственной номинации *прямо(-таки)*, *просто(-таки)*, *буквально* говорящий сигнализирует о своем отказе от более естественной номинации в пользу более эффективной, “яркой”, часто “экстремальной” номинации [Баранов и др. 1993, 160]. Соответственно, позицию комментируемой номинативной единицы могут занимать только наименования, обозначающие максимальную степень признака или интенсивности действия. Например: *Филипп [Киркоров] был просто неотразим*. Своим соотечественникам он подарил настоящий праздник (газета “Москвичка в Болгарии”); *Я ощутила новый прилив сил и просто-таки взрыв энтузиазма* (М. Серова); *Цены на рынке прямо как на дрожжах растут*; *Иногда дети проявляют прямо-таки феноменальную выдержку*. *Разговаривал он неохотно, и каждое слово приходилось из него буквально клещами вытаскивать* (А. Маринина). В высказываниях, содержащих данные маркеры, невозможна замена предиката неэкспрессивным словом: *Отец был прямо шокирован*, но аномально было бы: **Он был прямо удивлен*; *Она буквально падала от усталости*, но: **Она буквально устала*.

Анализируя план содержания маркера *буквально*, устанавливаем случай энантиосемии. Если исходить только из семантики слова, можно сказать, что *буквально* определяет следующую за ним фразу как “точную цитату, слово в слово соответствующую сказанному”. Например: *Цыганка мне сказала буквально следующее: “Берегись этого человека. Он для тебя хуже смерти”*. Если, однако, мы исследуем это слово в его прагматическом метаязыковом употреблении, то оно приобретает противоположный смысл и сигнализирует о неточной формулировке, чаще всего о метафоре или гиперболе. Например: *Все были буквально убиты горем*; *Я эту вазу купил буквально за копейки*.

Важную роль в устном дискурсе играют сигналы, свидетельствующие о колебании в выборе номинации: *так сказать, скажем так, будем говорить, можно говорить*.

В ходе вербальной реализации спонтанной речи нередко имеют место заминки и хезитационные паузы. Маркер *так сказать* – один из наиболее частотных заполнителей канала коммуникации. Вводя его в известной мере бессознательно, автоматически [см. Алексиева 2004, 142], говорящий удерживает речевую инициативу, пока он ищет нужную дискурсивную единицу.

Маркер *можно говорить* передает информацию о том, что выбранная номинация в известной мере условна, что могут существовать и другие варианты дескрипции: *Остался я тогда без работы, можно сказать, на улице* (ТВ интервью).

Колебания в подборе слов могут быть также обусловлены усилиями говорящего соблюдать Принцип вежливости. В таких случаях говорящий прибегает к употреблению метаязыковых оборотов *скажем так* и *будем говорить*, которые сигнализируют о смягченной формулировке в целях избежания резкой критики: *Его родители, скажем так, не очень заинтересованы в образовании сына; Эксперимент был, будем говорить, не совсем успешным*.

В отличие от указанных двух маркеров, метаязыковой оборот *мягко говоря* формирует оценочные высказывания, однозначно интерпретируемые как критические. Эксплицитно информируя адресата о том, что правила вежливого тона заставляют его редуцировать свою оценку, говорящий тем самым недвусмысленно намекает, что более резкая оценка была бы вполне справедлива. Примеры: *Твой отец разговаривал со мной, мягко говоря, не очень вежливо; В учении он, мягко говоря, не преуспел*.

С усилиями говорящего обеспечить беспрепятственное протекание диалога связано употребление маркеров откровенности: *откровенно говоря, честно говоря, если честно, сказать по совести, признаться, право* и др. Вставляя их в качестве предисловия к неприятному утверждению, говорящий как бы производит психологическую подготовку собеседника с целью предотвратить возможный конфликт. Например: *Откровенно говоря, ваше вчерашнее поведение меня несколько озадачило; Если честно, я не очень ему доверяю; Сказать по совести, я никогда не верил в ее способности; Мне, право, неловко об этом напоминать, но я ведь тоже звезда* (А. Маринина). Отправляя критическое замечание в адрес собеседника или третьего лица, говорящий оправдывает свою резкость, ссылаясь на необходимость говорить правду (вспомним одну из максим кооперативного общения: Будь искренен! [Грайс 1985]).

К данной функциональной группе примыкает и маркер *прямо скажем*, информирующий о том, что говорящий выбрал стратегию “разговора без обиняков”: *Российский футбол в последние годы переживает, прямо скажем, не лучшие времена* (ТВ передача “Футбол. Страсти вне игры”).

Важное место среди маркеров, при помощи которых комментируется языковой код, занимают маркеры цитирования.

Маркеры цитирования общепринятой номинации *как говорится, что говорится, как теперь принято говорить*, как правило, вводят фразеологизм, образную метафору или устойчивое словосочетание: *Лично я прыгнул, чтобы проверить себя, как говорится, на прочность* (ТВ интервью); *Мне был дан карт бляши на выбор методов действия. Даже из числа тех, что не предусмотрены законом. Как говорится, с волками жить – по волчьей вить* (М. Серова); *Окончательно бросил курить, что называется, по долгу службы* (газета “Москвичка в Болгарии”); *Но, тем не менее, он, что называется, споткнулся на ровном месте*. Посредством данных маркеров говорящий выделяет употребляемое образное выражение, напоминая адресату, что и сам он, как член русского языкового социума, знаком с его смыслом. Особенно показателен в этом отношении следующий пример: *Сбор данных велся интенсивно, папка с материалами набухла на глазах, но, как говорится, чем дальше в лес, тем... сами знаете* (А. Маринина). Здесь говорящий даже не считает нужным закончить цитируемую поговорку, поскольку он убежден, что первые несколько слов уже вызвали у адресата необходимые ассоциации.

Маркер *как теперь принято говорить* указывает на то, что использованная номинация стала употребляться сравнительно недавно в русском языковом социуме, и

тем самым подчеркивает ее актуальность: *Потом кооператив, как теперь принято говорить, накрылся медным тазом* (А. Маринина).

В случаях, когда говорящий цитирует номинации, не являющиеся общепринятыми для современного русского языкового социума (индивидуальные, групповые, устаревшие или инокультурные номинации), он вводит их стандартными метаязыковыми выражениями открытого типа: *как любила говорить моя бабушка, как говорят в театре, как говорят англичане, говоря языком школьников, если по-старинному* и т.п. Тот факт, что говорящий считает необходимым маркировать “инородные” вкрапления в своей речи, свидетельствует о его стремлении сохранить цельность текста с точки зрения речевого регистра. Отмечая ограниченность сферы функционирования данной специфической номинации, он подчеркивает, что осознает необычность ее употребления в нейтральном тексте, но, тем не менее, считает это употребление целесообразным: *...посмеивались: пижон! – да нет, братцы, не пижон, не щеголь, если по-старинному; ...приговор не был утвержден вышестоящим судом. Не вступил, как говорят юристы, в законную силу* [примеры из Шварцкопф 1988].

Результаты проведенного анализа показывают, что метаречь является многоаспектным языковым объектом, требующим внимательного изучения с позиций лингвистической прагматики. Выявленные нами типы метаречевой информации могут послужить основой для дальнейшего анализа прагматических оснований взаимодействия собственно речевых и метаречевых сегментов дискурса с тем, чтобы получить более полное представление о разнообразии коммуникативных интенций говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

Алексиева 2004 – *Алексиева Т.* Явления речевого колебания при порождении спонтанного высказывания. // Доайенът [сборник, посветен на 100-годишнината на проф. Н.М. Дилевски]. С., 2004.

Баранов и др. 1993 - *Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* Путеводитель по дискурсивным словам. М., 1993.

Бахтин 1972 – *Бахтин М.А.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.

Вежбицка 1978 – *Вежбицка А.* Метатекст в тексте. // Новое в лингвистике. Вып. 8. М., 1978.

Гловинская 2001 – *Гловинская М.Я.* Размышления говорящего о выборе слова: фрагмент металексики. // Слово [сборник, посветен на 70-годишнината на проф. И.Червенкова]. С., 2001.

Грайс 1985 – *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М., 1985.

Ментальные действия 1993 – Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.

Остин 1986 – *Остин Дж. Л.* Слово как действие. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986.

Падучева 1991 – *Падучева Е.В.* Говорящий: субъект речи и субъект сознания. // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.

Почерпцов 1981 – *Почерпцов Г.Г.* Фатическая метакоммуникация. // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981.

Проблемы... 1989 – Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.

Рябцева 1992 – *Рябцева Н.К.* Мысль как действие, или риторика рассуждения. // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.

Шварцкопф 1988 – *Шварцкопф Б.С.* Оценки речи как объект лексикографирования. // Словарные категории. М., 1989.

Schiffrin 1980 – *Schiffrin D.* Meta-Talk: Organizational and Evaluative Brackets in Discourse. // *Sociological Inquiry* 50, 1980.

И.Л. Попова
(г. Тверь)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Речь современной молодежи приводит в негодование преподавателей, родителей, представителей старшего поколения, остро реагирующих на режущие ухо выражения. В статьях, посвященных проблемам культуры речи, нередко обращают на себя внимание сетования авторов на низкий уровень речевой культуры школьников и студентов. Сложившаяся ситуация тревожит не только лингвистов, но и всех людей, неравнодушных к языку, к речевой культуре общества. Культура языка обуславливает культуру поведения, «культуру жизни». И если мы хотим жить в гуманном, «человеческом» обществе, необходимо сохранить русскую словесность, изменить отношение общества, а главным образом, молодежи к языку, к низкому уровню речевой культуры наших современников.

Проанализируем, какие факторы влияют на формирование речевой культуры молодого человека наших дней. Естественно, молодежная речь отражает неустойчивое культурно-языковое состояние современного общества. События, происходившие в нашей стране последние 17-18 лет: перестройка, распад СССР, крушение тоталитарной системы, изменение политики государства в отношении западных стран – внесли большие изменения в условия функционирования языка. В русском языкознании последних лет появились фундаментальные исследования, описывающие процессы, происходящие в русском языке на протяжении последних десятилетий¹.

В основе единой теории языковых изменений лежат две концепции, объясняющие языковые изменения 1) внешними социальными причинами, 2) внутренними причинами². Согласно этой теории, языковые изменения могут либо носить спонтанно возникающий характер, либо быть результатом креативной деятельности общества, итогом его целенаправленного вмешательства в языковые процессы. В любом языке заложен внутренний стимул к спонтанному развитию. Основой его является наличие внутренних противоречий в самой природе языка. При определенных условиях происходят динамические изменения, возникают языковые варианты. В литературный язык проникают элементы диалектов, новые слова, окказиональные образования, происходит выпадение архаизмов и др. Но на глубинном диахроническом уровне изменения, происходящие в языке, имеют в конечном счете общественно-детерминированный характер, так как сам язык – явление глубоко социальное.

Наиболее общей характеристикой живых процессов, наблюдаемых в современном русском литературном языке, является демократизация. Литературно-языковая норма становится менее определенной и обязательной. Нормальные темпы языковой динамики повышены, что создает нежелательный разрыв в преемственности традиций, в целостности культуры. В языке молодежи этот процесс становится неконтролируемым, приводит к небрежности, раскованности в употреблении языка, вседозволенности в выборе средств выражения, что во многом является следствием элементарного незнания норм литературного языка и законов стиля.

Одним из наиболее социально значимых процессов, происходящих в современной русской речи, является активизация употребления внешних и внутренних заимствований. Основным источником внутренних заимствований, несомненно, выступает жаргон. В литературную речь входят образы, ранее характерные только для жаргона: *наехать, достать, напярчь*. Некоторые жаргонизмы воспринимаются литературным языком, значительная их часть формирует новое языковое образование, которое занимает промежуточное положение между жаргоном и литературным языком и активно используется носителями русского языка в неофициальной обстановке³. Это так называемый общий жаргон – сниженный стиль речи, размывающий и нормы языка, и законы речевого этикета. И именно молодежь является преимущественным носителем жаргона. По данным исследований, степень жаргонизации речи в студенческой среде составляет 50% у юношей и 33% у девушек. Молодые люди делают жаргон элементом поп-культуры, престижным и необходимым для самовыражения. В качестве примера можно привести названия современных песен: «*Стремный корабль*» («Крематорий»), «*Нам все по барабану*» («Сплин»), «*Они торчат под рейв*» (А.Макаревич), «*Нам с тобой было супер*» («Леприконсы»). Для молодежи жаргон – это игра, возможность противопоставить свою систему ценностей «взрослому» обществу. Его возникновение закономерно, и, как показала практика, бороться с ним бесполезно. Но необходимо выделить основное заслуживающее осуждения качество молодежного жаргона – выраженный примитивизм, который проявляется в расплывчатой семантике входящих в него слов, в сниженности тех сфер лексики, откуда черпаются ее ресурсы, в стилистически сниженных грамматических средствах, в заимствованиях из просторечной лексики. Это осознанный выбор, осуществляемый в речевом поведении, которое тоже регулируется нормой. Жаргон – антинорма⁴.

Основным источником внешних заимствований в последние годы является американский английский. США воспринимаются как своеобразный центр общественного порядка и экономического процветания, стандарт жизненного уровня. Значительная часть заимствованной лексики принадлежит к сферам экономики, политики, компьютерных технологий и т.п. Заимствование подавляющего большинства этих слов оправданно. Такие слова, как *мэр, сингл, спонсор, шокер, шоу* и многие другие, прочно заняли свое место в русском языке. Но заимствование ряда слов обусловлено лишь модой. В 90-ые годы появился термин «интержаргон», обозначающий молодежный сленг, вызванный увеличением информации на английском языке, подражанием американскому образу жизни. Культура литературной речи, связанная с явно меняющимися сейчас эстетикой, этикой, психологией, притуплена вульгарной привлекательностью жаргона, отчего и интержаргон может восприниматься естественно и оказывать деформирующее воздействие на литературный стандарт⁵. Интерес молодого поколения к английскому языку как к основному языку международного общения только приветствуется. Будем надеяться, что знание иностранного языка сделает молодого человека лингвистически более компетентным, повысит общий уровень речевой культуры и избавит окружающих от перлов интержаргона: «*Иван, закрой уиндоу, а то чилдренята простудятся*».

В последние годы возникла новая наука - экология языка, - которая призвана органично совместить неизбежные изменения языка и заботу о его неприкосновенности как национального достояния, памятника истории. Хотелось бы, чтобы в этот процесс активно включилась молодежь.

Другим определяющим фактором, воздействующим на речь молодежи, являются средства массовой информации, которые представляют собой достаточно точное отражение эпохи и общества. Они популярны, поэтому оказывают большое влияние на повседневную речь, на формирование речевой культуры общества. Конечно, ни один

журнал или газета, теле- или радиопрограмма не играет решающей роли в нравственном и эстетическом воспитании человека, но определенное влияние на взгляды и вкусы публики они оказывают. Возникло примечательное явление – агрессивная некомпетентность, черпающая знания из СМИ.

А) Телевидение

Существуют данные, что для 82% населения телевидение является основным источником информации. Какая же речь звучит с экрана? Когда-то дикторов, при подготовке которых особое внимание уделялось культуре речи, соблюдению языковых норм, увольняли за речевые ошибки в эфире. Теперь же дикторов заменили ведущие, не столь трепетно относящиеся к своей речи. Значительную часть телевизионной речи составляет неподготовленное «говорение». Увеличилось количество прямых эфиров, по всем каналам идут разнообразные ток-шоу, где слово получает любой зритель, присутствующий в студии или позвонивший во время эфира. В спонтанной речи редкий человек, даже если он опытный оратор, не допускает оговорок, самоперебивов, перестроек синтаксических конструкций. Вследствие этого в телевизионных программах резко увеличилось количество речевых ошибок. Их стало так много, что это не могло не обеспокоить лингвистов. Изучение современной телевизионной речи позволило выделить основные тенденции в нарушении языковой нормы и воздействовать на этот процесс. В телевизионной речи отмечены:

- 1) общелитературная норма;
- 2) отклонения, отражающие тенденции дальнейшего развития языка;
- 3) отклонения, соответствующие требованию устной речи;
- 4) нарушение языковой нормы – ошибка⁶.

Если лишить речь отклонений (2 и 3), она уподобится письменному тексту, утратит признаки живой речи и будет неинтересна слушателю. Но может ли речь телевидения быть аналогом речи разговорной? Стремясь к простоте, раскованности выражения, журналисты используют разговорные слова и свободно построенные конструкции, но, к сожалению, ослабление внутреннего контроля, нежелание разграничивать речевые ситуации, а нередко и недостаток стилистического чутья приводят к тому, что они не ощущают разницы между литературным языком и просторечием, жаргоном, книжной и разговорной речью, что приводит к грубым речевым ошибкам: 1) *Появляются новые теннисистки и не только в теннисе*; 2) *Что там вот произошло, он сейчас вам расскажет*; 3) *И тогда мы берем выбираем хорошего человека*.

Нельзя не сказать и о влиянии рекламы. Тексты разные: остроумные и хлесткие – редко, чаще вульгарные и безграмотные, однако они входят в нашу речь: «*сладкая парочка*», «*сникерсни*», «*не дай себе засохнуть*» и многие другие. Они так часто звучат с экрана, что невольно входят в подсознание, постепенно превращаются в штампы. Так и запоминают дети, что «*Кнорр вкусен и скорр*». Ошибки, тем более намеренные, на экране недопустимы! Структура рекламных лозунгов проста, лаконична, но требование компрессии нередко приводит к нарушению обязательной логико-грамматической связи между словами в предложении: *Заряди мозги – если они есть*. Как правило, слоганы составляются на разговорном языке с использованием стилистически сниженной лексики, что, по мнению создателей рекламы, обеспечивает лучший контакт со зрителями и запоминаемость рекламных текстов, но одновременно неоправданно снижает уровень речевой культуры телевизионной аудитории. Во многих слоганах отмечено повторение однокоренных слов: *Бережное отбеливание – сияющая белизна*; *Орбит белоснежный – ослепительно белые зубы*, – что также является своеобразным мнемоническим приемом, средством воздействия на зрителя. Однако тавтология – это

грубое нарушение литературной нормы, которое в данном контексте не может быть оправданно. К сожалению, создатели рекламных текстов часто нарушают основное правило: слоганы должны соответствовать общим правилам грамматического оформления и правописания русского литературного языка.

И еще одно замечание. К достоинствам советского телевидения, несомненно, относится благопристойность. Считалось необходимым избегать скабрёзностей и пошлых намеков. В современных телевизионных программах все с точностью до наоборот. Многие ведущие, особенно молодежных программ, утрачивают чувство меры, такта, приличия, что негативно воздействует на речевую и общую культуру телевизионной аудитории.

Б) Радио

Вызывает тревогу и речевая ситуация, складывающаяся на радио. Исследования показали, что молодежная аудитория (от 14 до 26 лет) предпочитает коммерческий музыкальный радиозэфир. Для радиостанций этого типа характерны прямой эфир 24 часа в сутки, музыка в режиме «non-stop», непринужденное общение ведущего (ди-джея) с радиослушателями и приглашенными гостями. Ведущие радиопрограмм сознательно снижают уровень своей публичной речи в расчете на «среднего» слушателя, стараясь соответствовать его языковой компетенции. Исследования речи ди-джеев позволяют говорить также о намеренном использовании в радиозэфире большого числа элементов разговорной речи и просторечия, а также нелитературной речи. По мнению организаторов радиозэфира, это позволяет укрепить эмоционально-психологический контакт ведущих с их молодежной аудиторией. К сожалению, некоторым ведущим, особенно местных радиостанций, даже нет необходимости изменять свою речь в эфире, потому что литературной нормой они просто не владеют. Вызывает раздражение их беспомощный лепет в прямом эфире и огромное количество ошибок. Прежде всего, это лексические ошибки, связанные с неправильным выбором слова и нарушением лексической сочетаемости: 1) *Всем мой **большой и здоровенный «хай»!*** («РДВ», 17.02.01); 2) *Человек не хочет уходить с рабочего **натруженного ...места*** («Авторадио», 15.06.01); 3) *Мы **услужливо** предлагаем свои услуги* («Европа плюс», 20.10.01). Грамматические ошибки: 1) *«Авторадио» вам поможет, чем **сможет!*** («Авторадио», 15.06.01); 2) *Глядишь, кто и догонит свою убежавшую **мысль*** («РДВ», 11.07.01). Акцентологические ошибки: 1) *вместе и **порознь***; 2) реклама фильма *«Налево от лифта»*. Обращает на себя внимание использование в речи ведущих внелитературных элементов: 1) *Все будет у нас с вами **зыкинско!*** («РДВ», 17.02.01); 2) *И неплохо бы вам, дорогие мои, узнать об этом самом **фьючере** немного **поболе**, ведь все нереальное постепенно входит в нашу **лайф*** («Авторадио», 18.09.01). Отбрасываются принятые стилистические приличия: 1) *Дико **извиняюсь!***; 2) *Новый **прикол!***; 3) *Ну, **колись!*** Пренебрежение нормой можно увидеть в распространении моды употреблять варианты колеблющихся форм, что связано с нежеланием разбираться, как правильно: *Ну вот, Саша, мы до вас **добрались**. Или **добрались** – это не имеет значения* («Наше радио», 25.04.01). Примеры можно приводить бесконечно.

Понятно, что ведущий должен установить непринужденный контакт со слушателями и поддерживать его на протяжении программы, отсюда и установка на разговорность. Характер речи «запрограммирован» на неподготовленность, непредсказуемость коммуникации и неофициальность, разговорно-доверительную тональность. Нередко речь ди-джеев основывается на мимолетных впечатлениях и ассоциациях, пришедших в голову во время разговора. Но разговорная речь – это не бесконечный ряд речевых ошибок, который может восприниматься слушателями в качестве языкового образца.

В речи радиоведущих часто используются прецедентные тексты. Для публицистического стиля характерно обыгрывание широко понимаемой фразеологии (в том числе и так называемых «крылатых выражений» из литературной и кинематографической классики). Этот прием дает автору возможность не только заинтересовать аудиторию, но и продемонстрировать кругозор, а также настроить читателя на диалог единомышленников. Известно, что совпадение круга чтения – один из важнейших показателей общности интересов и взглядов. Но современной молодежной аудитории, к сожалению, цитаты из классических литературных текстов чаще всего незнакомы. Поэтому радиоведущие активно используют общеизвестные фразы из песен, мультфильмов, кинофильмов, рекламы и очень редко – из художественной литературы, но именно последние способствуют созданию таких вот «шедевров»: *Настал трогательный момент прощания, я вас прощаю, и вы меня простите, и в воздух чепчики летели!* («Русское радио», 3.04.01). Вероятнее всего, здесь использована измененная цитата из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: *«Кричали женщины «ура» и в воздух чепчики бросали!»*. Но вот вопрос, знает ли радиоведущий истинный смысл этой фразы Грибоедова? Скорее всего, нет. Просто вспомнилось что-то такое из школьной программы. Но ради справедливости стоит отметить, что у радиослушателей ассоциации такие же, так что задачу установления эмоционально-психологического контакта можно считать выполненной.

Но вот радиоведущий замолкает, и в эфире популярная музыка. Звучат современные песни.

1) *Совсем еще маленькие ножки,*

Совсем еще не ходят по дорожке.

И все друзья, увидев, замечают:

Глаза похожи на папу! («Чай вдвоем»)

И снова ошибки: речевая избыточность, неправильный порядок слов, сопоставление несопоставимых понятий.

2) *Под кожей рук твоих глаза мои дрожат* (О. Газманов).

А здесь, вероятно, имеется в виду сложная и, заметим, неоправданно жестокая операция по пересадке под кожу рук глаз певца.

И опять примеры можно приводить бесконечно.

В) Газеты и журналы

В последние годы отечественная журналистика ищет новый стиль, стремится выработать принципиально иной тон общения с аудиторией. На газетных и журнальных страницах находят свое отражение все процессы, характерные для современного русского языка, о которых было сказано выше, в том числе демократизация и жаргонизация. Исследователями современных средств массовой информации было высказано мнение, что читателя не должен отталкивать жаргон как неотъемлемая принадлежность сегодняшнего криминализованного общества⁷. Согласиться с этим утверждением достаточно сложно, так как современная печать все-таки должна подчиняться законам литературного языка и стиля. Но даже в центральных газетах читаем: *Оттоптал зону «по полной», он хотел вернуться в семью* («Мегаполис-Экспресс», 11 ноября, 2002). А многие статьи в молодежных изданиях просто написаны на сленге. В большом количестве используется сниженная лексика: *В смысле хитовости «Депешам» всегда везло; Музыканты привязали эту акцию к выпуску нового альбома* («Cool» [«Кулл»], август, 2002).

Но, кроме стилистических погрешностей, в современной периодике отмечается огромное количество речевых ошибок. В центральной печати их несколько меньше, чем в районных изданиях, но примеры можно найти практически в каждой статье:

Сначала я увидел между гаражом и наковальней на пеньке смешную, олицетворяющую любопытство мордашку; Медвежата... как только выход открыли, пулями бросились в лес («Комсомольская правда», 22 ноября, 2002); Сингл разошелся по всему миру таким тиражом, что стал самым продаваемым синглом; Шаг по тем временам был очень радикальным («Cool» [«Кулл»], август, 2002). Как видно из приведенных примеров, самыми распространенными ошибками являются неправильный выбор слова и нарушение лексической сочетаемости.

Очень тревожная ситуация сложилась в местных периодических изданиях. Отсутствие надлежащей профессиональной подготовки местных корреспондентов, небрежное отношение к редактированию печатающихся материалов, плохая корректура привели к тому, что многие районные газеты можно рассматривать как готовые пособия для практических занятий по культуре речи, стилистике и литературному редактированию.

Несколько примеров, взятых из районных газет Тверской области: В оригинальной вазе расположился цветок белой лилии. Его звучание усиливают листья папоротника («Волжское время» г. Кимры, август, 2002); Галина Михайловна с высоты собственного опыта и видения путей выхода из кризиса расценивает нынешнюю ситуацию с позиций разумного оптимизма («Спировские известия», 15 ноября, 2002); Замыслы уже просматривались четко и вкрупно; Действующее начальство само вынуждено балансировать на острие ножа и острой критики; Я пытливо приглядываюсь ко всем присутствующим; Характер у него упорный, он редкий мастер вытаскивать застрявшие проблемы, безнадежно дохлые объекты («Новая жизнь», г. Бологое); Наметили определенный план работы, запланировали встречи с руководителями района; Она (площадь клеверного поля) не позволит вам заготовить потребное количество кормов, по крайней мере в большинстве хозяйств, и даже при нашей низкой насыщенности скотом; Гораздо выгоднее «пропускать» его (зерно) через скот и продавать животноводческую продукцию («Сельская новь», 29 ноября, 2002, г. Красный Холм).

К сожалению, в районной печати отмечены и грамматические, а также орфографические и пунктуационные ошибки, свидетельствующие об очень низком уровне владения русским языком авторов опубликованных материалов. Приведем примеры самых распространенных грамматических ошибок: Решили... открыть боксы для больных детей, где их лечат и ухаживают уже знакомые воспитатели; Силос за последние годы пользуется постоянным спросом; Можно, если хозяйство от другой деятельности получает прибыль, с лихвой покрывающей убытки от такой продажи и услуг; Эти руководители думают и смотрят в корень («Сельская новь», 29 ноября, 2002, г. Красный Холм); Они участвовали на Дне района; Ошибочно распространяемое в последние годы мнение о том, что крестьяне разучились работать с землей («Спировские известия» (15 ноября 2002); В актовом зале администрации собрались на жеребьевку все претенденты и их доверенные лица, расселись полукругом вокруг руководителей средств массовой информации, договариваются о порядке и объеме рекламных публикаций («Новая жизнь», г. Бологое).

Может быть, районные газеты и не так часто читаются современной молодежью, в частности тверскими студентами, но те же проблемы отмечены и в газете, предназначенной для студентов Тверского государственного университета, – «Вестнике ТвГУ». Анализ только одного номера (№ 8, октябрь 2002 г.) позволил выявить весь «букет» ошибок: а) речевые: В высших учебных и средних учебных заведениях; Впереди рекордов реет горный стяг!; То и дело достаются тюбики с помадой, пудрой; Прислушиваюсь к гремящим вокург разговорам и страстям;

Восторженные **отзывы на ее выступления**; б) **грамматические**: **Самых лучших результатов могут добиться сборные университета по футболу; Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения... М. Черная успешно защитила в Российской академии музыки; Рассматривать и приглядываться к жителям крыльца можно бесконечно**; в) **орфографическая**: **В глазах общества я конченный человек**; г) **пунктуационные**: **И до сих пор он (Моцарт) для нее и знакомый и незнакомый навсегда остался главным музыкальным идеалом; Возгласы «браво», прозвучавшие после представления были искренними и заслуженными.**

Естественно, такая печать никак не может считаться достойным примером публицистического стиля, образцом, на который могло бы ориентироваться молодое поколение. Не подлежит сомнению тот факт, что небрежное оформление речи, где бы и по чьей бы вине оно ни проявлялось, негативным образом сказывается на языковой культуре общества в целом и молодежи в частности.

И еще один фактор, во многом определяющий, без которого картина общего уровня речевой культуры молодежи была бы неполной. Это преподавание русского языка и литературы в школе. Формирование речевой культуры образованного человека невозможно без чтения. А каково отношение старшекласников к произведениям школьной программы – лучшим образцам русской классической и современной литературы? Для большинства это ненужные и неинтересные книги, чтение которых отнимает массу времени. Лучше посмотреть фильм, посидеть за компьютером, просто отдохнуть. Дети еще не понимают, как обедняют свою жизнь, свою речь. Здесь на помощь им должны прийти взрослые. Но помощь эта часто оказывается во вред. Чтобы облегчить существование бедным детям, не справляющимся со школьной программой литературы, «мудрые» взрослые издают огромными тиражами краткое изложение всех художественных произведений, изучающихся в старших классах. На семи страницах изложены душевные страдания Родиона Раскольникова, рассказы А.П.Чехова занимают всего три страницы, и даже вызывающий у современного школьника ужас своим объемом бессмертный роман Л.Н.Толстого «Война и мир» умещается всего на 15 (!) страницах. А зачем больше? Основные сюжетные линии рассказаны, историческая роль Наполеона и Кутузова определена. О какой «диалектике души», психологизме, особенностях авторского стиля может идти речь при подобном изучении произведения? Современным школьникам практически невозможно объяснить, почему деятельность Чичикова, являющегося, с их точки зрения, настоящим бизнесменом, безнравственна. А как объяснишь, если вся гоголевская поэма изложена всего на 5 страницах? Выходят бесконечные сборники «золотых сочинений», большую часть которых можно оценить только на «удовлетворительно»: столько в них ошибок (не только речевых и грамматических, но и фактических). С недавнего времени в книжных магазинах появились сборники шпаргалок к сочинениям: аккуратно разрежь листок по пунктирной линии – и можешь смело отправляться на письменный экзамен по литературе. Естественно, при такой политике ни один школьник не будет самостоятельно работать с текстом. Зачем? Тем более что вступительный экзамен в вузы по русскому языку и литературе все чаще проводится в виде теста по русскому языку, а написать сочинение на выпускном экзамене за курс средней школы вообще не составляет никакого труда: темы известны за два месяца до окончания учебного года. Запасайся шпаргалками и дерзай!

Все это приводит к обеднению речи молодого поколения, снижению уровня культуры. Скудость речевых ресурсов: «Я знаю три слова... Это весь мой словарный запас» – это очень серьезная и опасная болезнь, потому что как говорю, так и думать начинаю. Нельзя не согласиться с утверждением В. Аграновского: “Брошенная на произвол судьбы словесность – мстит!”⁸. А потом взрослые удивляются и

возмущаются, слыша грубую, порой примитивную речь молодого поколения, насыщенную внелитературными элементами. А где же молодым людям взять образцы правильной и красивой литературной речи, если они практически не читают, даже обязательные по школьной программе произведения остаются пройденными в кратком изложении, а на улицах звучит примитивная речь, которая переносится и в средства массовой информации? Вседозволенность в речи оборачивается болезнью интеллекта, бедой искаженного сознания. Многие молодые люди страдают известным в медицине синдромом Туретта, когда человек утрачивает речь, но сохраняет способность сквернословить. Не раз доводилось слышать, как подростки ведут вполне мирную беседу, используя только нецензурную лексику. К сожалению, этой болезни подвержена и самая образованная часть молодежи – студенты. Как это ни парадоксально, грамотную литературную речь, без жаргонизмов и ругательств, в студенческой среде можно услышать, только общаясь с иностранцами, приехавшими учиться в Россию. Возникают курьезные ситуации. Иностранные студенты, обучающиеся в Тверской государственной медицинской академии, предъявили претензии преподавателям кафедры русского языка, которые учат их не настоящему русскому языку: они не понимают речь людей, пытающихся влезть в городской транспорт в час-пик, продавцов в магазинах, рабочих, ремонтирующих проезжую часть, и т.п.

Хотелось бы, чтобы молодые люди понимали: желание достойной среды несовместимо с недостойным словом. Слова, которые мы произносим, не просто улетают к адресату, тексты, которые мы создали, воздействуют не только на слушающего. Они оставляют след и в нас, шлифуют нашу личность, накладывают отпечаток на поведение говорящего. К сожалению, молодежная речь отражает неустойчивое культурно-языковое состояние общества, балансирующее на грани литературного языка и антинормы. Молодых людей необходимо учить фактическому знанию культурно-речевых норм, потому что только их утверждение и распространение в обществе способствует адекватному развитию языка, активной позиции в своем языковом воспитании, выработке контроля и оценки собственной речи, формированию внутренних санкций как против эмоционально обедненной, нелитературной речи, так и против речи вычурной.

Сложившаяся ситуация обусловила обязательное введение в учебный план нефилологических специальностей вузов курса «Русский язык и культура речи», который нацелен на повышение уровня практического владения современным литературным языком (в разных сферах функционирования, в письменной и устной разновидностях) специалистов нефилологического профиля. Овладение новыми навыками и знаниями в этой области и совершенствование имеющихся неотделимо от углубления понимания основных характерных свойств русского языка как средства общения и передачи информации, а также расширения общегуманитарного кругозора, опирающегося на владение богатым коммуникативным и эстетическим потенциалом русского языка. Этот курс призван помочь студентам совершенствовать навыки незатрудненного и искусного владения языком в рамках разных стилей, сосредоточить внимание на правильности речи и языковой норме, что позволит избежать речевых ошибок, помочь осознать, что речевая культура личности отражает культуру современного общества, что через свою речь человек может влиять на состояние языка. Профессионал любого профиля для успешной работы по своей специальности и каждый член общества для успешной коммуникации в разных сферах - бытовой, юридически-правовой, научной, политической, социально-государственной – должен уметь создавать связные, правильно построенные монологические тексты на разные темы в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего и ситуацией

общения, участвовать в диалогических и полилогических ситуациях общения, устанавливать речевой контакт, обмениваться информацией с другими членами языкового коллектива, связанными с говорящим различными социальными отношениями. Этими навыками носитель современного русского языка должен владеть и в устной, и в письменной форме. Они охватывают не только собственно принципы построения монологического и диалогического текста, но и правила, относящиеся ко всем языковым уровням. Владение тем или иным элементом языка включает его правильное употребление. В результате изучения этого курса студенты должны:

- 1) владеть орфоэпическими, лексическими, грамматическими нормами литературного языка;
- 2) расширить круг используемых языковых средств и принципов их употребления;
- 3) систематизировать эти средства в соответствии с тем, в какой ситуации, функциональном стиле и жанре они используются;
- 4) уметь пользоваться словарями, справочной литературой по русскому языку и культуре речи.

В Тверском государственном университете этот курс постепенно завоевывал свои позиции, доказывая необходимость изучения культуры речи студентами всех специальностей. На некоторых факультетах, например ПМиК, сначала он вводился только как курс по выбору и только потом становился обязательным.

Учебный план предусматривает изучение этой дисциплины и на отделениях заочного обучения. Студенты-заочники проводят большую самостоятельную работу по анализу языка средств массовой информации.

На многих факультетах, в основном на гуманитарных специальностях, эта дисциплина находит свое продолжение в курсах «Культура делового общения», «Слово как основа речевого воздействия», «Русский речевой этикет», «Основы риторики», «Вопросы ономастики».

Стала традиционной в Тверском государственном университете олимпиада по русскому языку и культуре речи для студентов нефилологических специальностей вузов «Говорим правильно и хорошо по-русски». С каждым годом все больше студентов принимают в ней участие.

В рамках изучения дисциплины «Основы культуры речи и стилистики» студенты филологического факультета выступают с лекциями перед жителями города, проводят уроки по культуре речи с учащимися средних школ.

Студенты всех факультетов Тверского государственного университета ежегодно принимают активное участие в подготовке и проведении «Дней славянской письменности и культуры».

Преподавателей ТвГУ не оставляет надежда изменить отношение общества к языку и в недалеком будущем слышать от студентов только правильную, красивую литературную речь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Русский язык конца XX века. М., 1996; В.Г. Костомаров. Языковой вкус эпохи. СПб., 1997; Н.С. Валгина. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001 и др.

2. Э.Г. Туманян. О природе языковых изменений. // Вопросы языкознания. № 3. С. 86-97.

3. Л.П. Крысин. Русский литературный язык на рубеже веков. // Русская речь. 2000, № 1. С. 28-40.
4. Л.Л. Федорова. Современная молодежная речь: норма или антинорма? // Русский язык. № 4 (220), январь 2000.
5. В.Г. Костомаров. Языковой вкус эпохи. СПб., 1997.
6. О.А. Лаптева. Говорят с телеэкрана. // Русская речь. 1993, № 5.
7. См., например: Е.Н. Басовская. Обезглавливание через озаглавливание. // Русская речь. 2003, № 4.
8. В. Аграновский. Перлы. // Новая газета. № 40.1999.

Барбара Зонненхаузер
(г. Лейпциг)

НЕСОВЕРШЕННЫЙ ВИД В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: МНОГОЗНАЧНОСТЬ И НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ

0. Введение

В статье описываются процессы, участвующие в интерпретации русского несовершенного вида. НСВ является немаркированным членом оппозиции русской видовой системы, и поэтому выражает большое количество интерпретаций (так называемые частные видовые значения), которые трудно объединить в один-единственный инвариант, который бы совмещал в себе все эти семантические интерпретации.

Вместо того, чтобы искать одно инвариантное значение и характеризовать его терминами типа „незаконченность“, „длющийся процесс“ или „рассматривать действие изнутри“, в этом докладе считается более важным определить значение НСВ на более абстрактном уровне. НСВ имеет определенное, но в то же время и довольно общее значение, которое определяется качественной импликатурой (Q-implicature), базирующейся на шкале <СВ; НСВ>, где СВ является информативно сильным членом оппозиции. Значение НСВ понимается как мета-переменная величина „НСВ“, которая многозначна, и эта многозначность может быть разрешена или снята с помощью контекста. Даже после снятия многозначности окончательные контекстуальные значения еще не сразу очерчиваются. На этом этапе значения получают некоторую определенность, но они все еще остаются довольно общими (sense-general) и требуют дополнительного уточнения с помощью более широкого контекста или с помощью прагматических умозаключений (pragmatic reasoning processes). Этот уровень создает трудности при разработке компьютерных программ, направленных на компьютерную обработку естественного языка, потому что для получения релевантной интерпретации необходимо учитывать не только лексические единицы, но и фоновые, а также концептуальные знания. Возможные решения этой проблемы можно искать в статистических подходах, описывающих частоту совместного появления комбинаций и приписывающих им интерпретацию по умолчанию (by default).

1. Семантика вида

В данной статье принимается селекционная теория вида (Bickel 1996): видовые показатели понимаются как оккупаторы, которые выбирают фазы и границы, представляющие решительные единицы для выбора видом. Эти фазы и границы кодируют определённые части событий, т.е. они выражают на лексическом уровне концептуальные признаки событий (иллюстрация 1). Семантическая репрезентация глаголов состоит из разных уровней (Jackendoff 1987), темпоральный уровень там, где находятся фазы и границы. Основным в селекционной теории вида является строгое разграничение глагольной основы и семантика вида.

Каждое прототипическое событие можно описать как трехэлементную структуру, состоящую из подготовительной фазы (= динамическая фаза), кульминации (= граница) и следствия (= статическая фаза). Существуют три возможности выбора вида. Фигура 1 показывает некоторые видовые операторы и единицы, которые

выбирает вид: показатель продолжительного времени в английском и морфема *-iyor(du)* в турецком эксплицитно выбирают динамическую фазу, русский СВ выбирает границу, а турецкая морфема *-miş* показывает статистическую фазу.

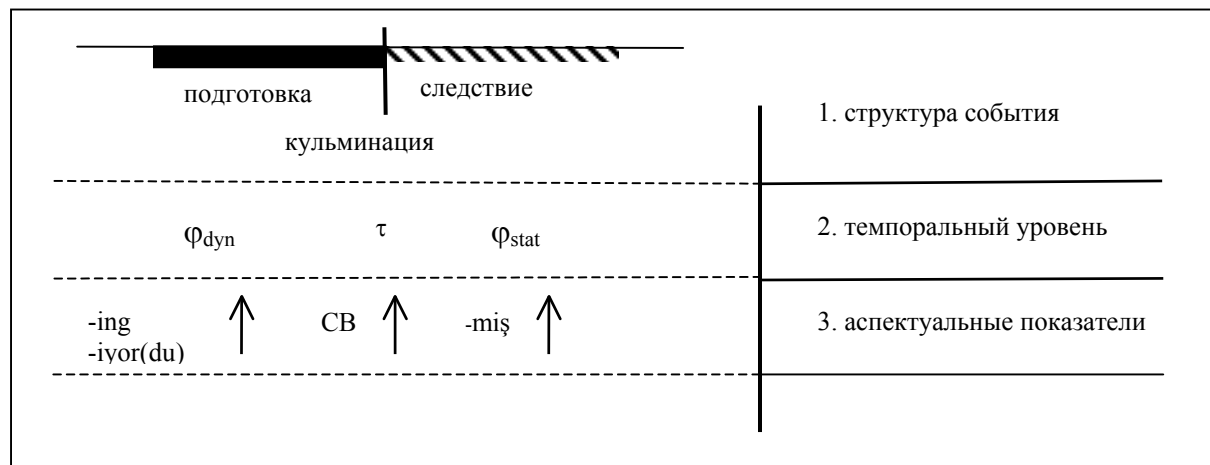
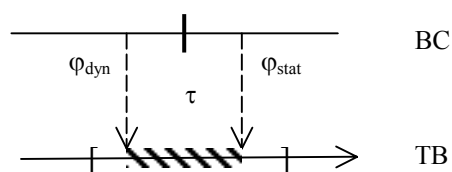

Таблица 1: селекционная теория вида

Эта трехэлементная структура (событийное ядро; Moens & Steedman 1988) описывает прототипичное событие. Другие события могут изменяться по его направлению посредством введения недостающих элементов. Этот процесс вызывается с помощью видовых показателей.

Klein (1995) анализирует вид как отношение между двумя темпоральными интервалами: текущее время события (BC) и топикальное время (ТВ), т.е. время, о котором идет речь. В русском языке СВ является маркированным членом видовой оппозиции и описывает следующие отношения:

- (1) топикальное время включает границу:
 $ТВ \supset \tau$

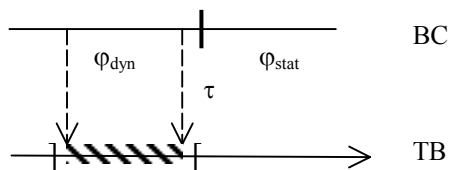
Топикальное время включает границу, т.е. СВ выбирает границу/границы семантической репрезентации глагола и связывает ее с топикальным временем таким образом, что ТВ обязательно включает эту границу.

НСВ как немаркированный член оппозиции описывается такими же терминами, как СВ, но позволяет более разнообразные отношения – все, кроме эксплицитного выбора границы, однако не исключает и этот выбор.

Таким образом, вид может быть определен в терминах, связанных с временем, как отношение между выбранной частью описываемого лексического содержания и топикальным временем. Совершенный вид выбирает границу и относит ее к топикальному времени. Топикальное время обязательно включает границу НСВ и может обозначать все, кроме эксплицитного выбора границы, однако, не исключая и этот выбор. Ниже показаны три вида соотношения между топикальным временем и выбранной частью НСВ. Наблюдаются следующие соотношения:

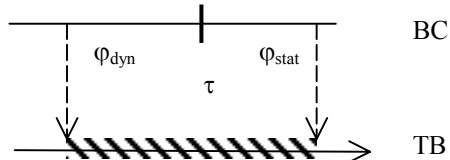
- (2) а. топикальное время включается в динамической фазе:

$$ТВ \subset \varphi_{dyn}$$

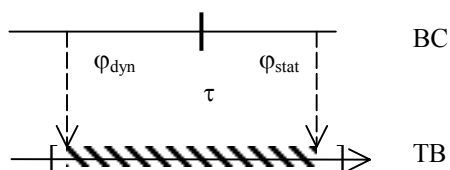
- б. топикальное время одновременно с описываемым лексическим содержанием

$$ТВ = \varphi_{dyn} \tau \varphi_{stat}$$

- в. топикальное время включает описываемое лексическое содержание

$$ТВ \supset \varphi_{dyn} \tau \varphi_{stat}$$

Эти отношения принадлежат к событийному уровню, но еще не к оси времени. Следовательно, они должны быть связаны с осью времени посредством “точки отсчета” ТО (Падучева 1996), которая фиксирует позицию наблюдателя. Точка отсчета может быть ретроспективной к ТВ (2в) или синхронной. При синхронной ТО есть две возможности: соответственное ТВ может быть “нормальным” (2а) или “сверхдолгим” (2б). Это значит, что есть три разные ТО, соответствующие трем разным видовым отношениям. Кроме того, этими понятиями можно классифицировать частные видовые значения НСВ следующим образом:¹

НСВ		ТО	Видовое отношение	Частные значения НСВ	Турецкий
	I.	Синхронное (ТВ нормальное)	$ТВ \subset \varphi_{dyn}$	актуально-процессуальное, конативное	-iyordu
	II.	Синхронное (ТВ сверхдолгое)	$ТВ = \varphi_{dyn} \tau \varphi_{stat}$	продолжительное, потенциальное, постоянное, вневременное	-irdi ('Aorist')
	III.	ретроспективное ²	$ТВ \supset \varphi_{dyn} \tau \varphi_{stat}$	общефактическое ³ , дуративное	-di

Таблица 1: несовершенный вид в русском и турецком языках

Формулировка трех отношений для НСВ становится более ясной, если обратиться к материалу на турецком языке, в котором существуют морфологические средства открытого разграничения этих отношений в глаголе.

Следующие примеры иллюстрируют наши утверждения:

- (3) а. Когда я вошел, мой брат лежал на диване и читал книгу.
 б. Ты показывал ей это письмо?
 в. Раньше он работал в университете.

¹ Эти значения предлагаются Падучевой (1996). Здесь мы вводим только однократные значения.

² ТО может быть также проспективным, напр. при СВ для будущих событий.

³ Grønn (2003) различает разные типы общефактивного значения.

г. Хороший был слесарь: любые замки открывал.

В примере (3а), ТО синхронной и ТВ с нормальной длительностью. ТВ относится только к части “лежание”, длящейся в момент моего вхождения. О начале и конце этого действия ничего эксплицитно не сказано. Видовое отношение - ТВ включается в φ_{dyn} ($\text{ТВ} \subset \varphi_{\text{dyn}}$). В (3б) ТО ретроспективна, она совпадает с моментом речи, и мы имеем дело с отношением $\text{ТВ} \supset \varphi_{\text{dyn}} \tau \varphi_{\text{stat}}$. Предложные (3в) не обозначают конкретное событие, но характеризуют субъект как преподавателя в университете. В этом случае ТВ сверхдолго (раньше), а ТО синхронна, потому что ТВ не ограничено. Видовое отношение - $\text{ТВ} = \varphi_{\text{dyn}} \tau \varphi_{\text{stat}}$.

Здесь интересно то, что турецкий язык располагает морфологическими средствами для выражения этих трех типов отношений (см. таблицу 1). Из этого можно заключить, что русский НСВ либо имеет общее значение, либо обладает многозначностью и передает три разных значения. Это соответствует “принципу содержания”, по мнению Zwicky & Sadock (1975: 5), которые отмечают: “Если различие в понимании системно многозначно в определенном языке, то тогда это разграничение потенциально реализуется с помощью формальных показателей в другом языке”.⁴ И далее: “Из факта, что определенное семантическое разграничение является простым и формально выраженным в некоторых языках, мы не можем судить о статусе различия определенного примера в данном языке; этим фактам соответствует отсутствие спецификации, конкретизации (это проявление общего значения – Б.З.) и систематическая многозначность”.⁵

Следовательно, встает вопрос о том, является ли НСВ в русском языке многозначным. Однако на самом деле вопрос о многозначности или неопределенности не вопрос “либо то – либо то”. Скорее, определенная конструкция может иметь общее значение и быть в то же время многозначной. Все зависит от того, как мы будем ее рассматривать. Как пишет К. Жанг, “мы привыкли рассматривать определенное выражение одномерно, однозначно – или как многозначное, или как неясное. На самом деле, выражение может быть многозначным, неясным, общим или размытым, расплывчатым, в зависимости от того, как мы на него смотрим”⁶ (Zhang 1998: 29).

Именно с этой позиции мы будем анализировать НСВ в русском языке.

2. Многозначность и неопределенность НСВ

И многозначность, и неопределенность – примеры одной и той же неопределенности в грамматической и когнитивной обработке, интерпретации высказывания. Это и предмет неоднозначного синтаксического анализа, но многозначность и неопределенность отличаются феноменами, которые их определяют, а также стратегиями их разрешения.

В случае многозначности мы имеем дело с выражением, которое имеет два или больше “разных частей, ролей” в интерпретации. Это можно назвать “сверхопределенностью”⁷, и слушающий просто выбирает одну из возможных интерпретаций. Выражение общего значения, с другой стороны, однозначно в процессе

⁴ “If a distinction in understanding is a systematic ambiguity in some language, then that distinction is potentially realisable by a formal mark in some other language.”

⁵ “From the fact that a particular semantic differentia is simple and that it is formally marked in some language we can conclude nothing about the status of this distinction for any particular example in any language; both lack of specification [sense-generality, B.S.] and systematic ambiguity are consistent with these facts.”

⁶ “We tend to examine an expression in a uni-dimensional manner, i.e. as either ambiguous or vague. In fact, an expression can be ambiguous, vague, general or fuzzy, depending on how we look at it.”

⁷ overdetermination

интерпретации, но не полностью определено. Это обычно называется “недостаточной выраженностью”⁸, и тогда мы не выбираем интерпретацию, а скорее конструируем ее в зависимости от фактов в контексте или от нашего концептуального знания.

Atlas (1989: 31) указывает на разницу следующим образом: “При интерпретации высказываний с общим значением мы не выбираем одно из возможных чтений многозначного предложения; мы конструируем из определенного, но общего значения и из второстепенной, сопутствующей информации специфическое содержание”⁹.

2.1. Многозначность

Существуют определенные тесты, которые помогают разрешить случаи многозначности. Самый распространенный тест – это т.наз. “странный эффект” (*zeugma effect*), невозможность противоположных чтений и сокращения частей предложения. Если выражение многозначно и имеет несколько значений, то “странный эффект” возникает в (4а), разночтения невозможны в (4б) и сокращение связок возможно, только если в опущенных выражениях используется то же самое значение в двух частях предложений (4в):

- (4) а. He took his hat and his leave.
Он взял шляпу и решение уехать.
б. Morton and Oliver tossed down their toasts.
Мортон и Оливер бросили / проглотили быстро свои гренки¹⁰.
в. I went to a bank this morning and so did my brother.¹¹
Сегодня утром я ходила в банк / на берег и мой брат тоже.

В (4а) возникает “странный эффект”, потому что разная интерпретация общего компонента ведет к конфликту, который не может быть решен слушающим. В интерпретации предложения (4б) только два из четырех логически возможных чтений на самом деле правильны, а в случае (4в) слово *bank* должно быть употреблено в одном и том же значении в двух частях конъюнкции.

Установилось представление о том, что многозначность возникает только при наличии нескольких лексических единиц, т.е. каждое значение многозначной единицы представлено как самостоятельная лексическая единица (4а-в). Как показали Lascarides et al. (1996), многозначность возможна и при одной единственной лексической единице. Это случай прагматической многозначности, где многозначность возникает из-за разной прототипической, основной интерпретации или интерпретации по умолчанию.

- (5) а. John walked towards the bank and so did Peter.
Джон ходил к банку, и Питер тоже.
б. Rembrandt used a brush and so did our janitor.
Рембрандт употреблял кисть/щетку¹², и наш дворник тоже.

⁸ underdetermination

⁹ “In interpreting the utterances of sense-general sentences, we are not selecting from the readings of an ambiguous sentence; we are constructing from a definite but general sense and from collateral information a specific content.”

¹⁰ toss down – 1. бросить, 2. проглотить быстро

¹¹ bank – 1. банк, 2. берег реки

¹² Здесь трудность состоит в том, что английское слово «brush» неоднозначно, тогда как в русском есть два слова «кисть» и «щетка».

В обоих случаях опущение связки требует, чтобы соответствующие элементы были одного и того же типа.

Это были случаи лексической многозначности. Однако хотелось бы применить упомянутую выше методику тестирования на НСВ русского языка, чтобы показать, как грамматическая форма может быть многозначна на одном уровне и недифференцирована на другом.

“Значение”, на котором я останавливаю внимание, есть видовые отношения, упомянутые ранее. Значение НСВ было дефинировано так, чтобы оно определяло три основных отношения между топикальным временем и избранной частью семантического представления глагола. При применении теста многозначности на формы НСВ можно проверять, является ли НСВ многозначным в рамках трех указанных значений. Таким образом, сокращение частей возможно только в том случае, если соответствующие отношения одинаковы в двух частях предложения и “разночтения”, т.е. употребления в разных значениях, невозможно.

- (6) а. Я читала этот роман, и Мария тоже.
- б. Иван хорошо и Виктор в 8 часов играл в теннис.
 - б1. Иван хорошо играл в теннис.
 - б2. Виктор в 8 часов играл в теннис.
- в. Иван хорошо и Виктор часто играл в теннис.
- г. Я вспоминаю о бабушке: он гулял с внуками, с ними играл в футбол, курил трубку, хорошо играл в шахматы...

Проверка в (6) показывает, что на уровне видовых отношений, НСВ на самом деле многозначен. Сокращение двух предложений в (6а) возможно только если оба обладают таким же отношением, т.е. только два из четырех логически возможных чтений на самом деле возможны. Две части предложения (6 б1 и 6 б2) позволяют разные интерпретации, базирующиеся на различных видовых отношениях (*группа I и II, таблица 1*). Это противоречие решить невозможно. В (6в) и (6г) не возникает противоречия, потому что интерпретация обеих частей возникает из такого же отношения (*группа II*).

Многозначность снимается с помощью контекста, т.е. обстоятельствами, фиксирующими ТО, или с помощью режима интерпретации дискурса, как в (6г), где режим интерпретации – описание и позволяет только чтение из *группы II*.

Итак, мы идентифицировали НСВ как многозначный в рамках трех отношений. Возникает вопрос о том, является ли эта многозначность семантической или прагматической, т.е. вопрос в том, нужно ли нам определять три разные лексические единицы для НСВ. Скорее всего, не нужно. Единственная единица, которая должна быть определена, это единица, полученная с помощью качественной имплицатуры, т.е. мета-переменная НСВ, полученная в результате шкалярной инференции, базирующейся на шкале <СВ, НСВ>. В такой шкале более слабый в информационном плане элемент – НСВ – вероятно, предполагает нейтрализацию, невалидность более сильного компонента – СВ, но не отрицает его эксплицитно. Эта имплицатура определяет значение НСВ – НСВ выражает все, кроме отношения, выражаемого СВ, т.е. НСВ может обозначать те три отношения, о которых говорилось выше.

Вот почему можно утверждать, что в данном случае мы имеем случай прагматической многозначности.

2.2. Недифференцированность

Напомним, что в случае недифференцированности выражение имеет одно определенное, но очень обобщенное значение, которое охватывает все возможные употребления и интерпретации. Чтобы получить особенную интерпретацию, требуется спецификация соответственного отношения контекстом и концептуальным знанием.

Если посмотреть на Таблицу 1, то можно заметить, что каждое из указанных отношений позволяет несколько конкретных значений, т.е. отношения все еще не дают нам контекстуально релевантной интерпретации. Более того, эти отношения являются общим названием всех возможных интерпретаций, возникающих на их основе и являющихся недифференцированными в упомянутом выше смысле.

Поэтому с чисто лингвистической точки зрения невозможно составить список значений а priori, что существенно отличается от подходов, воспринятых в NLP (обработке естественного языка), где существует острая необходимость дать заранее список возможных значений, чтобы установить соответствующие правила.

Следующий пример иллюстрирует недифференцированность НСВ после снятия многозначности.

- (7) а. Мой отец говорил по-турецки.
‘Мой отец умел говорить по-турецки’.
- б. Переводчик говорил по-турецки.
‘Переводчик был в процессе говорения’.
- в. Переводчик говорил и по-турецки.
‘Переводчик мог говорить также по-турецки’.

Возможные интерпретации предложений (7а-в) – актуально-процессуальное, потенциальное и узуальное. Самая доступная интерпретация выбирается по принципу релевантности, и если такая интерпретация согласуется с этим принципом, то тогда другие возможные интерпретации отвергаются. Часто встречаемые концепты активируются с большей степенью вероятности по сравнению с редко встречаемыми концептами, что иллюстрируется в (7а), где наиболее вероятная интерпретация – это потенциальная интерпретация. Эта интерпретация не релевантна в (7б), однако информация становится редундантной. Небольшое изменение контекста, как в (7в), создает подходящий контекст, чтобы потенциальное значение стало действительным.

Основная проблема, связанная с конкретизацией недифференцированности, состоит в том, как сделать обобщения, касающиеся выбора и конструкции интерпретации в определенных контекстах. Один из возможных подходов состоит в приписывании вероятности их проявления, основанном на анкетах с носителями языка.

Процесс деривации значения НСВ можно представить следующим образом:

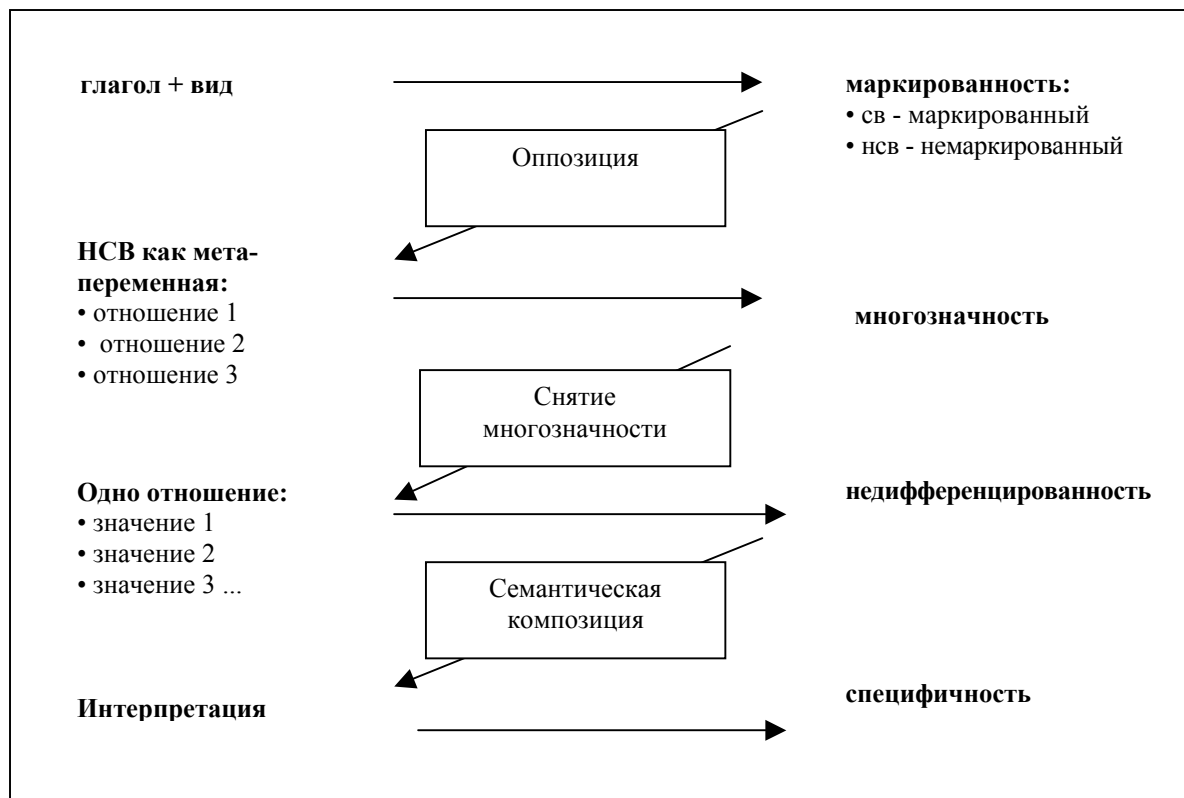

Таблица 2: деривация значений вида

3. Заключение

Представленный здесь подход описывает значение НСВ на основном и довольно абстрактном уровне, на котором все частные значения могут быть выведены в процессе, состоящем из двух шагов. Во-первых, мета-переменная получает стоимость по предварительно разработанной шкале, где ее многозначность снята и сведена к одному из трех отношений (общих значений). Во-вторых, эти значения недифференцированы и должны быть обогащены контекстуально релевантной интерпретацией. Анализ многозначности помогает структурировать разнообразие значений НСВ.

ЛИТЕРАТУРА

- Atlas, J. 1989: Atlas, J. *Philosophy without Ambiguity*. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- Bickel, B. 1996: Bickel, B. *Aspect, Mood and Time in Belhare*. Zürich: ASAS, 1996.
- Carston, R. 2002: Carston, R. *Thoughts and Utterances*. Oxford: Blackwell, 2002.
- Glovinskaja, M.J. 1982: Glovinskaja, M.J. *Semantičeskije Tipy Vidovych Protivopostavlenija Russkogo Glagola*. Moskva: Nauka, 1982.
- Grønn, A. 2003: Grønn, A. *The Semantics and Pragmatics of the Russian Factual Imperfective*. Ph.D. Dissertation, University of Oslo, 2003.
- Jackendoff, R. 1987: Jackendoff, R. *The status of thematic relations in linguistic theory*. // *Linguistic Inquiry* 18/3, 1987.

Johanson, L. 1996: Johanson, L. Terminality operators and their hierarchical status. Devriendt, B. et al (eds), *Complex Structures: A Functional Perspective*. Berlin, New York: de Gruyter, 1996.

Klein, W. 1995: Klein, W. A time-relational analysis of Russian aspect. // *Language* 71/4, 1995.

Klein, W. 2001: Klein, W. On finiteness. Ms. MPI Nijmegen, 2001.

Levinson, S. 2000: Levinson, S. *Presumptive Meanings*. Cambridge, London: MIT Press, 2000.

Moens, M. & M. Steedman 1988: Moens, M. & M. Steedman. Temporal ontology and temporal reference. // *Computational Linguistics* 14/2, 1988.

Sonnenhauser, B. (to appear): Sonnenhauser, B. Imperfective aspect in Russian: 'reference time', semantics and pragmatics. // *Proceedings of FDSL-5*. Leipzig.

Yavaş, F. 1982: Yavaş, F. The Turkish aorist. // *Glossa* 16/1, 1982.

Zhang, Q. 1998: Zhang, Q. Fuzziness – vagueness – generality – ambiguity. // *Journal of Pragmatics* 29, 1998.

Гловинская М.Я. 1982: Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.

Падучева Е.В. 1996: Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.

Ирина Захариева

ВЕНЕЦИАНСКИЙ МИФ БРОДСКОГО

*Повенчаюсь в непогоду
С перезвонною волной
С. Есенин*

Лейтмотивность темы смерти в лирике сближает Иосифа Бродского с Сергеем Есениным. В двадцатидвухлетнем возрасте в “Стансах” поэт уже мысленно созерцает полет своей отделившейся от плоти души над водой Невы, а в “Стансах городу” выражает посмертную просьбу: “Пусть меня отпоет хор воды и небес...”. По “Дороге Иллюзий” он, как творец, движется в заданном направлении – к небытию (“Пилигримы”). Ощущение преходности бытия личности настраивает Бродского скорее торжественно, чем пессимистически: “...и, полны темноты и покоя, // мы все вместе стоим над холодной блестящей рекою” (“От окраины к центру”).

Если говорить о романтизме и эсхатологизме раннего Бродского (конца 1950-х – начала 1960-х годов), то для нас предпочтительнее не говорить об антитезах, а охарактеризовать мироощущение поэта этого периода как эсхатологическое, выражаемое в романтической форме¹.

Судьба эмигранта избрана им вынужденно в 1972 году. Местом жительства избран Нью-Йорк, где есть возможность жить за счет литературного труда. Но до 1996 года - года смерти – его неизменно влечет иной город: семнадцать раз совершает он рождественские поездки в Венецию. Вереница зимних свиданий с городом дали художнику слова материал для путевого очерка “Набережная неисцелимых” (1989). В очерке мотивируется пристрастие поэта, рожденного на берегах холодной и сырой Балтики, к тому месту на земле, которое синонимично для него библейскому понятию “Земля обетованная”. Его оценочное определение города сводится к лапидарной метафорике: “Мой вариант рая”². И несмотря на то, что в послесловии к “Котловану” А. Платонова он иронично наделял рай эсхатологическими признаками, сокровенное представление поэта о рае так же эсхатологично и связано с полным, блаженным успокоением тела и души.

Бродский осознавал себя преемником Серебряного века. В русской поэзии того периода тематически скрещивались смежные виды искусства: архитектура, музыка, живопись. Эстетизировались урбанистические реалии. Поэты различных стилевых течений культивировали пространство Венеции. В первой четверти XX века, наряду с “петербургским текстом” русской литературы, нарастал и уплотнялся ее “венецианский текст”.

Путешествие Александра Блока по Италии стимулировало появление цикла “Итальянские стихи” (1909). В цикл включен триптих “Венеция”. Во втором стихотворении триптиха “Холодный ветер от лагуны...” запечатлена архитектурная доминанта Венеции – фасад собора св. Марка: “Марк утопил в лагуне лунной // Узорный свой иконостас”³. Петербургского поэта поразило зрелищное великолепие фасада – “богатство архитектурного оформления”, “мозаичные изображения и цветные колонны”⁴. В письме к матери, делаясь впечатлениями от Венеции, Блок замечал, что венецианское пространство легко обживается: “...живу в Венеции, уже совершенно как

в своем городе, и почти все обычаи, галереи, церкви, море, каналы для меня свои, как будто я здесь очень давно”⁵.

Литературный “серебряный век” проходил под знаком приобщения российских творцов к мировому искусству. В Венеции воплощался дух европейского Ренессанса, город воспринимался в его принадлежности к культуре. Ослабление позиций символизма в русской поэзии не ослабило влечения творцов к Венеции. В сборнике “Четки” Анны Ахматовой фигурирует стихотворение 1912 года “Венеция” – урбанистическая зарисовка, составляющая часть психологического автопортрета. Собор святого Марка назван у нее – в постсимволистском стиле обытовленности – “золотой голубятней у воды, // Ласковой и млеюще-зеленой”⁶. В ахматовском тексте город уподоблен старинному живописному полотну, целебно воздействующему на поэтический дух: “Но не тесно в этой тесноте // И не душно в сырости и зное”.

В августе 1912 года посетил Венецию Борис Пастернак, возвращаясь в Москву из Марбурга. В стихотворении “Венеция” (1913) запечатлено воспоминание: “Я был разбужен спозаранку // Щелчком оконного стекла. // Размокшей каменной баранкой // В воде Венеция плыла”⁷. “Размокшая баранка” плывущей Венеции вошла в арсенал крылатых выражений русской поэзии (припоминал о ней и Бродский, созерцая Венецию). Позже в автобиографическом очерке “Охранная грамота” (1931) Пастернак реконструировал свое впечатление от этого памятного города. Во второй части трехчастного очерка семь глав посвящены кратковременному пребыванию повествователя в Венеции.

Заметим, что описанный Пастернаком в новизне первородного ощущения “ночной” облик Венеции сближается с “дневным” восприятием адриатического города у Ахматовой. У обоих поэтов рождается сравнение со старинным живописным полотном: “...было похоже на почерневшую от времени живопись в качающейся раме”⁸. Вослед Блоку и Ахматовой автор “Охранной грамоты” выразил то блаженное состояние творческой личности, которое возникает в топосе Венеции: “...и меня коснулось это счастье, и мне посчастливилось узнать, что можно день за днем ходить на свиданья с куском застроенного пространства, как с живой личностью”⁹.

Объединяющий момент в восприятии Венеции поэтами из России – одухотворение города и признание его родственным себе существом; “чужое” пространство мыслилось как “родное”.

Страстный путешественник Иван Бунин приехал в Венецию в 1909 году во второй раз – после пятилетнего перерыва. В стихотворении “Венеция” (1913) он использует прием “смещения во времени”, удлинняя временной интервал своей разлуки с городом до восьми лет (“Восемь лет в Венеции я не был...”) ¹⁰. Бунинское стихотворение представляет собой беллетризованный нарратив: автор повествует о своем пребывании в городе с налетом туристического флера, достигая фактологического эффекта. Венеция Бунина принадлежит скорее местному населению, чем воспринимающему лицу; автор признается в любви к ней как части земного мира. Нарочитая прозаичность урбанистических зарисовок, словно, призвана опровергнуть интеллектуальность модернистов, пренебрегавших его поэзией, как анахронизмом. Прочитаем бунинский афоризм из стихотворения “Венеция”: “Тот, кто молод, // Знает, что он любит. Мы не знаем – // Целый мир мы любим...”.

Когда наступил длительный душающий период духовной изоляции России от мира, Осип Мандельштам мечтал о том, что казалось неосуществимым: “О, если б распахнуть, да как нельзя скорее, // На Адриатику широкое окно” (“Ариост”, 1935)¹¹.

Распахнуть окно на Адриатику удалось Бродскому. Еще пребывая в “империи”, он вынашивал в образных видениях свой миф о земном рае. Реальная Венеция

рельефно вписывалась в мировую литературу XX века в принадлежности к его творчеству.

Очерк “Набережная неизлечимых”, состоящий из 49 глав, поэтизирует город, воспринимаемый как любимое существо. О непреодолимом влечении к объекту говорит и метафорика топонима, оставленного в авторском тексте на итальянском языке (*Fondamenta degli Incurabili*). Поэтика заглавия соответствует жанру лирической прозы.

Особо выделено первое свидание повествующего “я” с городом-мечтой. В эпизоде первого свидания с Венецией описанием управляет эмоция благоговения от осознания новизны восприятия города. В “холодной зимней ночи” он испытывает “чувство абсолютного счастья” от запаха “мерзнущих водорослей”. Подразумеваемая Пастернака с его пристрастием к запаху “рождественской хвои с мандаринами”, Бродский мотивирует собственное одоративное пристрастие: звукоподражательное словосочетание, в котором “сошлись растительный и подводный мир”, и намек на несовместимость в тайной подводной драме, запечатленной вербально (в привычном для него стиле флора и потусторонность сошлись в слове).

Фонетические свойства фразеологизма “мерзлые водоросли” включают и философическую семантику, совмещающую стихии воды и глубоководной растительности. Причина привязанности к запаху “мерзлых водорослей” усматривается в архаической зоологии – воспоминаниях “о наших хордовых предках, на худой конец – о той самой рыбе, из которой возникла наша цивилизация” (напоминание о рыбе как эмблеме ранних христиан). К оправданию предпочитаемого запаха присоединяется и автобиографический мотив: “детство на берегах Балтики”. Одоративное восприятие Венеции развито Бродским в разноплановой философичности. Отныне для паломников в Венецию запах *мерзнущих*, или *мерзлых* водорослей будет связан не только с природной экзотикой, но и с особенностями художественного мира Бродского.

Наглядно совершается переход к зрительному аспекту восприятия города. Венеция именуется “возлюбленной глаза”. Подобная субъективная оценка переносится из его же лирики. В “Венецианских строфах” (1982) есть характерное для него ироническое выражение: готовность жертвовать глазным зрачком в стремлении “запомнить пейзаж, способный обойтись без меня”¹². Зрительные впечатления выдержаны в той же “морской” стилистике, что и одоративные: улицы “узкие, выющиеся как угорь”; “камбала площади”; собор, обросший “ракушками святых”. Любой виток улицы “приводит к воде”.

Ключевое слово – концепт в очерке Бродского – *вода*. Одна из четырех стихий мироздания (земля, воздух, вода, огонь) главенствует в его поэтическом сознании. Согласно парафилологическим рассуждениям литератора, при условии признания мира жанром, вода должна быть признана его “главным стилистическим приемом”: “... сама мысль в своем движении подражает воде”. Опять в образном уподоблении сплелись бытие – стихия – духовность.

Вода в своей мифической сути – как граница между земным и потусторонним миром (воды Леты) – образная аналогия восприятия жизни как части бинарной оппозиции *жизнь/смерть*. Признания во влечении к воде как к зрительному образу выражается в лирике Бродского и получает выражение в очерке: “...моя слабость к воде, к ее складкам, морщинам, ряби и – раз я с Севера – к ее серости”¹³.

Зрелище морского прилива в тексте о Венеции настраивает повествователя на отвлеченные размышления о времени. Вводится тиражируемый им афоризм: “Жизнь есть форма времени”¹⁴. По мере расширения метафизических рефлексий Бродский толкует время как эманацию Божьего Духа: “Бог, или, по крайней мере, его дух есть время”. Раз Божий Дух “носился над водою” (цитируется Бытие, Первая книга

Моисеева, глава первая), “вода служила ему отражением”. Следовательно, “... вода есть образ времени” (с. 218-219). В поэтическом сознании Бродского оформляется ключевое образное уподобление: *форма* времени – жизнь, а *образ* времени – вода.

В славянской мифологии магической считается рождественская вода¹⁵. Бродский своими наездами в Венецию в Рождество в течение семнадцати лет каждый раз переживал волнующее его событие: наблюдал “всплытие новой порции, нового стакана времени” (с. 219). Созерцание “гребня волны, бьющей о берег в полночь”, связано у него с представлением о “времени, выходящем из воды”. Вероятно, он, неизменно чувствующий в годы эмиграции близкое присутствие смерти, каждый раз загадывал, сколько новогодних “стаканов времени” ему суждено наблюдать.

Мотивация к написанию очерка “Набережная неисцелимых” прочитывается в его же статье “Поэт и проза” (1982): “...каждый литератор стремится к одному и тому же: настигнуть или удержать утраченное или текущее Время”¹⁶.

Лирическая проза “Набережная неисцелимых”, написанная по-английски и переведенная на русский язык Г. Дашевским, принадлежит к той же тематике, что и вся поэзия Бродского (русскоязычная). Близкий ему по духу литовский поэт – эмигрант Томас Венцлова вносил свою формулировку: “...его тема близка к религиозной. Эта тема – “бытие или ничто (логическое ударение может сдвигаться)”¹⁷. Тема Венеции привела Бродского к глобальному образному уподоблению собственного творчества разливу венецианской воды. Разлив водной стихии в очерке осмыслился с уклоном в метафизику.

Представление о воде как о пограничном пространстве между двумя мирами приобретало экспрессивность от введения образа зеркала. В Библии существует сравнение небес с “тусклым зеркалом”. В Первом послании св. апостола Павла коринфянам сравнение с зеркалом означает гадательность, неясность восприятия смертным духовного и вечного (“Теперь мы видим как бы сквозь тусклое зеркало, гадательно...”)¹⁸. У Бродского есть подобная коннотация, но преобладает реальный план сравнения.

В своем желании расколдовать словом силу притяжения Венеции поэт вводил сравнение венецианской воды с зеркалом: венецианская вода “содержит отражения, в том числе и мое” (с. 212). В отличие от традиционного понимания нарциссизма как синонима эгоцентризма, автор поэтизирует нарциссизм Венеции, вобравшей отражения многих влюбленных в нее личностей: время, оно же вода, вяжет и тклет из наших отражений узоры. Так Бродский иносказательно определил динамику создания венецианского текста мировой культуры.

В атмосфере Венеции поэт обособляет собственное нарциссическое ощущение: “...я почувствовал, что шагнул в собственный портрет, выполненный из холодного воздуха” (с. 206). Психологическое и эстетическое слияние личности с городом пришло в русскую поэзию в период зарождения авангардистского искусства. Владимир Маяковский в лирическом цикле “Я” (1913) сравнивал свою душу с городской мостовой, испачканной отпечатками следов прохожих. Многочисленны урбанистические ассоциации и у Бродского. “Портреты” городов в его поэзии существенно дополняют портрет автора. В принадлежности к венецианской тематике его психологические самонаблюдения углублялись в аналогиях со стихией воды (“В некоторых стихиях опознаешь себя...”).

Вводя в очерк “Набережная неисцелимых” словосочетание “роман с городом”, Бродский развивал, в сущности, социопсихологическую тему труднообъяснимой привязанности личности к урбанистическому пространству, если эта привязанность неодолима. В мотивацию его увлеченности Венецией как идеальным топосом входит сравнение с первой возлюбленной – Северной Пальмирой. Сравнивая Венецию со

своей “малой родиной”, он называл ее “Петербургом, продленным в места с лучшей историей” (с. 217). Интеллигенты из России пытались найти за рубежом более разумную историческую реальность.

В поэтических рефлексиях Бродского время управляло не только личностным существованием, но и “прорастало” в сферу мировой культуры. Virtuозная разработка приемов антропоморфизма в отношении природного, архитектурного и духовного обликов Венеции помогла ему создать интегральное образное целое: аллегория судьбы творца и его дара земле в “портрете” приморского города.

Каждый раз, возвращаясь в Нью-Йорк после рождественской поездки на адриатические воды, поэт испытывал тоскливое чувство движения вспять – из мира высокой культуры в мир бездушной цивилизации. Бродский завещал похоронить его в Венеции. Тело поэта, умершего 28 января 1996 года в Нью-Йорке, было перезахоронено 21 июня 1997 года в Венеции на острове – кладбище Сан-Микель.

Мифология славян гласит, что душа покойника погружается в воду. Душа Бродского слилась с морской стихией Адриатики. Поэт обрел посмертный покой в Земле обетованной своего воображения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бродский Иосиф. Форма времени. Стихотворения, эссе, пьесы. В 2-х томах, т. 1. Минск, 1992, с. 15, 31; Ли Чжи Ен (Респ. Корея). Романтизм и эсхатологизм в творчестве И. Бродского раннего периода. // Русская литература, 2003, №1, с. 220-239.

2. Бродский Иосиф. Набережная неисцелимых. Тринадцать эссе. М., 1992, с. 211. В дальнейшем цитаты из очерка “Набережная неисцелимых” по этому изданию, с указанием страницы в тексте.

3. Блок Александр. Собрание сочинений в 8-и томах, т. 3. М., 1960, с. 103.

4. Там же, с. 531 (штрихи описания фасада в примечаниях к стихотворению).

5. Блок Александр. Собрание сочинений в 8-и томах, т. 8, с. 283 (письмо от 7 мая 1909 г.).

6. Ахматова Анна. Сочинения в 2-х томах, т. 1. М., 1990, с. 73-74.

7. Пастернак Борис. Собрание сочинений в 5-и томах, т. 1. М., 1989, с. 56.

8. Пастернак Борис. Собрание сочинений в 5-и томах, т. 4, с. 199.

9. Там же, с. 204.

10. Бунин И.А. Собрание сочинений в 9-и томах, т. 1. М., 1965, с. 360.

11. Мандельштам Осип. Сочинения в 2-х томах, т. 1. М., 1990, с. 195.

12. Бродский Иосиф. Форма времени, т. 2, с. 92.

13. Бродский Иосиф. Набережная неисцелимых, с. 219.

Пронаблюдаем визуальные приметы воды в его лирике.

Из стихотворения “С февраля по апрель”: “Река – как блузка, // на фонари расстегнутая” (Бродский И. Форма времени, т. 1, с. 225).

Из цикла “Письма римскому другу”: “Нынче ветрено и волны с перехлестом. // Скоро осень, все изменится в округе” (Бродский И. Форма времени, т. 1, с. 269).

Из цикла “Полдень в комнате”: “Я родился в большой стране, // в устье реки. Зимой она всегда замерзала. Мне // не вернуться домой” (Бродский И. Форма времени, т. 2, с. 20).

14. См. в предисловии Владимира Уфлянда: “Форма времени – одно из определений жизни в стихах Бродского” (Бродский Иосиф. Форма времени, т. 1, с. 11).

В интервью с Джоном Глэдом Бродский в 1979 году развивал ту же мысль: “...меня более всего интересует и всегда интересовало... время и тот эффект, какой оно оказывает на человека...” (Глэд Дж. Беседы в изгнании. М., 1991, с. 123).

15. См. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995, с. 97.

16. По мнению Якова Гордона, друга Бродского, в эмиграции его сторожил “новый деспот – время, чреватое смертью”, и он писал о времени “столь же настойчиво и последовательно, как в России писал о преодолении пространства” (Гордон Я. Переключка во мраке. СПб., 2000, с. 207).

17. Полухина Валентина. Бродский глазами современников. СПб., 1997, с. 268.

18. Библейская энциклопедия. М., 1990, с. 276.

Ивайло Велев

ТРАГИЧЕСКАЯ ВОЗВЫШЕННОСТЬ ИДЕИ СВОБОДЫ В ПОЭМЕ "БУНТ ИСЛАМА" П.Б. ШЕЛЛИ И В ПОЭМЕ "ДЕМОН" М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Комплекс оценок двух поэм представляет собой калейдоскоп лучей, ворвавшихся в ткань этих произведений. Они похожи либо на цепь жемчужин, либо на померкнувшую луну за белыми тучами. Например, "Бунт ислама" классифицирован как "поэзия религиозного посвящения (везде перев. мой – И.В.)"¹, как "символика (...) чередования добра и зла и (...) знак отступления Шелли от радикальных взглядов"², как объединение "человеческой истории с метафизической частью"³. В ней "тема народа и революции становится центральной"⁴, провозглашается "способ освободить род людской от рабства, страха и суеверия"⁵. Различны и углы зрения, под которыми критики рассматривают поэму "Демон" М.Ю. Лермонтова. У героя "отталкивающая, безобразная сущность"⁶, он "тяготится своим изначальным, "сеющим зло" предназначением, хочет вырваться из него"⁷, поэт в "зрелые годы (...) достигает органичного слияния с логикой архаического народного мифотворчества"⁸, но он "выбрал для себя ложный и в конечном счете гибельный путь, предопределенный безнравственностью его сознания"⁹. Поэтому и поэма "связана с (...) гибелью индивидуалистического (и эгоистического) сознания"¹⁰, "впервые Лермонтов дает (...) диалектику борьбы противоположных сил, мыслей и чувств в целостном поэтическом образе"¹¹; но существует также мнение, что это произведение "глупое, если мы не услышим его музыку на оригинальном русском языке"¹². На другом полюсе отмечены "истинность и огромность страданий Лермонтова, колоссальность его обобщений, интенсивность боли и отчаяния"¹³. Интересен и опыт сузить тему поэмы суждением, что она направлена "против господствующей религиозно-философской морали"¹⁴.

Стоит отметить и рассуждения критиков об идее свободы, проходящей красной нитью в обоих произведениях. Однако эти замечания не отличаются синтезом, они не возводятся на пьедестал отдельного семантического комплекса. А эта тема основная, она помогает нам лучше осмыслить обе поэмы.

Свобода является логическим следствием порядка, существующего на земле. Она обусловлена параметрами, остающимися на статичном уровне. Все узы, ограничивающие человеческий или сверхчеловеческий дух, кажутся эфемерными, если мы взлетаем на вершину поэтического вдохновения. Но они и гнетущее бремя, накладывающее свою свинцовую печать на все живое, на все человеческие существа. Только некоторые из людей могут подняться на вершину, освобождающую глаза и дыхание страдавшего раба. Шелли и Лермонтов ставят проблему не исключительности, но универсальности рабства. Все картины в этом измерении нарисованы мрачными красками, они охватывают всю землю, и послания поэтов категоричны.

Кажется, что существующие экзотические восточные мотивы стесняют тему изображения и сужают проблематику. Но Шелли воспроизводит полотно, на котором есть мысли о Французской революции, о столкновении ислама с христианством, о роли церкви и Инквизиции. Географические измерения также важны, потому что сюжет поэмы развивается на равнинах и морях, во льдах и на полюсе. Было бы неточным идентифицировать Золотой город только с Константинополем¹⁵. Ассоциации с Эдемом, со столицами древних и современных империй не только в Европе и Азии, но и в Америке, создают абстрактный символ, возвышающийся над конкретикой вещей и

имеющий обобщенность духовных атрибутов, находящихся в отдельных сферах ценностей – этических, исторических, теософских и философских. Поэт предъявляет претензию к пирамидальному построению моральных категорий. На вершине находится Страх, порождающий Зло – отец Алчности и Скупости. И все это определяется идеей Рабства. Шелли определенно расширяет сферу всех низменных страстей и побуждений, властелин которых – Робость.

Лермонтов также изображает картину холода, властвующего на земле. Под воздействием хтонического начала реальные существа превращаются в тени мира Гадеса. Демон говорит с печалью:

Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.

Здесь важно противопоставление боязни двум самым сильным чувствам – любви и ненависти. Когда это суждение вырвано из контекста, то оно окрашено иронией, сарказмом. В поэме, однако, оно наделено пафосом, трагедией одиночества, оторванностью от повседневной жизни. Здесь, как и в поэме Шелли, мы не должны воспринимать этот бунт как проявление эгоизма.

Индивидуализм является не состоянием духа, к которому стремятся герои, это эмблематическая внутренняя динамика душевных сотрясений. Чрезвычайность социального положения протагонистов определяется низким уровнем общества. Превратившиеся в неудобных индивидов, у них три возможных выхода – либо смириться с канонами обыденности, принять страх принципом поведения и мышления, отречься от личной свободы (каким притворяется Демон, ставший на колени), либо остаться изгнанником, либо быть в огне событий, искать там других бунтарей и идти к реализации своих идей.

Отмена страха ведет к столкновению могучих характеров, появлению новых людей, лишенных робости. Эта иллюзия неизменна и неизбежна. Чувство свободы всегда связано с принципами, уничтожавшими догмы. Оно является лозунгом и отправной точкой в новой формации – Шелли пишет о Равенстве как о матери свободы, Демон призывает Тамару стать “его подругой”. Но в этом и состоит трагедия свободы – отнимая страх и рабство, открывая дверь для новых чувств и мыслей, общество превращается в незавершенный комплекс без гармонии. Эта структура, одолеваемая бурными страстями, лишена систематического порядка в самом начале. Этим и будет обусловлена революция, разрывающая узы рабства.

Симптоматично то, что Шелли ставит проблему тех эпох в истории человечества, когда оно живет стремлениями, не ограничиваемыми цепями тирании. Поэт определяет эти вехи только двумя периодами – интервалами существования Греции (он имеет в виду демократию Афин) и Франции во время революции. Шелли упускает некоторые важные социально-экономические потрясения, такие как борьба трибунов братьев Гракхов, всенародный подъем в Нидерландах против Габсбургов в XVI в., “пуританская революция” в Англии и т.д. Здесь вскрывается амбиция поэта найти не только самые веские аргументы, но и чистейшие проявления его излюбленной темы царства Равенства и Свободы. Трагедия общества заключается в том, что эти государства отступают перед реакцией деспотизма.

Для такого финала поэт не пользуется богатством мифов и летописей. Это отвечает его замыслу – представить развернутое полотно общефилософского познания, а потом оборвать оптимистическую симфонию синкопой индивидуального проявления судеб Лаона, Лаоны и Цитны. Так настоящее и прошлое перекликаются, они являются залогом будущего. Жизненные пути революционеров разные, их объединяют огни, сияние которых не померкнет, потому что оно становится опорой благородных умов.

Ненапрасно Шелли выбирает имя Лаон, которое порождает ассоциации с Грецией и со словом “лаос” (“народ”). Трагедия его свободы в некоторых измерениях – его верность идее Равенства (перед законом гуманности – И.В.) не позволяет кровопролитий, когда тиран Осман лишился власти; чтобы спасти Цитну от травли, он приносит себя в жертву.

Здесь фабульные обстоятельства являются не только двигателем действия, они вскрывают и синтез требований Шелли о лучшем пути прогресса, его чаяния и тоску от нового появления деспотизма во время Французской революции. Поэт прослеживает всю темную и безвыходную историю человечества – революции неизбежны, потому что рабское состояние лишает людей правды, истины и веры. К сожалению, революции заканчиваются либо новым деспотизмом, либо крушением в результате проявления снисходительности к павшим тиранам. Шелли вскрывает в своей поэме второй путь развертывания восстания, и он подвергает анализу реакцию. Это “бунт” не только ислама, но и любых других культов, пришедших во имя блага и улучшения жизни человека. Это “бунт” против гармонии и воцарившейся гуманности. Он “неизбежен и велик”, его победа несомненна. И в этой трагической коллизии глубочайшее страдание Шелли. Везде и всегда он видит попрание человеческих прав; нет ни малейшей надежды, ни проблеска света в универсальном контексте. И он замыкается в себе и в своем поэтическом мире, где даже малейшим иллюзиям иногда приходит конец.

Лермонтов тоже рассматривает идею восстания, но она получает у поэта более темную окраску, увеличиваются вопли страдания. В знаменитом монологе Демона прослеживаются четкие автобиографические мотивы.

Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных
Увы! я сам не узнавал.

Здесь надо вспомнить некоторые факты – “преобразование” Николаем I Московского университетского благородного пансиона, где учился поэт, бунт Лермонтова против авторитетов Московского университета в 1832 г. и против аристократии в связи с убийством Пушкина, первая ссылка на Кавказ¹⁶. В своих стихах Лермонтов сумел синтезировать все свои разочарования, всю грусть своей борьбы, продолжавшейся более десяти лет.

Интересно то, что нигде в поэме он не указывает на конкретную причину “божьего проклятия”. Мы можем только гадать о ней. Это не недостаток повиновения (иначе душа жениха Тамары не была бы сослана в рай), это не прелюбодеяние (иначе душа Тамары не была бы посланной в небеса в сопровождении ангела). Демон – “враг небес”, но в этом божьем мире недостает любви и познания. Ангел изображен строгим воином, а в пресловутой реплике “он (бог – И.В.) занят небом, не землей” ощущается такой сарказм, что все каноны церкви обращаются в пыль, а догмы низвергаются сомнением и пробивающей себе дорогу истиной. В этом смысле надо интерпретировать великолепные картины кавказской природы, обобщенные стихом “творенье бога своего”. Здесь такая ирония, что мы не должны обманываться – в Демоне существуют два начала. Если обозначить их как зло и добро, то этим не исчерпывается вся суть. Лирический герой говорит о себе как о “зле природы”, но мы всегда должны иметь в виду то, что существует еще возможность интертекстуальности, цитата мнения других. Тогда и авторский текст наполняется новым содержанием:

... ..но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего.

Тогда в описаниях Демона мы откроем два голоса: один – ниспровергающий его, а другой – показывающий лишь одно мгновение его существования, когда “он входит для любви готовый”.

Нельзя толковать все картины и идеи поэмы только в одном измерении или воображать себе, что произведение поэта можно интерпретировать, имея в виду лишь основную фабульную нить. Разный угол зрения позволяет видеть многогранное полотно, полнокровное, как сама жизнь. Присутствуют разные приемы и стили – ирония, сарказм, трагедия, фольклор. Например, как истолковать стихи:

Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее проник,

если не учесть фактора богатых мифов и не выдвинуть гипотезу о новом мифе, созданном Лермонтовым. То же и с Демоном. Если мы воспримем его как сверхчеловека¹⁷, то непонятно, почему у него нет ни капли гармонии в отношениях с Тамарой. Если говорить о нем как о человеке¹⁸, тогда почему еще во втором стихе сказано, что “(он – И.В.) летал над грешною землей”. Слова Тамары “дух порочный” дают другой угол зрения. Но и в этом случае неясна исповедь Демона:

И я людьми недолго правил,
Греху недолго их учил.

Проще всего заявить, что эта поэма противоречива и в ней сталкиваются разные идеи. Тогда нельзя говорить о монументальности художественного образа. Надо смотреть на произведение более обобщенно. Демон губит Тамару, свою любимую девушку, и здесь ни о каком случае “утверждения, вечного возрождения”¹⁹ не может быть и речи. Сам лирический герой утверждает, что

(на земле – И.В.) преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить.

Логически ясно, что уже сама любовь между ним и гордой красавицей превращается в факт жизни, что эта любовь неминуемо становится и явлением земли. Здесь можно считать доминирование Демона причиной гибели девушки, но это уже библейский код, а Лермонтов противится ему.

Можно воспринимать лирического героя обобщенным символом человечества преимущественно не в плане его надежд и верований, а в плане комплекса сомнений, а также в плане бунта против небесных и земных кумиров. Демон, как античный Протей, меняет свою форму. Однако его содержание остается приблизительно неизменным. Он отрицает все зыбкое, все кажущееся людям “благородным”. Каждая новая система, воздвигнутая на земле, ниспровергнута им, потому что он – “царь познания и свободы”. Эти философские категории не могут быть ограничены никакими цепями, они “неизменны и велики”, как ход человечества. Идея Лермонтова состоит в том, что мы не можем понимать “эволюцию” только как прогресс или регресс. Поэт категоричен в своем приговоре истории обществ на земле, где “нет ни истинного счастья, // Ни долговечной красоты”.

Мы не должны воспринимать смерть Тамары в эсхатологическом духе. Здесь идея эфимерности всего живущего. Такова судьба каждого человека, поверившего в слова о безмерном счастье. Это следствие избытка чувств, чрезмерных страстей. Они безграничны и являются символом незаурядного искания чего-то неземного, идущего в небеса – в рай или в ад. Лермонтов разрабатывает идею свободы мыслей и чувств. Он отстаивает ее до конца. В образе Тамары эта идея преобразуется в столкновение противоположных страстей – остаться верной богу или воспринять новую перспективу:

отказаться от него на минуту, отречься от смирения, которое является лишь кратким мигом в ее жизни. В этом заключается и трагическая возвышенность свободы. Чтобы избавиться от предрассудков и от цепей лживой морали, человеку надо надеяться на собственные силы, он должен воспринимать себя как микрокосмос, обладающий конфликтными силами. Поставив гордость условием достижения вершины, причиной накопить силы и амбиции, он перестает быть только одной частью всего мира и превращается в иллюзорную систему, якобы имеющую гармонию свойств. Но это невозможно, ибо страсти лишены пропорции, их динамика не может быть контролируемой. Нехватка симметрии лишает индивида его законного места в обществе. Желая божественного бессмертия и глубины, он не может достичь их. Возвышающийся над будничной жизнью, он обречен на одиночество и коллизии, разрывающие его сердце.

В этом и состоит трагедия. Свобода есть бунт против существующих законов, против всех препятствий. Она проникнута чувством и сознанием исключительности духа. Она вызвана стремлением подняться выше и стать над всеми людьми. Эта внесоциальность идеи полной свободы связана и с гордостью, потому что нужен избыток мыслей и концепций. Чтобы разрушить преграды ограничивающих свободу догм, необходимы: вера в истинность пророчеств, обладание силой защищать ее. Иногда свобода мыслей порождает и злодеяния, потому что бунт против концепций отождествляется с борьбой против их носителей – против определенных людей. Это преступление согласно христианским принципам. Лермонтов ощущает глубину этой коллизии и изображает ее развертывание на фоне всей мировой истории. Вот почему и его Демон не может найти искупление для своих преступлений – нет пощады для индивида, совершившего убийство. Трагическая возвышенность свободы заключается в том, что привычное состояние и бытие лирического героя – это его порыв и полет над всем миром, это “пучина гордого познания”, раскрывающая его страдания и печаль от того, что он не может возвратиться в первоначальное состояние наивности и непорочности.

Возвышенная трагедия присуща гордым характерам Лермонтова. Она неизбежна и является их внутренним состоянием, поддерживаемым оппозицией противоречивых чувств и концепций – любовь и ненависть, стремление к добру и презрение. Лаон и Цитна – герои Шелли – также свободны, но их коллизии не являются атрибутами их естественного статуса. На первый взгляд их трагедия обусловлена внешними обстоятельствами в виде наступления контрреволюции. Однако все это лишь видимость, потому что Лаон и Цитна воюют против всех и всяких несправедливостей. Их идеи наступательны и возвещают новое общественное положение, в котором будут гармония, радость и блаженство.

Краткий период той формации свидетельствует о том, что гордость может быть направлена на улучшение жизни человека. Равенство – это принцип бытия. Идеал временно можно достичь. Жизненные пути Лаона и Цитны расходятся в продолжении этого триумфа, но герои продолжают вести себя достойно, не склоняя голову. Во время реакции и наступления голода, болезней и преступлений они не покидают своего народа и жертвуют собой во имя своего друга. Нам это может показаться наивным, но в истории есть немало подобных примеров. В эпизоде ясно провозглашение концепции о внутреннем идеале, защищенном кровью героев и превратившемся в знамя общества. Трагедия смерти превозмогается гармонией. Таким образом открывается и новая вершина, которая звучит оптимистично, потому что их слово и жизнь будут служить примером для грядущих поколений.

Эти поэмы Шелли и Лермонтова являются примером двух архетипов сознания и мышления. Видна разница между оптимистическим и пессимистическим восприятием

действительности. Обе поэмы похожи драматизмом изображения. В них предстает свобода как вечный символ лучших надежд человечества на его терновом пути в течение веков. Приверженцами деспотизма свобода представлена пугалом, носителем внутренних потрясений, она обругана бранными словами. Но как птица Феникс, она всегда возрождается из пепла, чтобы быть знаменем будущих борцов за лучшее устройство мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Webb T. Shelley: A Voice Not Understood. Manchester: Manchester University Press, 1977, p. 35.
2. Barrell J. Shelley and the Thought of His Time: A Study in the History of Ideas. New Haven: Yale University Press; Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press, 1947, pp. 135-136.
3. Baker C. Shelley's Major Poetry: The Fabric of a Vision. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1948, p. 64.
4. Неупокоева И. Г. Революционный романтизм Шелли. Москва: издательство художественной литературы, 1959, с. 129. См. также: Колесников Б. И. Революционная эстетика П. Б. Шелли. Москва: "Высшая школа", 1963, с. 9.
5. Дьяконова Н. Я., А. А. Чамаев. Шелли. Санкт-Петербург: "Наука", с. 52; см. также: Колесников Б. И. Перси Биши Шелли (1792-1822). В: Шелли. Избранное. Перевод с английского. Москва: издательство художественной литературы, 1962, с. 11: "герои (...) идут в бой за то, чтоб "золото навек утратило свою кровавую силу".
6. Афанасьев В. В. Лермонтов. Москва: "Молодая гвардия", 1991, с. 424.
7. Найдич, Э.Э. Этюды о Лермонтове. Санкт-Петербург: "Художественная литература", 1994, с. 180.
8. Маркович Вл. М. Миф о Лермонтове на рубеже XIX – XX веков. В: Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы. Статьи разных лет. Санкт-Петербург: издательство С.-Петербургского университета, 1997, с. 181.
9. Соловьев Вл. С. Лермонтов. // Соловьев Вл. С. Собр. соч. СПб., 1913. Т. 9. См. Маркович Вл. М. Цит. соч., с. 157.
10. Коровин В. Ив. Творческий путь М. Ю. Лермонтова. Москва: "Просвещение", 1973, с. 185.
11. Неупокоева И. Г. Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века. Опыт типологии жанра. М., "Наука", 1971, с. 288.
12. Garrard J. Mikhail Lermontov. Boston: Twayne Publishers, 1982, pp. 104-105.
13. Архипов Вл. Ал. М. Ю. Лермонтов: Поэзия познания и действия. М., 1965, с. 7.
14. Андреев-Кривич С. Ал. Всеведение поэта. М., "Советская Россия", 1973, с. 175.
15. Были высказаны мнения о главной теме Французской революции в поэме. См.: Неупокоева И. Г. Революционный романтизм Шелли, с. 129-130; Baker C. Op. cit., pp. 77-78. Webb T. Op. cit., p. 112. Также налицо и отождествление Золотого города с Константинополем. См.: Дьяконова Н. Я., А. А. Чамаев. Цит. соч., с. 53.
16. Мануйлов В. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Биография писателя. Ленинград: "Просвещение", 1976, с. 54, 67, 91-96.
17. См. толкование о Лермонтове в оценках Вл. Соловьева и Мережковского: Маркович Вл. М. Цит. соч., с. 165.

18. См. толкование о Демоне как о человеке: Логиновская Ел. В. Поэма М. Ю. Лермонтова "Демон". М., "Художественная литература", 1977, с. 12.
19. Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 7. М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 555.

Татьяна Мегрелишвили
(г. Тбилиси)

К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ МЕМУАРОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В период между двумя самыми разрушительными в истории человечества войнами XX столетия в мировом культурном пространстве сложился уникальный феномен – русское зарубежье, границы которого не отмечены ни на одной политической карте мира, а люди, принадлежавшие к русскому зарубежью, являлись лицами без гражданства. Пространство диаспоры охватило территории Европы и Азии, пересекло океаны и распространилось в Новом Свете. Харбин и София, Берлин и Прага, Нью-Йорк и Париж, Стамбул и Варшава увидели на своих улицах русских людей, для которых отныне заграница стала домом. Духовные ориентиры этих скитальцев определялись понятием «русская культура», которую они увезли с собой в своих душах и пытались сохранить вопреки историческим реалиям.

Эмиграция – это всегда трагедия для личности, вынужденной решиться на подобный шаг, и трагедия для нации, которая в лице эмигрантов обычно теряет интеллектуально наиболее значимую часть населения. Пока эмиграция составляет незначительный процент общей составляющей нации, она является скорее личностной проблемой. Но если начинается массовый исход населения из страны, то проблема эмиграции становится исторической определяющей конкретного отрезка национальной истории, становится фактом мирового исторического процесса. В случае с русской культурой эмиграция представляется закономерным явлением, логическим следствием культурных и политических процессов в России на рубеже двух столетий.

Одновременно этот процесс является частью общего закона развития мировой цивилизации, который может быть условно определен как закон распространения и развития. В рамках этого закона, который принадлежит к разряду трансисторических явлений, экспансия более зрелой цивилизации проявляется как в сфере искусства, так и в экономике. Отраженная волна возвращается стремительным потоком: оплодотворенная ранее достижениями более зрелой культуры, молодая культура в дальнейшем сама становится реактивом, трансформирующим и себя, и материнскую культуру. Так в общих чертах нам представляется осуществление общецивилизационного движения к глобальному единению, что стало очевидным в современном мировом сообществе. Проявление одной из сторон этого процесса мы и наблюдаем в таком явлении, каким стала Великая русская эмиграция¹.

В истории формирования и развития русской культуры наблюдается характерная особенность: с конца XVII столетия русская культура интенсивно осваивает опыт более зрелой западной культуры, творчески перерабатывает его и создает свой национальный, неповторимый тип культуры. Если в XVIII веке русская литература перенимала у европейских литератур эстетический опыт, считая

¹ *M. Raeff*. *Russia Abroad: A cultural history of Russian emigration, 1919-1939*. N.Y.; Oxford, 1990. Предисловие.

необходимым как можно скорее «сравняться»², чтобы впоследствии в некотором смысле превзойти учителей в раскрытии собственно-национального и общечеловеческого начал, то культура русской эмиграции XX века выплеснула в европейскую культурную среду волну такой силы, что она теперь уже в свою очередь повлияла на многие явления западной культуры.

Особую категорию эмигрантов составили деятели литературы. После событий октября 1917 года можно говорить о массовом исходе из России представителей литературной элиты. Русская эмиграция сохранила на чужбине все основные черты русской жизни и русского общества. В первые годы эта потребность создания «России в миниатюре», по выражению З. Гиппиус, диктовалась ожиданием скорого возвращения на родину. Российская научная и художественная интеллигенция, не желая терять время зря, продолжала служить своей родине, и на чужбине создавались русские школы и вузы, выходили газеты, ставились спектакли, писались художественные произведения.

В истории бывают такие напряженные политические и идеологические моменты, когда психологически не схожие индивидуальности, принадлежащие единой социальной группе, демонстрируют в большинстве своем одинаковую, определенную позицию (к примеру, русское образованное дворянство эпохи декабризма или позиции разночинной интеллигенции 1860-х годов). В более «смутные», переломные моменты истории люди одного слоя занимают несколько характерных общественных позиций. На выбор позиции обычно влияют различные факторы: личные данные, индивидуальные способности, обстоятельства, а также и другие аспекты жизни, включая случай. Но выбор общественной позиции, при условии, что человек участвует в идеологической жизни своей эпохи, необходим.

Литература отражает эти общественные позиции в эпохальных характерах. Уже мемуары А. Герцена «Былое и думы» отразили эпохальные характеры своего времени, а эмиграцию – как общественную позицию, исповедуемую определенной частью поколения 1830 – 1840 гг. Но тогда эмиграция еще не стала явлением, к которому можно было бы применить определение «массовое». После 1917 года явление стало массовым, и трагедия эмиграции предстала одним из нескольких вариантов эпохальной судьбы поколения начала XX века.

Трагедия эмиграции, ее экзистенциальная сторона предопределена фактом существования личности в иной культурной среде. Эта чуждая среда обладает своими национальными особенностями, и если экспатриация личности происходит в среду близкой или родственной национальной культуры, то проблема эмиграционного существования личности не встает столь остро.

Деятели русской культуры начала XX века эмигрировали в Европу в первую очередь потому, что европейская культура (в особенности культурная среда Германии и Франции) воспринималась ими как бесспорно родственная: со времен Петра I немцы проживали в России, были активно вписаны в русскую действительность, а французский язык стал неотъемлемой частью любого приличного образования. Русская европейски ориентированная интеллигенция во многом воспринимала Европу в качестве духовной родины. Такой взгляд складывался в России на протяжении долгого времени.

² Карамзин Н. М. Избр. соч. в 2-х т., т.1, М-Л, 1964, с. 416: «Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им вслед за другом... Какой народ не перенимал у другого? И не должно ли сравняться, чтобы превзойти?»

Кроме того, Париж воспринимался столицей искусства не только русским творческим сознанием, но и сознанием европейских и даже американских художников. Они, разумеется, не становились в Париже эмигрантами, но подолгу жили в этом городе. Кафе Монпарнаса были для них таким же творческим прибежищем и неотъемлемой частью художественного процесса, как и для русских эмигрантов. В этом сказалась заложенная еще импрессионистами традиция, которая просуществовала до середины 1960-х годов, когда последний творческий «скиталец» Г. Миллер завершил ее своей смертью. В 1920-1930 годы большинство западных авторов «потерянного поколения» тянулось в Париж и подолгу пребывало там³. «Хорошо быть в Париже, быть молодым и бедным. Но американский журналист, решивший порвать со своей чикагской газетой, чтобы писать роман, «который никто никогда не издаст», или шведский художник, решивший не потрафлять вкусам публики, а писать «для себя», или музыкант с Карибских островов, играющий на пиле, оборвавший все связи с Карибскими островами и живущий на чердаке в Латинском квартале, не согласный со своим карибским правительством, - все это были люди, с которыми наше положение не могло сравниться: они решили остаться, но могли и уехать, им не снились колбасные витрины, они принадлежали к той артистической прослойке города, у которой было будущее»⁴.

Русские писатели и поэты, художники и артисты, уезжая в эмиграцию, порой не сразу попадали в Париж. Но постепенно подавляющее большинство деятелей культуры собралось в Париже, за которым закрепилось негласное звание столицы эмиграции, своеобразной метрополии, в то время как другие центры русского рассеяния воспринимались из Парижа как эмигрантская периферия. Так русское эмигрантское сознание пыталось сохранить национальную картину мира в инонациональном окружении – перенос на эмиграцию символики и топосов дореволюционной жизни, с ее градацией на литературную метрополию (Петербург) и периферию.

До событий 1917 года русские охотно путешествовали по Европе, годами пребывали за границей, сначала ездили «ума искать», а позднее выезжали по многим причинам, но всегда была возможность вернуться, а, вернувшись, подобно Чацкому, заметить:

*Когда ж постранствуешь, воротисься домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен!*⁵

Но странствие не эмиграция. У странника, классического «путешественника», столь любимого персонажа литературы эпохи романтизма, всегда была возможность прервать свои путешествия и попытаться обрести на земле Дом. Уже «бегуны образованной России»⁶ герценовского поколения «потерялись» на дорогах Европы. Еще драматичнее складывались судьбы тех, кто покинул Россию после октябрьского переворота.

Вынужденное пребывание за пределами страны имело и свое позитивное значение: русская культура получила возможность непосредственного соприкосновения с культурным процессом Европы, а часто во многом определяла лицо европейского театрального, балетного, оперного и киноискусства. Вклад в мировую

³ Э. Хемингуэй, Э.–М. Ремарк, Д. Олдридж запечатлели в своих произведениях жизнь Парижа в период между двумя мировыми войнами.

⁴ Берберова Н. Н. Курсив мой. М., 1996, с. 325-326.

⁵ Грибоедов А. С. Горе от ума. М., 1976, с. 20.

⁶ Герцен А. Полн. собр. соч. Т. 10. М., 1958, с. 87.

философию внесли С. Булгаков, С. Франк, Л. Шестов; мировая живопись смогла узнать имена художников-эмигрантов К. Коровина, отца и сына Рерихов, З. Серебрякова. Творчество русской эмиграции обогатило культуру XX столетия, и сегодня уже нельзя однозначно ответить, явлением какой национальной культуры следует считать В. Набокова, С. Рахманинова, М. Фокина и многих других русских, оказавшихся после 1917 года за пределами России.

«Россия в миниатюре» складывалась за рубежом многопланово и разносторонне, сохранив все стороны русской ментальности и государственных структур. Русские рестораны и журналы, литературные салоны и военные организации, политические партии, вузы и театры – все компоненты, отражающие лицо нации, были воссозданы на чужбине эмигрантским народом.

Русская литература за рубежом развивалась многожанрово и многопланово. Однако ее центральным мотивом следует признать тему России, ностальгию. Сложную гамму отношений русских эмигрантов к родине отражают стихи и проза. Ностальгическими настроениями, в том числе, объясняется обращение многих авторов к жанру романа-биографии и исторического романа. Второй распространенной темой стала сама эмиграция. Остро встал вопрос: сохранять ли традиции русской классической литературы, или же смысл эмиграции состоит в поисках выхода за рамки этих традиций. Видимо, такая дилемма возникала в сознании литераторов-эмигрантов из столкновения «национальных образов мира»⁷ (вывезенных из России) с иными типами жизни и мысли.

Особенности национального менталитета писатели и поэты эмиграции связывали с пейзажем России, понятием русской равнины, восприняв эту точку зрения у мыслителей начала и первой трети XX века⁸. Равнина, степь со своими бескрайними просторами являлась одной из составляющих древнеславянской картины мира⁹, которую сохранило русское сознание с незапамятных времен. Пейзаж русской заснеженной равнины во многих поэтических и прозаических произведениях эмигрантов становится понятием-символом.

В стремлении к сохранению «национальной аксиоматики»¹⁰, то есть русских культурных ценностей, литературное сознание эмиграции обращается к традиционным для русской классической литературы устойчивым смысловым элементам текста, повторяющимся в пределах произведения, – мотивам. Применительно к литературному наследию эмиграции, в особенности автобиографическому, мотив как термин из области «строгой» поэтики переходит в сферу изучения мировоззрения и психологии автора. В силу этого он может (и должен) отражать особенности осмысления «национальной аксиоматики».

В творчестве молодых поэтов-эмигрантов (монпарнасцев), а также в лирике Г. Иванова, который был в их глазах «мэтром», особенно ярко разрабатываются

⁷ Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1988, с. 5.

⁸ Об этом писали: Е. Н. Трубецкой. «Всеобщее прямое, тайное и равное»; Ф. А. Степун. «Мысли о России»; Бердяев Н. А. «Душа России». Интересно, что Л. Н. Гумилев также считал естественно-природный фактор важнейшим для формирования этноса (Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М., 1990, с. 39-40).

⁹ В. Ключевский. Курс русской истории. Т. 1, с. 66-67: «Лес, река, степь суть основные стихии русской природы по своему историческому значению. Каждая из них и в отдельности сама по себе приняла живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека». Степь, «широкая, раздольная», воспитывала в древнем славянине чувство шири и дали, представления о просторном горизонте. // В. С. Жидков, К. Б. Соколов. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб, 2001, с. 104.

¹⁰ Панченко А. М. Топика и культурная дистанция. // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М., 1986.

философско-символические, обобщенно-мировоззренческие мотивы одиночества, странничества, памяти и забвения, обмана, покоя. Авторы эмиграции (Ю. Терапиано «О новом русском человеке и о новой русской литературе», Ю. Фельзен «Письма о Лермонтове») описывают типичный портрет монпарнасского писателя. Отмечаются такие типологически общие черты, как ощущение заброшенности, разочарование в себе, фатализм, обесценивание метафизических идей и многое другое, что должно было побудить этих молодых, еще неизвестных в Петербурге авторов, попавших в эмиграцию, искать «именитых предков» в русской литературе с целью обрести на эмигрантском Парнасе собственное место¹¹.

Ярчайшим выразителем подобного глубоко трагического мировидения в русской литературе является М. Ю. Лермонтов. Не удивительно, что поэзия Лермонтова стала для эмиграции источником мотивов и тем. Ю. Иваск отмечает: «Адамовича заворожил лермонтовский образ Ангела, которому «скучные песни земли» не могли заменить звуков небес. Отсюда его «учение» о невозможности поэзии, ибо поэты не могут петь, как ангелы»¹². Мотив одиночества, наиболее ярко выраженный в русской литературе творчеством М. Ю. Лермонтова, в философско-символической системе осмысления мира эмигрантами особенно остро проявился в творчестве поэтов «парижской ноты». Мир как глубокая дисгармония, земля как ад, отчаяние – таким наполнением характеризуется мотив одиночества в их лирике:

*Печаль зимы сжимает сердце мне,
Оно молчит в смиренной рубашке,
Сегодня я от мира в стороне
Стою с весами и смотрю на чашки...¹³*
(Б. Поплавский «Печаль зимы сжимает сердце мне...»)

*Отойди от меня, человек, отойди, – я зеваю.
Этой страшной ценой я за жалкую мудрость плачу.
Видишь руку мою, что лежит на столе, как живая, –
Разжимаю кулак и уже ничего не хочу.
Отойди от меня, человек. Не пытайся помочь.
Надо мною густеет бесплодная, тяжкая ночь¹⁴.*
(Довид Кнут «Отойди от меня, человек...»)

*Любить – зачем любить, без власти и без права?
Желать – зачем желать наперекор судьбе?¹⁵*

Мотивы одиночества проходят красной нитью через все творчество «старших» поэтов «первой волны» (Г. Иванов, И. Одоевцева, Н. Оцуп).

Органичный для русской литературы вообще, мотив странничества также является ведущим в творчестве эмигрантов. Он становится выражением бесприютности в устоявшемся мире «чужой» культуры. Эмигрантское странничество подобно

¹¹ Числа. 1931. Кн. 4, с. 75-87; Меч. 1934, № 15-16, с. 3-6.

¹² Иваск Ю. Поэзия старой эмиграции. // Русская литература в эмиграции. Сб. статей под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1972, с. 52.

¹³ Цит. по кн: Русское Зарубежье. Пермь, 1995, с. 375.

¹⁴ Цит. по кн: Русское Зарубежье, с. 380.

¹⁵ См. там же, с. 386. Лазарь Кальберин. «О, как знакомо мне все близкое тебе».

лермонтовскому и не знает надежды на возвращение – бесконечный путь, который может оборвать лишь смерть:

*Странствуя, ночью у чужих,
Я гляжу на спутников моих,
я ловлю их говор тусклый.
Роковых я требую примет:
кто увидит родину, кто нет,
кто уснет в земле нерусской.*

Эти строки В. Набокова («Сны», 1926) – наиболее яркое выражение эмигрантского варианта мотива странничества. Этот мотив звучит и в прозе (художественной и мемуарной), где завуалировано, а где совершенно открыто.

Одновременно мотив странничества в эмиграции тесно соприкасается с мотивом изгнанничества – традиционный мотив русской классической литературы, который разрабатывали А. Н. Радищев, Г. Р. Державин, П. А. Вяземский, поэты-декабристы, А. С. Пушкин в 1820-е годы, М. Ю. Лермонтов и др. Литература эмиграции обогатила образ изгоя новыми чертами. Традиционный русский литературный изгнанник проклят, он обречен на скитание «среди пустынь чужих», но быть изгнанным – значит быть избранным, приобрести очевидное доказательство своей исключительности и несовместимости с «толпой», «светом» - изгнание есть освобождение, приобретение внутренней свободы.

Корни эмигрантского мотива изгнанничества - в отношении к политической ситуации на родине. Лев Любимов писал: «Эмиграция потому и была эмиграцией, что не приняла революции. Не приняла в той или иной мере, по причинам разным [...], но не приняла со всеми последствиями»¹⁶. Русский изгнанник, каким он предстает на страницах литературы русского зарубежья, несет в себе такие черты исконно русской ментальности, как самопожертвование, самоотречение. Существование на чужбине, со всеми тяжкими последствиями, становится своеобразной ипостасью героизма, который в символике русского мышления всегда выше грубой силы. Героизм иногда проявляется в сохранении собственной уникальности, неподверженности иноземным воздействиям (И. Бунин), а иногда в становлении личности в чужой среде, при этом с сохранением собственной национальной уникальности (лирический герой поэзии Г. Иванова, главный герой романа Б. Поплавского «Домой с небес», я-автор «Курсива» Н. Берберовой).

Приоритетность поэтической традиции Лермонтова-Блока в эмиграции ревностно отстаивал Г. Адамович, особо подчеркивая в лирике этих поэтов «музыку» стиха. В противовес ему В. Ходасевич был сторонником развития в эмиграции традиции Пушкина. «Вечный спор между Пушкиным и Лермонтовым продолжается и, вопреки отцам, парижане утверждают культ младшего поэта. [...] Пушкин слишком ясный и земной, слишком утверждает жизнь и слишком закончен в своей форме. Парижане ощущают землю, скорее, как ад, и хотят разбивать всякие найденные формы, становящиеся оковами. Лермонтов им ближе, злой и нежный, не устоявшийся, в страстях земли тоскующий о небе», – пишет Г. Федотов¹⁷. Ходасевичу главная задача эмигрантской поэзии представлялась в сохранении традиций классической русской литературы. Поэтому он требовал от поэта чувства ответственности перед традицией, в

¹⁶ Любимов Л. На чужбине. М., 1963, с. 157.

¹⁷ Федотов Г. О парижской поэзии. // Ковчег. Нью-Йорк, 1942, с. 197.

то время как Адамович считал задачей поэта обращение к традиции с целью решения экзистенциальных вопросов о судьбе поэта и поэзии в современном непоэтическом мире. Отсюда несомненное влияние лирики Лермонтова, наполненной мотивами страдания человека в неустроенном мире, смерти, Вечности, размышлений о проблеме «человек и Бог».

Отметим сразу, что из богатой романтической палитры творчества Лермонтова эмигранты взяли, в первую очередь, его трагическое начало, часто доводя его до гипертрофированных размеров. Огромная энергия лермонтовской борьбы, противостояния агрессивной среде, вплоть до романтического богоборчества, в их творчестве не нашла столь явного выражения. В таком подходе к восприятию творческого наследия Лермонтова молодые поэты-«монпарнасцы» следовали за символистами, также своеобразно понимавшими поэзию великого русского романтика и провозгласившими Лермонтова своим предтечей.

В этих позициях двух критиков, где на самом деле меньше различия, чем сходства, своеобразно продолжились споры между символистами и акмеистами по поводу эстетических основ поэзии. Это отголоски позиции Н. Гумилева и его установки на примат поэтического мастерства, «ремесла», над иррациональными устремлениями и пониманием творчества (и жизнетворчества) как вечного горения символистов. В эмиграции Ходасевич, этот «аутсайдер» символизма, по существу, стал приверженцем акмеистской теории творчества, в противовес Адамовичу, бывшему члену «Гиперборея», вставшему в эмиграции на позиции символистской трактовки и понимания творчества.

Отныне все функции Отечества беженцы России, лишённые вследствие исторической катастрофы родины, ассоциировали с русской культурой, в первую очередь с русской литературой – традиционно главной развитой творческой формой выражения национального духа. Пространство диаспоры сплачивалось, формировалось вокруг русской литературы в ареале чужих культур.

Объединяющую роль в жизни культурных апатридов играло единое для всех стремление противостоять агрессии советской культуры. Создаваемый в процессе эстетического освоения действительности литературный «остров» объективно объединил поэтов и прозаиков разных направлений, группировок, «отцов» и «детей», эмигрантскую столицу и периферию. По отношению к единой русской литературе, веками складывавшейся и развивавшейся в России, русская литература в изгнании к середине 1930-х годов представляла собой ответвление общего русла русской литературы, органическую часть единого литературного процесса в его движении. «Подмножество», то есть эмигрантская литература, по отношению к «множеству», то есть всей русской литературе в ее трансисторическом и конкретно-историческом прочтении, явилось частью, которая, впитав и творчески переосмыслив национальную культурную традицию, обрела свою природу, внутренне обусловленную «множеством». Процесс становления во времени был процессом создания единого текста литературного быта, в пространстве которого происходило движение русской литературы в изгнании в направлении от прошлого через настоящее к будущему.

Эмигрантская литература сумела сохранить особенности национального художественного мировидения, продолжить русскую литературную традицию, обогатив ее особым ракурсом восприятия мира глазами оторвавшегося от родной «ветки» «листка», обреченного на постоянное ощущение «холода, зноя и горя».

Вторая мировая война разрушила эту зыбкую гармонию. Эмигранты вновь обратились в беженцев. Катастрофа изгнания, дважды повторившаяся в судьбах эмигрантов, породила то особое состояние «мемуарности», которое стало доминировать в сознании литературной диаспоры. Это состояние отразили два периода

мемуаров. Первый период ограничен рамками 1920-1930-х годов, а второй – послевоенной эпохой 1950-1960-х годов. Культурный феномен мемуаров эмиграции, вышедших в свет с 1920-х по 1960-е годы, отразил все процессы эмигрантского общекультурного и литературного быта, а также все стороны исторических перипетий эмиграции. Поэтому в мемуарах обоих периодов наиболее полно воплотились те настроения, которые были характерны для эпохи их создания.

Мемуары 1920-1930-х годов носят в основном рефлексивный характер. Предметом авторской рефлексии явилась та историческая катастрофа, которая привела к утрате родины. В процессе осмысления этой национальной трагедии сложился мемуарный эмигрантский канон, имевший своей основой классические образцы мемуарной прозы русской литературы и обогативший традицию особым типом мемуарного сознания, новой эстетической системой ценностей, иным по отношению к традиции типом мемуарной наррации. Именно в этот период возникло особое нарративное творческое умонастроение авторов, когда мемуарным духом были пропитаны даже такие жанры художественной литературы, как медитативная лирика.

Второй всплеск мемуарной активности характеризуется тяготением авторов к жанру автобиографии, рассказу о себе. Портреты современников, изображаемые в этих мемуарах, подчинены единой нарративной задаче – максимальному раскрытию образа автобиографируемой личности. Мемуары второго типа не столько наполнены рефлексией, сколько отражают историю становления и развития конкретной личности в инокультурной среде. Все чаще предметом авторского внимания становится способность личности вписаться в западную культуру, а не противостоять ей, что было характерной чертой познания характера в русской классической литературе и в классических русских мемуарах. Именно мемуары послевоенного периода наиболее полно отразили те стороны эстетики Запада, которые были восприняты русской эмиграцией, творчески переосмыслены, и этими новациями определено лицо русской зарубежной литературы после вторичного рассеяния эмиграции.

Возникает возможность предположить, что указанные характерные различия между ведущими жанрообразующими чертами мемуаров обоих периодов были напрямую связаны с процессами социальной адаптации личности в эмиграции. Эти процессы выглядят разнонаправленными по отношению друг к другу векторами. Если в период между двумя мировыми войнами процесс адаптации личности в эмиграции определялся главным образом тем, насколько личность способна обрести себя в общеэмигрантской среде, то в послевоенный период сама эта среда оказалась окончательно разрушенной. Перед эмигрантом встал вопрос об обретении индивидуальной ниши в иной культуре, вопрос об отказе от родного языка и переходе в творчестве на язык страны проживания. Наиболее актуальным, таким образом, стало изображение в мемуарах индивидуального пути личности, что и отразилось в литературном процессе распространением жанра автобиографии.

Литературные мемуары русского зарубежья открывают особый мир авторского сознания, родственного модернизму. Русский модернизм проникнут острым ощущением крушения структурного принципа концептуальной организации мира. И когда история отобразила это духовное ощущение реальным крушением империи, то политический смысл происходящего был воспринят большинством литераторов как закономерное и необходимое явление. Уже первые два года советской власти показали, что новые порядки ничем не лучше старых; кроме того, в стране начался голод, разруха, кризис культуры. Эмиграция была для многих единственно возможной формой проявления гражданственности. Во всяком случае, так или примерно так рассуждали те, кто, отправляясь в Берлин или Париж, думали, что едут туда ненадолго.

Однако события развивались иначе: возвращение на родину для многих стало невозможным. Эмиграция открыла взгляду русских писателей-эмигрантов глубинный процесс распада мира вещей, который стал доминантным явлением XX века. И поэтому, стараясь как-то защитить себя от угрозы всеобщего хаоса в условиях абсолютной ненадежности мира, эмигрантские авторы создают свои собственные формы «художественного авторитета именно потому, что авторитета больше нет» (И. Хассан). Мемуары позволяли разобраться в пережитом и, может быть, обрести твердую почву в чужой среде, утвердить значимость собственной жизни в глазах как современников, так и потомков.

Литературные мемуары эмиграции отразили две стороны литературного процесса своей эпохи: с одной стороны, в этих текстах прослеживаются основополагающие особенности русской литературной традиции (историзм, психологизм), с другой – зарождавшиеся уже в 1930-е годы на Западе тенденции отказа от историзма и детерминизма, вскоре ставшие самыми характерными чертами «постмодернистской эпистемы». Подобная двойственность отразилась в различных пластах текстов мемуаров.

Сила традиции, воспринимаемая в эмигрантской среде как необходимая составляющая национальной идентичности, выражалась не только в воплощении традиционных для русской литературы мотивов и мировоззренческих установок, но и в осознании свободы как побудительного импульса к дальнейшему движению в направлении поиска новых средств выразительности. В противовес ностальгическому тону старшего поколения авторов эмиграции взгляд на вещи молодых писателей и поэтов вписан в иную систему критериев, позволяющих отыскать силы для притяжения и благословения собственного бедственного положения. Тематическая палитра проблем и особенности их отражения в мемуарах русского Зарубежья опираются на экзистенциальную платформу и определяют движение нарративов.

Поиск новых путей развития русской литературы в эмиграции был бы бесперспективным без осмысления и творческой трансформации накопленного опыта. Поэтому мемуары эмиграции всегда содержат пары пространственно-временных координат, в которых и рассматриваются впечатления от пережитого. Прошлое («вчера») ассоциируется с образом Петербурга (Г. Иванов), Москвы (В. Ходасевич) или российской глубинки (И. Бунин). Настоящее («сегодня») воплощено в многоплановом и разнообразном образе Парижа (Н. Берберова, Ю. Терапиано), Берлина (В. Набоков), Америки (Н. Берберова). В сознании эмигрантского автора эти географические понятия утрачивают геополитическое значение и приобретают мифопоэтические функции.

Литературный быт «закатного» Петербурга и русского Монпарнаса отражаются в мемуарах как знак и символ. Семиотическое значение приобретают в эмиграции все географические центры рассеяния русских. Картина мира в сознании эмигранта переносит на эти центры российское деление на культурную метрополию и провинцию, где роль столицы отводится Парижу.

Мемуары русского зарубежья позволяют воссоздать объективную картину литературного быта русского Парижа. Особенности этого быта складывались из таких составляющих, как конфликт «отцов» и «детей», комплекс «власти», игровая поведенческая модель. Игровое начало выполняет в сознании эмигранта функцию замещения в остро ощущавшейся экзистенциальной пустоте. Следствием этого становится особый тип поведения и конструирование образа русского завсегда Монпарнаса, в чертах которого проявляются интеркультурные связи русской и французской литературы (русский Серебряный век и эпоха раннего модернизма во Франции).

Атмосфера эмиграции впитала в себя, по свидетельству мемуаристов, ключевые конфликты идей и позиции, характерные для русской культуры, что и отразилось, как свидетельствуют мемуаристы, на направленности эмигрантских изданий и издательств. Существование в бесцензурном пространстве эмиграции все-таки не гарантировало молодому поколению авторов возможности полноценной самореализации: каждое печатное издание имело индивидуальный, в основном политический, курс, определяемый издателями. Курс разных изданий был своеобразным повторением картины русской периодики дореволюционного периода.

Углубление социально-философской проблематики, усиление ее публицистической, культурной направленности обусловили ряд изменений в структуре мемуарного повествования. Авторы стремятся не просто описать, но неоспоримо доказать достоверность собственной концепции времени, ряда проблем, выводов, сделанных из уроков жизни. И это существенно разнообразит повествование: лирические отступления, смена интонаций, многоголосие – все служит в мемуарах экспатриантов единой цели воссоздания образа поколения, которому пришлось пережить невиданные в русской истории трагедии. Связь изгнанничества и литературной биографии, наметившаяся в русской культуре еще на заре рождения, в эпоху Нового времени, в судьбах эмигрантов получает свое полное воплощение и развитие. То новое, что определило лицо русского культурного процесса вследствие реформ Петра I, проникновение в Россию западных эстетических тенденций, получило в эмиграции свое дальнейшее развитие. Русская литература, впитав достижения западной культуры, в эмиграции вернулась как бы на свою вторую духовную родину. Мемуары эмигрантов отразили этот процесс в мотиве «Восток-Запад», который можно выделить практически во всех образцах мемуарной прозы.

Нарративный план текстов мемуаристики эмиграции строится как повествование исповедального тона, в котором присутствуют и ярко воплощены главные стремления мемуаристов – к самоидентификации и к саморефлексии. Все это делает возможным реконструкцию автопсихологии эмигранта, выделение в ней элементов раздвоенности творческого сознания. Эти элементы самосознания порой находились в конфликте друг с другом и задавали автору противоречивые творческие импульсы, примирить которые ему было сложно. Важнейшими противостоящими элементами были национальное и интеркультурное начала вкупе с политическим сознанием. Такая установка творческой психологии привела мемуаристов эмиграции к способности отстраненного видения как России, так и эмигрантского бытия. Отстранению способствовало, в частности, характерное для эстетики эмигрантов соединение русского и общеевропейского начал. Именно эта противоречивость сознания определяет специфику композиции литературных мемуаров русского зарубежья.

Приемы создания мемуарного образа в литературе русского зарубежья многоплановы. «Русский европеизм» эмиграции способствовал созданию определенных моделей действительности и отражению их в мемуарах. Но в самобытном воплощении этих моделей в мемуарной прозе есть одна объединяющая особенность: опровергая существующие мифы, авторы (вольно или невольно) создают новые, соответствующие выстраиваемой ими модели действительности. Эти модели, сосуществуя в едином пространстве литературы русской эмиграции, в совокупности сформировали единый культурный миф – миф русской эмиграции.

Сегодня Великой русской эмиграции больше нет. Однако общемировые исторические процессы продолжают стимулировать миграцию как крупных пластов этносов, так и индивидуумов. Причины современных миграционных процессов в мире следует искать как в области политической, так и экономической. Рубеж третьего

тысячелетия, который перешагнуло человечество, семиотически маркирует вступление цивилизации на качественно иную ступень развития, что особенно наглядно демонстрируют новые технологии, новые способы получения и распространения информации, новая эстетика. Вопросы адаптации личности в инокультурной среде в такой период встают особенно остро.

Рассматривая мемуары русского зарубежья, учитывая интересные выводы, к которым приходят исследователи текстов разных эмигрантских этнокультур, можно констатировать общность психологической картины эмигрантского мировидения. Эмиграция как явление, вне зависимости от страны пребывания эмигрантов, стимулирует типологически схожие процессы в творческом сознании художников-эмигрантов. Составляющими такой картины мира могут считаться трагическое ощущение раскола времени, господство в сознании таких знаковых понятий, как «до» и «после», «там» и «тут». Именно потому в литературе эмигрантов значительный корпус составляют воспоминания, мемуары, и часто художественное произведение построено на цепи реминисценций.

Моменты сходства мотивов и тем, а также элементов художественного мира эмигрантов вне зависимости от их национальной ориентации позволяют предположить, что в эмиграции вырабатывается единый тип мировидения творца, заставляющий обращаться к специфическим образам и мотивам, стимулируемым эмигрантским статусом автора. Национальные особенности творчества вынужденных эмигрантов проявляются в глубинных пластах текстов, а в целом любое эмигрантское творчество определяется такими психологическими состояниями, как рефлексия, ностальгия и характеризуется усилением экзистенциальной проблематики.

На сегодняшний день в литературоведении следует констатировать факт существования особого типа мышления автора-эмигранта, который в рамках чужой культуры продолжает воплощать способы мировидения своей культуры. Даже примеры перехода на язык той культуры, в рамках которой проживает эмигрант, не являются доказательством того, что творчество автора-эмигранта (включая тексты на неродном языке, примером чего может служить англоязычное творчество В. Набокова) не обладает печатью национальной ментальности. Авто-«я» творца выявляется во всей глубине национального типа мышления.

Законы культурного развития XX века, ознаменованного многочисленными революциями – социальной, научной, сексуальной, революционными сдвигами в таких областях науки, как физика, психология, биология – привели к революционным процессам в искусстве, что и отразил модернистский феномен в широком толковании этого понятия. Модернизм в целом можно определить как поиск высшей, чистой реальности, стоящей за условными знаками и системами культуры.¹⁸ В этом плане мемуаристика эмиграции выразила тот тип мировидения творца, который явился в каком-то смысле революционным по отношению к процессам литературы XIX века, так как эмиграция первой волны состояла из авторов-модернистов. Мемуары эмигрантов свидетельствуют о том, что русская культура в изгнании вступила, кроме сохранения традиций национальной классики, на путь упразднения культурной условности и относительности знаков и утверждала стоящую за ними бытийную безусловность, подлинное бытие.

¹⁸ Американский исследователь *Лионел Триллин* в своей работе «О современном элементе в литературе модерна» отмечал: «Я могу обозначить его [модерный элемент – Т.М.] как разочарование нашей культуры в самой культуре... горькая вражда с цивилизацией проходит через нее [литературу модернизма – Т.М.]». Цит. по кн: *М. Энттейн*. Постмодерн в России (Литература и теория). М.: Издание Р. Элинина, 2000, с. 322.

Явившись в этом плане формой развития русского модернизма, эмиграция не случайно первой в русской культуре подошла к воплощению в искусстве постмодернистского мировидения (Г. Иванов, В. Набоков). Этот процесс был закономерным, так как постмодернизм формировался в качестве новой культурной парадигмы именно в процессе отталкивания от модернизма, как опыт сворачивания знаковых систем, их погружения в себя. Эмигранты первыми в русской литературе XX века столкнулись с утратой «последних» иллюзий, понимаемых как непреодоленный остаток старой метафизической картины мира. Именно так следует понимать стремление молодого поколения эмигрантов к отказу от «олитературенного» сознания поколения «отцов». Мир вторичности, условных отражений стал для них первичным и более важным. Да и сама эмиграция с ее литературным бытом постепенно все более демонстрировала черты «отраженной» культуры, что проявилось в мемуарах на уровне поэтики преобладанием образов зеркала, сновидческой стихии, самим состоянием мемуарности.

Сегодня сформирована особая культурная парадигма эмиграции, которая является полноправной частью современной культуры. Русская эмиграция начала XX столетия отразила в своих мемуарах характерные черты этого процесса. Уже можно подводить итоги первой, национально-декларативной стадии создания нового общечеловеческого сообщества, формирующегося в процессе исторических миграций. Подобное явление мировой истории стимулирует общее движение современной цивилизации по пути создания культуры нового типа, которая будет иметь интеркультурную основу. Эпоха постмодерности, то есть сегодняшнее бытие, во многом определена эмигрантами. Изучать на примере мемуаров русского зарубежья психологию творца и рядового эмигранта – так, в частности, могут выглядеть на данный момент искания литературоведения в процессе познания современного бытия культуры.

Илка Любенова

ПЛАНИРОВАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАНЯТИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ДЕТСКОМ САДУ И В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Обучение иностранным языкам детей в дошкольном и начальном школьном возрасте в последнее десятилетие стало реальностью в нашем образовании, как и во многих европейских странах. Но эта молодая сфера в лингвометодике остается все еще мало исследованной. Несмотря на то, что созданы разнообразные комплекты по раннему обучению иностранным языкам, учителям все еще не хватает научно-методической литературы и опыта, и они чувствуют неуверенность в работе с маленькими учениками. Кроме хорошей языковой и педагогической подготовки, учителя нуждаются и в конкретных организаторских знаниях и умениях, чтобы проводить эффективную работу с детьми. Настоящая статья посвящена именно вопросам планирования и организации занятий по русскому языку как иностранному в детском саду и в начальной школе.

Почему необходимо планирование и хорошая организация учебной работы?

- 1) Это облегчает работу с детьми;
- 2) Так можно сэкономить время;
 - План может пригодиться на будущее,
 - С накоплением опыта учитель быстрее готовится к занятиям,
 - Так можно развить чувство времени, необходимого для разных видов деятельности,
 - Так можно в конце урока проверить, что сделано на самом деле;
- 3) Это показывает, что конкретно необходимо для каждого занятия;
- 4) Это помогает соблюдать баланс в уроке;
- 5) Это дает педагогу уверенность, которая передается и детям;
- 6) Планирование предоставляет учителю возможность более эффективно использовать свою энергию и энтузиазм и наслаждаться тем, что он делает в данный момент;
- 7) Чем старше становятся дети, тем они чувствительнее к тому, как подготовлены уроки.

Хорошие учителя всегда планируют свою работу, а не рассчитывают только на интуицию и опыт. В то же время они всегда готовы приспособить свой план к конкретной ситуации и знают, что нужно сделать в чрезвычайных случаях. При планировании занятий с маленькими детьми всегда нужно учитывать тот факт, что они полны энергии и энтузиазма и в то же время быстро устают в выполнении одной деятельности. Поэтому занятия по иностранному языку должны быть разнообразными и включать смену разных видов деятельности. Более подробный материал по этим вопросам предлагается в книге И. Любеновой [Любенова 2004].

Как известно, планирование бывает долгосрочным и краткосрочным. Долгосрочное охватывает более продолжительные периоды времени – месяц, учебный семестр/четверть, год. В работе по иностранному языку в детском саду долгосрочное планирование включает подбор необходимых тем, лексический минимум к каждой из них, комплекс деятельности и учебных средств, необходимых для усвоения языкового материала. В качестве необходимых тем можно указать следующие: *Знакомство; Моя семья; Мои любимые игры и игрушки; Одежда и обувь; Растения и животные; Овощи*

и фрукты; Я считаю до 10; Новый год и т.д. Эти темы связаны с интересами и потребностями детей, и усвоение активной лексики по ним обеспечивает средство общения в областях, непосредственно связанных с жизнью детей.

Краткосрочное планирование относится к более коротким и близким периодам времени. Можно запланировать уроки по одной теме, по одному разделу или на неделю. Обычно краткосрочное планирование охватывает от 3 до 10 уроков. При этом нужно учитывать следующие моменты:

- Если вы используете учебник, большая часть вашей работы уже сделана. Когда у вас новый материал, следуйте учебнику как можно больше. Через некоторое время вы можете открыть, что у вас разное распределение тем, уроков и времени по сравнению с учебником. С накоплением опыта вам станет легче вносить изменения в запланированное, если это необходимо.

- Всегда отмечайте то, что вы и дети должны сделать.

- Определите, какие языковые единицы вы будете рассматривать.

- Подберите виды деятельности, которые соответствуют данной теме.

- Оценка – часть обучения, так что давайте себе оценку за проработанные темы в вашем плане. Как детям, так и учителям необходимо знать, как они справились с поставленными задачами.

- Не следует делать краткосрочный план слишком подробным. План должен быть только общим руководством в работе, но в то же время он должен показывать, чего вы хотите добиться.

При планировании следует учитывать продолжительность и темп работы. Так, например, в детском саду занятие по иностранному языку в зависимости от возрастной группы детей длится:

1 группа – 15-20 минут;

2 группа – до 25 минут;

3 группа – 30 минут.

Темп варьируется: при введении нового материала он медленнее, а при повторении пройденного – быстрее.

Активная лексика сгруппирована тематично-ситуативно и содержится в грамматических образцах, текстах, играх и песнях. Занятие по русскому языку сочетается с музыкой, рисованием и физкультурными упражнениями.

На каждом занятии детям дается для усвоения 5-6 отличных и 5-6 близких с болгарскими слов русского языка. Это означает, что дети усваивают:

В первой группе – 150 (200) слов;

Во второй группе – 350 (400) слов;

В третьей группе – 500 (600) слов.

В период обучения русскому языку в трех группах детского сада активно усваиваются 2000-2200 слов, причем 1000 из них – это дифференциальная лексика, а 1000-1200 слов – это близкая и совпадающая в обоих языках лексика [Ранов 1988].

Для младшего школьного возраста основой для отбора минимума активной лексики является исследование Э. Гочевой "Лексический минимум. Активный словарь русского языка" [Гочева 1999]. Словарь насчитывает 4000 лексических единиц, усваиваемых в средней школе, причем учитываются их взаимоотношения с болгарской лексикой. Так как начальная школа является первой ступенью средней школы, то ее следует рассматривать в качестве начального этапа в усвоении указанной активной лексики. В этом отношении должна быть обеспечена преемственность между первым и следующими этапами обучения.

Как уже было отмечено, планирование должно включать и оценку осуществленных видов деятельности. Приводим конкретный пример планирования по теме "Пища и напитки" в обучении русскому языку в начальной школе.

Тема / продолжительность	Тексты и материалы	Речевые единицы	Виды деятельности	Оценка
Пища и напитки 2 недели (6 уроков)	Иллюстрации из журналов, брошюры, рецепты, песни и стихотворения по теме	Выражение предпочтений в пище; лексика по теме "Пища и напитки"; типовые фразы и специальные вопросы, употребляемые в магазине: <i>Дайте мне, пожалуйста, хлеб, бутылку молока и т.д.</i> <i>У вас есть...?</i> <i>Сколько стоит...? Ты хочешь ...?</i>	Составление списка продуктов для покупки; Работа по парам – брать интервью друг у друга о любимых продуктах питания; Инсценирование магазина в классе – изготовление стенгазет, показывающих разнообразные продукты и меню; Чтение интересных текстов по теме	Комментарий во время уроков; Подбор детских работ для школьной выставки; Неформальная оценка усилий и достижений учеников в классе

Планирование конкретного занятия является частью целостного краткосрочного и долгосрочного планирования. Что учитель не должен забывать?

* Необходимо делать план каждого урока. При наличии краткосрочного планирования составление плана урока легче, потому что известно то, что сделано до этого урока и что следует после него.

* С накоплением опыта подробные планы становятся более обобщенными, так как нет необходимости отмечать все детали.

* Решите, когда и как вы будете использовать групповую работу. Организуйте детей как можно лучше.

* Всегда принимайте в расчет время проведения урока (день недели, час дня), учитывая степень нагрузки и усталости маленьких учеников.

* Отмечайте, сколько времени займет каждый вид работы.

* После каждого урока или в конце недели нужно просмотреть планы занятий и отметить, что выполнено и что нет, какая деятельность "работает" и какая нет.

Говоря об организации урока иностранного языка, мы имеем в виду взаимодействие отдельных его компонентов, причем каждый компонент должен быть хорошо обдуман и рассчитан по времени. Так, например, согласно методическим указаниям [Ранов 1988], в детском саду занятие состоит из следующих игровых и речевых ситуаций:

1) Организационный момент и психологическая установка с начальной мотивацией;

2) Фонетическая зарядка;

3) Повторение старого материала в игровой форме;

4) Введение новых речевых конструкций с помощью кукол или других наглядных средств;

5) Речевая и музыкальная физзарядка;

6) Игра – продолжение упражнений с новыми словами и конструкциями;

7) Игра – инсценирование текста, песни и тематического разговора;

8) Оценка и указание перспективы в работе.

Из перечисленных выше компонентов видно, что хорошая организация занятия означает хороший баланс между разнообразными ситуациями и видами деятельности.

Необходимо подчеркнуть, что план каждого занятия по иностранному языку должен включать следующие элементы:

1) основная тема, цели и задачи занятия;

2) ход занятия – ситуации и конкретные виды деятельности, данные в определенном порядке и с определенной продолжительностью;

3) языковой материал, который отрабатывается на занятии (старый – для повторения, новый – для усвоения).

Планирование является обязательной частью организации работы по иностранному языку. Само понятие *организация* включает ряд других факторов, как, например, создание благоприятной атмосферы для работы, поведение учителя и его взаимоотношения с обучаемыми и др. Когда мы говорим о раннем обучении иностранному языку, перечисленные факторы имеют особо важное значение. Маленькие ученики должны испытывать положительные эмоции при усвоении иностранного языка, их надо предрасположить к иноязычной речевой деятельности, несмотря на минимальные знания. В процессе обучения дети не должны бояться, что их накажут за то, что они чего-то не знают.

Педагогу необходима психологическая установка, согласно которой всегда нужно владеть ситуацией, даже когда занятие не протекает так, как запланировано. Известно, что поведение детей спонтанно, они сразу реагируют на то, что видят, и говорят то, что приходит в голову. Если работа им (не)интересна, они сразу это показывают. В некоторых случаях урок, который прошел не так, как вы запланировали,

может оказаться успешным. Искусство педагога состоит именно в том, чтобы превратить даже неудавшееся во что-то позитивное.

Благоприятная атмосфера для работы может быть нарушена по внешним или внутренним причинам. Внешняя причина – это, например, оса, которая влетает в комнату, или пожарные машины, которые, сигналивая, проезжают по улице. В таких случаях нужно или удалить причину беспокойства, выпустив осу, или извлечь пользу из создавшейся ситуации. Например, можно сказать: "Это пожарная команда, пожарные машины". После этого нужно вернуться к теме урока по составленному плану.

Причина для беспокойства может быть и внутренней. Иногда 1-2 ребенка в группе или в классе неспокойны, например, ссорятся или начинают драться. В таком случае нужно позвать детей к учительскому столу или вывести из класса и поговорить с ними о причине ссоры. Если в это время класс работает индивидуально или по парам, то можно сказать детям продолжать работу. Другой выход из этой ситуации – дать детям задание, легкое и быстрое для выполнения. Например: *"Подумайте и напишите 3 слова, которые начинаются с буквы «р». Подумайте, какие были самые трудные слова, которые мы проходили на прошлой неделе"*. Когда ситуация улажена, нужно проверить, какие слова придумали и написали дети. Это следует сделать как можно быстрее и затем вернуться к уроку по плану.

Изложенное выше показывает, насколько важно для учителя быть хорошим психологом и как его поведение и реакции могут мотивировать или демотивировать детей для изучения иностранного языка. Ясно, что каждый учитель приступает к своей профессиональной работе уже сложившейся личностью, но есть некоторые способности и стратегии поведения, которые могут быть усвоены дополнительно [Гибс 1997]. Нужно помнить, что в работе с маленькими детьми очень помогает чувство юмора, открытость и терпение, а также артистичность. Каждый учитель может научиться управлять своей мимикой и жестами, рассказывать истории выразительно, рисовать простые рисунки, доставляющие эстетическое наслаждение.

Если дети чувствуют себя уверенными и удовлетворенными в классе, они мотивированы изучать иностранный язык. Уверенность очень существенна, если мы хотим, чтобы наши ученики работали полноценно на занятиях. Как учитель может создать атмосферу уверенности?

1) Дети должны знать, что они делают в классе, и чувствовать, что вы рядом.

2) Детей надо уважать. Когда ребенок пытается сказать что-то учителю, педагог должен принять все, в том числе и ошибки. Постоянное исправление ошибок неэффективно и не способствует созданию благоприятной атмосферы для работы. Исправление ошибок имеет свое важное место, когда проводятся тренировочные упражнения под руководством учителя, но не когда ребенок порождает речь на иностранном языке с целью общения.

3) Учитель должен создать в классе правила общения, согласно которым нельзя смеяться над ошибками других. Необходимо сказать, что каждый допускает ошибки.

4) Широко распространенные формы работы, которые создают благоприятную атмосферу в классе, это:

- составление календаря с днями рождения всех детей в классе и создание традиции отмечать эти дни;

- изготовление стенгазеты, где отмечается погода каждого дня (*греет солнце, погода солнечная, идет дождь, идет снег* и т.д.);

- использование календаря с названиями дней и месяцев на русском языке.

5) Очень полезно возлагать на детей обязанность следить за некоторыми практическими видами деятельности в классе – следить за календарем и его

заполнением, поливать цветы и т.д. Эти действия, с одной стороны, можно использовать для речи на русском языке, а с другой – они воспитывают у детей ответственность и взаимопомощь в процессе обучения.

6) Процесс обучения языку – это деятельность, в которой каждый ребенок победитель. У каждого ребенка свой темп работы и свои индивидуальные особенности. Для детей вполне естественно сравниваться друг с другом в процессе обучения, смотреть, кто первым выполнил задание. Но совсем не обязательно организовывать состязания, в которых определяется победитель. Проигрыш в таких состязаниях дети могут воспринимать слишком серьезно.

7) Вместо наград более полезно прочитать перед классом хороший детский текст или повесить на стену оригинальный рисунок. Это вызывает у детей чувство определенного достижения, к которому становятся причастны и остальные дети в группе. Лучшая стратегия учителя та, которая включает, а не исключает детей из процесса обучения.

Учебная окружающая среда должна быть привычной и приятной для маленьких учеников. Хорошо, когда на стенах есть детские рисунки, сочинения, цветные иллюстрации, календари. Комната должна быть уютной и интересной для детей. Полезна идея создания *русского уголка* – места в комнате, где лежат красиво оформленные папки и коробки с книжками и материалами на русском языке. Детям нужно знать, что и где они могут найти в этом уголке, они должны отвечать за его поддержку и охрану.

В организации занятий по иностранному языку определенное значение имеет также расположение парт или столов в комнате в зависимости от видов работы – групповая, индивидуальная, общая, драматизация, игра и т.д. Место перед доской не очень подходит для проявления детской речевой активности. Там маленькие ученики чувствуют себя, как на экзамене, а не приобщенными к совместной деятельности с другими в группе или в классе. Именно поэтому пространственные решения являются фактором для создания благоприятного психологического климата в процессе обучения и в организации учебной деятельности. Интересные и разнообразные идеи в этом отношении можно найти в книге Underwood [Underwood 1987].

Организация учебного процесса по иностранному языку предполагает разделение детей по группам или по парам. Дети в возрасте 5-6 лет очень довольны, когда работают одни, и обычно не проявляют стремления к совместным действиям. Они предпочитают, например, оставить все карты для себя, самостоятельно рассматривать книжку или играть с игрушками. Совместная деятельность – это то, чему их следует научить в условиях детского сада. Если дети сидят за столиками вчетвером, учитель со временем замечает, что 5-6 летние малыши работают как четыре отдельных индивидуальности, но нередко они действуют и как группа, как общность.

Работа парами очень полезна и эффективна в обучении иностранному языку. Ее легко организовать, и она должна предшествовать работе в группе. Работа по парам означает, что каждый занят определенной деятельностью, но даже когда все работают над одним и тем же заданием, не всегда заканчивают его одновременно. В таком случае учитель должен следить за выполнением задания, и когда несколько пар уже готовы, нужно сказать остальным прекратить работу, а не ждать, пока закончат все. Если количество детей нечетное, ни один ребенок не должен оставаться одним. Его следует присоединить к другой паре, чтобы они работали втроем. В возрасте 8-10 лет возникает психологическая проблема: иногда дети не хотят работать с тем, кто сидит рядом, поэтому приходится делать размещения. Когда дети выполняют задание по парам, учитель играет роль наблюдателя и не вмешивается прямо в работу детей.

Все, что было сказано о работе по парам, применимо и в работе по группам. Учитель должен постепенно вводить детей в групповую форму деятельности, создавать необходимые навыки. Можно начать с одной группы. Детям нужно знать конечную цель и задачу работы. Например, учитель дает задание: *"Подготовьте стенгазету. Если вас четверо, можете разделить работу между собой и помогать друг другу"*. Подходящее количество детей в группе 3-5. При оформлении группы легче всего объединить сидящих рядом, чтобы не было постоянных размещений. Лучше всего, когда группы детей в возрасте 8-10 лет объединяют учеников с разными возможностями. Если группы не равны по знаниям и умениям, учитель может оказать дополнительную помощь более слабым.

В заключение нужно подчеркнуть, что для эффективного раннего обучения иностранному языку, в частности русскому, необходимо четкое планирование и стройная организация процесса обучения, где важное значение имеют лингвометодические, психологические и организаторские знания и умения учителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гибс 1997: Гибс Г. и др. Интересни начини за преподаване. С., Темпус, 1997.
2. Гочева 1999: Гочева Е. Лексический минимум. Активный словарь русского языка. С., Лодос, 1999.
3. Любенова 2004: Любенова И. Възможности на ранното чуждоезиково обучение (английски и руски). С., Университетско издателство "Св. Кл. Охридски", 2004.
4. Ранов 1988: Ранов В. и др. Книга за учителя по руски език в детските градини с изучаване на руски език (Методически насоки). С., Народна просвета, 1988.
5. Underwood 1987: Underwood M. Keys to Language Teaching. 1987.

Димитрина Лесневска

НОВАЯ РУССКАЯ И БОЛГАРСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В настоящий период в связи с процессами глобализации на всех уровнях общественной жизни наблюдается интенсивный процесс интернационализации русской и болгарской политической терминологии. Неологии современного болгарского языка была посвящена Юбилейная научная сессия Союза ученых в Болгарии [Пернишка 2004: 44].

В последние 15-20 лет политический дискурс, охватывающий научные тексты в области международных отношений, обогатился новым терминологическим пластом, который постоянно расширяется и обновляется. Особый интерес вызывает сопоставление процессов терминовтвораства в двух родственных славянских языках – русском и болгарском – сходства и различия в выборе новой терминологической лексики и различных словообразовательных элементов для создания нового термина [Лесневска 2004: 47].

Одним из ведущих методических принципов преподавания иностранного языка является сопоставление с родным языком (принцип учета родного языка [Рожкова 1983: 17; Добровольская 1984: 23; Леонтьев 1988]) в целях использования положительной интерференции (лексическая близость двух славянских языков) и преодоления отрицательной интерференции (синтетизм русского и аналитизм болгарского языков). Следуя этому принципу, при обучении русскому языку болгарских студентов-международников необходимо сопоставлять изучаемый русский научный подъязык международных отношений (охватывающий такие жанры, как учебники и монографии по специальности "Международные отношения", научные статьи и рецензии в сборниках и журналах, в частности, в журнале "Международная жизнь") с соответственным болгарским подъязыком, включающим болгарскую учебную и научную литературу по специальности, в частности, научные статьи в журнале "Международни отношения". При сопоставлении новой интернациональной терминологии русского и болгарского языков следует указывать и соответственные термины в других языках – английском, французском, немецком и др..

Известно, что лексика – самый подвижный и изменяющийся уровень языка, который непосредственно отражает действия различных экстралингвистических факторов. Основу лексики научного стиля составляет внестилевой (межстилевой) лексический фонд, исключая разговорную лексику. Этот фонд включает общую и общенаучную лексику (60 – 70 %). Термины составляют второй большой пласт лексики научного стиля (20 – 30 %). Школа Е.С. Троянской [Троянская 1981: 13-39] выделяет лексическую прослойку полутерминов, которая находится на грани между терминами и основным лексическим фондом.

В исследуемом дискурсе наряду с новыми терминами (рус./болг. *евроинтеграция*; рус. *глобальная безопасность* – болг. *глобална сигуност*; рус. *мировое сообщество* – болг. *световна общност* и т.п.) утвердился пласт новых полутерминов (сравн. рус. *толерантность*, *транспарентность*, *превенция*, *мировая авансцена*, *паневропейские коридоры*, *мировая элита*, *глобальные вызовы*, *асимметричные угрозы*, *рейтинг* и др.; болг. *общност*, *асиметрична заплаха*, *превантивен удар*, *коалиционно присъствие*, *контингент*, *съюзническа солидарност*, *рейтинг* и др.).

Текст – основа учебного процесса при обучении иностранному языку [Зарубина 1981; Зильберман 1988; Солганик 1997]. Особый интерес вызывает у студентов-международников чтение оригинальных текстов, в частности научных статей. Статьи в журналах "Международная жизнь" (далее МЖ) и "Международные отношения" (далее МО) отличаются новизной и актуальностью своего содержания, посвященного современным проблемам внешней политики, дипломатии и национальной безопасности. Тексты в данных журналах иллюстрируют разнообразную научную лексику, включающую в достаточно полном объеме русскую и болгарскую новую терминологию в области международных отношений.

Термин – слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием научного понятия и имеющее дефиницию [Головин, Кобрин 1987]. Характерными признаками термина являются:

1. Тенденция к моносемантичности в рамках терминологического поля.
2. Отсутствие экспрессивности и модальности.
3. Повышенная способность к заимствованию.
4. Максимальная парадигматичность.

Контекстом для термина является не текст, а терминологическое поле, посредством которого он приобретает свою однозначность.

Совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексическом, словообразовательном и грамматическом уровнях образует терминологическую систему. Терминология отличается абсолютной синонимией (терминологической дублетностью) и наличием антонимии как способа наименования понятий с противоположным значением. Систематичность терминологии находит свое выражение в наличии хорошо развитой гипонимии (системы родо-видовых отношений) [Даниленко 1986].

В научной речи термины содействуют реализации таких основных стилистических качеств научного стиля, как ясность, логичность, точность, сжатость, стандартность, эмоциональная нейтральность. Важную роль в реализации однозначности научного текста играют термины и полутермины. Качественно-речевые характеристики экономичности и сжатости научного изложения находят свое выражение в терминологической аббревиации (сложносокращенные и сокращенные терминообразования) [Троянская 1982].

При преподавании лексики необходимо основываться на стилистических особенностях научного текста, а также обращать особое внимание на работу студентов со словарями [Троянская 1989: 137-144].

При анализе терминологии подъязыка международных отношений студенты-международники работают со следующими современными специализированными словарями:

1. Додонов В.Н., Панов В.П., Румянцев О.Г. Международное право. Словарь-справочник. ИНФРА-М, 1997.
2. Александров Евгени. Речник по международни отношения. Тракия-М. София, 2001.
3. Романов Димитър. Речник по международно право. Изд. "Хейзъл". София, 2003.
4. Graham Evans and Jeffrey Newnham. The Penguin Dictionary of International Relations, 1998.

Диахронический анализ политической терминологии при обучении чтению оригинальной научной литературы на иностранном языке способствует повышению эффективности учебного процесса. Новые термины изучаются на фоне терминов-историзмов, сравн.:

– новые термины *многополюсность* (англ. *multipolarity*) и *однополюсность* (англ. *unipolarity*) – болг. *многополюсност*, *еднополюсност*, отражающие современное состояние международных отношений (отсутствие противостояния Востока и Запада и наличие одной сверхдержавы – США), сопоставляются с термином *двухполюсность* (англ. *bipolarity*) – болг. *двуполюсност*;

– неологизм *европейская интеграция* (рус./болг. *евроинтеграция*) сравнивается с терминами, обозначающими такие устаревшие понятия, как *холодная война*, *гонка вооружений*, *железный занавес*, *межблоковое противостояние*, *звездные войны*, *ядерный зонтик*, *мирное совместное сосуществование*, *разрядка международной напряженности*, *"оттепель"* Н.С. Хрущева; *разоружение*, *диалог "Восток – Запад"*, *взаимосдерживание СССР и США*, *"перестройка"* и *"новое мышление"* М. Горбачева и т.п. (Что есть что в мировой политике. Словарь-справочник. Ред. коллег. Е.М. Примаков и А.И. Власов. М., 1987);

– входящий в употребление, но еще не зафиксированный в словарях, неологизм рус. *глобальный терроризм* – болг. *глобален тероризъм* (сравн. синонимические образования: болг. *съвременен*, *световен*, *радикален*, *транснационален тероризъм*; *"терористичен интернационал"*, *"асиметрична заплаха"*, *свръхтероризъм*; антонимы: *контратероризъм*, *антитероризъм* – МО, 4, 2004: 65-70) приходит на смену терминам *внутренний терроризм* (болг. *вътрешен тероризъм*) и *международный терроризм* (болг. *международен тероризъм*), которые теряют значение в силу всеобщего процесса глобализации.

При анализе способов создания терминологических неологизмов необходимо учитывать наличие двух сторон термина - логоса (системы научных понятий) и лексиса (лексической системы языка) [Реформатский 1961]. Появление новых политических терминов обусловлено как логосом (кардинальные изменения на международной арене и связанное с ними движение научного знания в области политологии, политической истории, международного права и международных отношений), так и лексисом (лексическое выражение новых понятий и их упорядочение в лексической системе языка).

Относительная значимость логосных и лексисных факторов находится в зависимости от способов создания термина [Суперанская 1989: 184]. К основным терминотворческим приемам относятся терминологизация, терминообразование и терминозаимствование.

При терминологизации (семантической конверсии слов общеупотребительного языка) роль логоса значительнее, чем роль лексиса (сравн. рус. *отмывание денег* – болг. *пране не пари*).

При терминообразовании значимость логоса и лексиса уравнивается, напр. рус. *контрсила* ("*доктрина контрсилы*"), *наркоугроза* – болг. *контрасила*, *наркозаплаха*.

Роль лексиса превалирует при терминозаимствовании (заимствовании термина из другого языка), сравн.: рус. *абсентеизм* (*снижение интереса к выборам повлечет абсентеизм избирателей* – МЖ, 4-5, 2004: 118) из англ. *absenteeism* – уклонение от посещения выборов; болг. *партикуларизъм* (*подобен неудържим партикуларизъм стана основно явление на Балканите* – МО, 1, 2004: 85) из лат. *particularis* – частичный, частный.

Разграничение двух сторон термина (понимание термина как научной и языковой единицы) послужило основой создания серии учебных толково-сочетаемых словарей терминов для иноязычных студентов-нефилологов, причем идея создания словарей, равно как и разработка его моделей принадлежит В.В. Морковкину [Морковкин 1983; Прохорова 1986: 185-190; Лесневска 1988].

Преподавание новой политической лексики осуществляется в коммуникативном аспекте, в основе которого лежат принцип обучения лексике на синтаксической основе [Митрофанова, Костомаров 1990: 161-199] и анализ лексики как системы на парадигматическом и синтагматическом уровнях, а также в диахроническом и синхроническом аспектах системности [Слесарева 1990].

При семантизации терминологических неологизмов выделяются следующие способы семантизации:

1. Дефиниция – на изучаемом (русском) языке раскрывает логосный аспект нового термина (т.е. его сигнификативный аспект, понятийную отнесенность, семантические компоненты). К этому способу добавляется перевод на болгарский и другие языки в сопоставительном плане. При возможности прослеживается диахроническая связь нового понятия с другими понятиями в историческом плане, а также дается этимологический анализ (диахронический аспект терминосистемы).

2. Синонимы, антонимы, родственные однокоренные слова (словообразование терминов-дериватов) – парадигматика терминологического поля в синхроническом плане.

3. Контекст, отражающий синтагматические связи терминологического поля в синхроническом аспекте. Теоретические вопросы сочетаемости слов и сочетаемость слов в аспекте преподавания русского языка иностранцам разработаны в трудах В.В. Морковкина, Т.М. Дорофеевой, С.П. Новикова и др. [Дорофеева 1984: 106-112; Новиков 1984: 113-120; Морковкин 1984: 5-14; 148-165]. При данном способе семантизации нового политического термина используется схема сочетательной ценности термина, предложенная В.В. Морковиным, которая включает в себя следующие элементы:

а) AN – сочетания термина-существительного (N) с определяющим прилагательным (A);

б) NN – сочетания (беспредложные и предложные) термина-существительного с зависимыми существительными;

в) NN – сочетания термина-существительного с господствующими по отношению к нему существительными;

г) VN – сочетания (беспредложные и предложные) термина-существительного с управляющими им глаголами;

д) NV – предикативные словосочетания, в которых субстантивный термин выступает в роли подлежащего, а глагол – в роли сказуемого.

Приведем пример учебного анализа термина:

рус./болг. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ (интернациональный термин)

1. Дефиниция: Процесс возникновения многоцентрированного мира, основанного на негосударственных, или транснациональных отношениях. Термин "глобализация" был впервые предложен проф. Теодором Левиттом в его статье "Глобализация рынков" в 1983 г. Феномен "глобализация" получил дальнейшее развитие в последней декаде XX века.

2. Парадигматика, этимология:

а) Синонимы: рус. ГЛОБАЛИЗМ; ГЛОБАЛИСТИКА – болг. ГЛОБАЛИЗЪМ; ГЛОБАЛИСТИКА; МОНДИАЛИЗЪМ (глобализм и глобалистика имеют два значения – 1. глобализация; 2. наука о глобализации).

б) Антонимы: рус. АНТИГЛОБАЛИЗМ – болг. АНТИГЛОБАЛИЗЪМ.

в) Этимол. происх. – интернационализм из англ. GLOBALISATION, GLOBALISM – англ. globe (шар), global (мировой) – лат. globus (шар); франц. LA GLOBALISATION; LA MONDIALISATION из франц. global (всеобщий), le monde (мир). Франц.

"глобализация" относится к экономической и финансовой сферам, "мондиализация" обозначает глобальный процесс.

3. Синтагматика.

а) рус. *реальная, экономическая, информационная глобализация; глобализация по-американски, по-европейски*; болг. *пазарна, икономическа, етническа, ментална глобализация*;

б) рус. *глобализация мировой экономики*; болг. *глобализация на световната икономика*;

в) рус. *изменения, концепция, проблемы, требования, условия, характер, феномен глобализации*; болг. *проблеми на глобализацията*;

г) рус. *положить начало глобализации*; болг. *слагам начало на глобализацията*;

д) рус. *Глобализация достигла чего, осуществляется, существует*; болг. *Глобализацията се осъществява*.

4. Словообразовательное гнездо:

рус. *глобалист, антиглобалист, глобализатор*; болг. *глобалист, антиглобалист*;

рус. *глобальный, -ая, -ое, -ые: глобальный рынок, лидер, терроризм; глобальная конституция, экономика, война, деревня; глобальное лидерство; глобальные вызовы*; болг. *глобален, -лна, -о, -и: глобален пазар, тероризъм; глоабална сигурност, несигурност, икономика; глобално село; глобални предизвикателства*;

рус. *глобализированное мироустройство; глобализированная экономика; антиглобалистское движение*; болг. *глобалистични стремежи; антиглобалистична пазарна глобализация; антиглобалистско поколение*.

При современном русском и болгарском терминотворчестве в области международных отношений используются различные терминотворческие приемы: заимствование, калькирование, терминоподобразование, аббревиация, терминологизация. Большое распространение получают новые термины, представляющие собой варваризмы и экзотизмы.

Для русского и болгарского подязыков международных отношений характерно ЗАИМСТВОВАНИЕ нового термина из другого языка с сохранением или спецификацией его дефиниционных параметров и с фонетико-морфологической адаптацией (теория заимствования терминов чужого языка представлена в классическом труде Лотте Д.С. [Лотте, 1982]). Широкое распространение получили такие новые интернациональные термины, как рус./болг. *глобализация*; рус. *глобализм* – болг. *глобализъм*; рус. *глобальный терроризм* – болг. *глобален тероризъм*; рус./болг. *геополитика*; рус. *евроатлантическая политика* – болг. *евроатлантическа политика*; рус. *альянс* – болг. *алианс*; рус. *атлантический альянс* – болг. *Атлантически алианс*; рус. *саммит* – болг. *самит*; рус. *экономическая дипломатия* – болг. *икономическа дипломатия*; рус. *клиентализм* – болг. *клиентализъм*; рус. *превентивная дипломатия* – болг. *превантивна дипломатия* и др.

Утверждаются уже зафиксированные в английских специализированных словарях новые интернационализмы: рус. *унилатерализм* – болг. *унилатерализъм*; рус. *мультилатерализм* – болг. *мултилатерализъм*, рус. *билатерализм*, сравн.:

рус. *"унилатерализм Дж. Буша-младшего", "сторонники мультилатерализма"* (МЖ, 4-5, 2004: 111, 113); *"билатерализм – доминанта в отношениях"* (МЖ, 3, 2004:97);

болг. *"Новата стратегия" и "новият световен ред" на САЩ възникват на идеологическата основа на американския унилатерализъм"* (МО, 1, 2004: 14);

англ. *Unilateralism* – силовая политика одного государства; *Multilateralism* – система скоординированных отношений между государствами (Dictionary of International Relations, 1998: 530, 340).

Наряду с заимствованием чужих терминов для образования нового политического термина в сравниваемых славянских языках используется КАЛЬКИРОВАНИЕ, при помощи которого создан ряд неологизмов – семантических калек и полукалек.

Семантическими кальками считаются такие исконные слова, в которых заимствованным элементом является семантика, лексическое значение. Примерами семантического калькирования (калькируется именно семантика чужого слова или словосочетания) могут послужить следующие новые термины-фразеологизмы:

– рус. *новый мировой порядок* – болг. *нов световен ред* – из англ. *New World Order (NWO)* – тезис, объявленный Джорджем Бушем 11.09. 1990 г. в его выступлении на заседании двух палат американского конгресса (*Dictionary of International Relations*, 1998: 371); часто употребляемое понятие, выражающее "определенные внешнеполитические концепции" (*Речник по международни отношения*, 2001: 273). Сравн. синонимические образования: рус. *новое мироустройство*, *новый миропорядок*; болг. *нов световен порядък*;

– болг. *среща на върха* – рус. *встреча в верхах* – из англ. *summit* (слово *summit* имеет два омонимические значения: 1. вершина, верх; 2. совещание на высшем уровне (В.К. Мюллер. *Англо-русский словарь*. М., 1988: 701). Данный болгарский термин обладает большей частотностью, чем дублетный интернационализм – *самит*, в то время как рус. *саммит* преобладает в своем употреблении по сравнению с *встреча в верхах*;

– рус. *"коалиция желающих"* – болг. *"коалиция на желаещите"* – из англ. *"coalition of the willing"* – созданная Дж.У. Бушем коалиция для войны с Ираком. Сравн.: рус. *Американцы в настоящее время нуждаются только в тех людях, которые могут создать или обеспечить иллюзию так называемой "Коалиции желающих", недолговечных партнеров.* – МО, 6, 2004: 8; болг. *От самото начало беше ясно, че "коалицията на желаещите" не е класическа коалиция.* – МО, 4, 2004: 9);

– рус. *"ось зла"* – болг. *"ос на злото"* – известный выражение Дж. Буша. Сравн.: рус. *По мере снижения противостояния между "Востоком" и "Западом" новые линии противостояния все чаще проходят внутри западного мира. США борются с клейменной Президентом Дж.У.Бушем "осью зла", создавая для войны с Ираком не мощный союзный альянс, а непонятную "coalition of the willing"* (МЖ, 2, 2004: 5); болг. *В знаменитата си реч пред конгреса, обявяваща за първи път кръстоносен поход срещу "оста на злото", Дж.Буш не спомена Европа в качеството ѝ на съюзник* (МО, 1, 2004: 17).

Семантической калкой является также рус. *упреждение* – болг. *изпреварване* из англ. *pre-emption* – доктрина упреждающего удара; рус. *сдерживание* – болг. *сдържане* из англ. *deterrence, containment* – доктрина сдерживания (*Dictionary of International Relations*, 1998: 448; 126, 95). В болгарском дискурсе зафиксирована полукалька *преемптивен удар* (англ. *pre-emptive strike*) (*Речник по международни отношения*, 2001, 324).

Полукальки (при которых калькируется только один фрагмент словообразовательной структуры, а другой заимствуется) широко представлены в качестве новых терминов.

Полукалками являются следующие неологизмы, в которых основная, корневая часть – заимствованная, а аффиксальная часть – переводная: рус. *лоббирование* – болг. *лобиране*; рус. *имиджмейкерство*; *сингулярность*; *альтернативистика*; рус./болг. *глобалистика* и др.

Встречаются полукальки – неологизмы, являющиеся сложными словами (рус. *имидженоситель*) или фразеологизмами (рус. *марионеточные государства*; рус.

глобальная деревня – болг. *глобално село* из английского терминологического фразеологизма *Global village*, выражающего концепцию о превращении мира в одну, общую деревню (Речник по международни отношения, 2001: 108). Сравн.: болг. *Желанието да се превърне света в глобално село е факт.* – МО, 1, 2001: 48).

Наряду с терминозаимствованием и калькированием ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ как способ образования новых терминов находит широкое распространение в дискурсе международных отношений. Новые термины-дериваты образуются посредством специфических компонентов (терминоэлементов) и/или композиционных моделей:

а) при помощи внутренних словообразовательных средств: рус. *сверхдержава, моносверхдержава, моносверхдержавность* – болг. *сврѣхдържава*; рус. *однополярный, двухполярный, многополярный мир* – болг. *еднополярен, двуполярен, многополярен свят*; рус. *многоэтническая политика* – болг. *многоетническа политика*; рус. *сверхтерроризм* – болг. *сврѣхтероризъм*;

б) при помощи интернациональных терминоэлементов: рус. *супердержава* – болг. *супердържава, хипердържава*; рус. *полиэтничность* – болг. *мултиетничност*; рус. *антиглобализм, антиглобалист* – болг. *антиглобализъм, антиглобалист*; рус. *мегатеррор, антитерроризм* – болг. *антитероризъм, кибертероризъм, биотероризъм, контратероризъм*; *постмодерен, транснационален тероризъм*; рус. *псевдогосударство* – болг. *псевдодържава*; рус. *асимметричная угроза* – болг. *асиметрична заплаха*; рус. *посткоммунизм* – болг. *посткомунизъм*; рус. *панарабизм* – болг. *панарабизъм*; рус. *биполярность* – болг. *биполярност*; рус. *неоимперская модель, неоимпериализм* – болг. *неоимпериализъм*; рус. *трансатлантические отношения* – болг. *трансатлантически отношения* и др.;

в) при помощи специальных композиционных моделей; рус. *мини-саммит, квази-муниципалитеты, бизнес-сообщество, бизнес-климат, бизнес-диалог, зона-табу, государства-сателлиты, государства-террористы, государства-мошенники, государства-нации, страны-изгои* – болг. *държави-нации, държави-сателити, страни-паразити, интернет революция, бизнес-мрежи, югокриза*.

АББРЕВИАЦИЯ – один из способов создания новых терминов в дискурсе международных отношений. Получили широкое распространение следующие виды аббревиатур:

а) неологизмы – акронимы, представляющие собой сложносокращенные слова с усечениями: рус./болг. *наркобизнес*; рус. *наркоторговля, теракт, миропорядок, мироустройство, миросистема, Евросоюз, оргпреступность, евроинтеграция* и т.п. болг. *наркокращия, наркопазар, наркокочали, наркобос, наркопрестѣпления, евроинтеграция, евродиалог* и т.п.;

б) инициальные сокращения: рус./болг. *ОМУ (оружия массового уничтожения – оръжия за масово унищожение)*; рус./болг. *ТНК (транснациональные корпорации – транснационални корпорации)*; рус. *ВТО (Всемирная торговая организация)* – болг. *СТО (Световна търговска организация)* и др.

ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ (использование готовых языковых единиц собственного языка для обозначения нового научного понятия) – терминотворческий прием, при помощи которого создаются новые политические термины. Сравн. рус. *международное сообщество* – болг. *международна общност*; рус. *новая межгосударственная система* – болг. *нова междудържавна система*; рус. *мировая держава* – болг. *световна държава*; рус. *ближнее зарубежье* – болг. семантическая калька с рус. *близка чужбина* (наименование бывших советских республик); рус. *Содружество Независимых Государств (СНГ)* – болг. *Общност на Независимите Държави (ОНД)* и т.п.

Наряду с заимствованием иноязычных терминов с фонетико-морфологическими трансформациями в анализируемом дискурсе наблюдается и ПРЯМОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ терминологических неологизмов из других языков без какой-либо адаптации. Новые термины-слова или терминологические сочетания – ВАРВАРИЗМЫ, передающиеся графическими средствами языка-источника или славянской графикой, получили широкое распространение, сравн.:

– рус. "*Pax Americana*" (замена Римской империи на *Pax Americana* – МЖ, 3, 2004: 140; *процветающий Pax Americana* – МЖ, 4-5, 2004: 176) – болг. "*Pax Americana*" (*невписващи се в Pax Americana варвари* – МО, 1, 2004: 12) – данное понятие латинского происхождения; его современное значение – мир, созданный Америкой, мир по-американски (Dictionary of International Relations, 1998: 420; Речник по международни отношения, 2001: 300).

– рус. "*Soft power*" (*стремление европейцев максимально использовать имеющуюся в их распоряжении soft power* – МЖ, 2, 2004: 7). Данный варваризм используется наряду с его переводом (семантической калькой): *Дж. Керри уделяет много внимания необходимости использовать "мягкую силу"*. – МЖ, 4-5, 2004, с. 113; болг. *Твърда сила срещу мека сила* – МО, 2, 2004: 49. Англ. *Soft power* означает политическое и идеологическое воздействие во внешней политике;

– рус. "*Realpolitik*" (*возрождение принципов Realpolitik* – МЖ, 4-5, 2004: 85) – болг. *Реалполитик (триумф на Real Politic; последователите на realpolitik* – МО, 1, 2003: 17, 46; Речник по международни отношения, 2001: 340) – англ. *Realpolitik* – трезвая, реальная политика, учитывающая только материальные интересы.

Понятие *Realpolitik* ошибочно используется в качестве синонима "*силовая политика*" (англ. *Power politics*; нем. *Machtpolitik*) – сравн. рус. *отказ Европы от использования принципов Machtpolitik*. – МЖ, 2, 2004: 7.

– рус. "*модернити*"; "*постмодернити*" (*эпоха/ мир/ модернити/ постмодернити* – МЖ, 2, 2004: 5, 6) из англ. *modernity, postmodernity*. По мнению известного британского дипломата Роберта Купера, "модернистские" государства (большинство современных государств) основаны на принципах эпохи модернити (национальное государство, силовой фактор в основе межгосударственных отношений). Эпоха постмодернити трансформирует два важнейших принципа – неизбежность государственного суверенитета и первостепенное значение фактора силы. "Постмодернистские" государства – это страны-члены ЕС, а также Япония (Cooper R. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century. London. Atlantic Books, 2003).

К новой заимствованной терминологии относится и большой пласт экзотизмов, называющих новые явления общественно-политической жизни других народов. Сравн.:

– рус. *палестинская интифада (События 11 сентября 2001 года и последовавшая за ними война в Афганистане, непрекращающиеся террористические акты в Европе и Азии, война в Чечне, палестинская интифада, война в Ираке нередко воспринимаются как грозные предвестники надвигающейся волны войн и конфликтов.* – МЖ, 6, 2004: 46) – болг. *палестинска Интифада (Правителството е подложено на двоен натиск, от една страна от нова вълна на палестинската Интифада – масово протестно движение на окупираниите Западен бряг на река Йордан и ивицата Газа, а от друга страна на острата критика от чужбина, поради крайните си действия.* – МО, 4, 2004: 115); (Речник по международни отношения, 2001:190);

– рус. *всемирный халифат, радикальные исламисты, антисаддамовская коалиция, Аль-Каида, талибы, джихад и др.*; болг. *екстремистки ислям, ислямски фундаментализъм, алкайдизъм, алкайдисти, Ал-Кайда, джихадисти, джихад, аятолах и др.*

Рассмотренные выше способы семантизации новых терминов находят место при обучении русскому языку в профессиональных целях в болгарских нефилологических вузах, в частности в Университете национального и мирового хозяйства в Софии [Лесневска 2003: 45-49]. Основной задачей преподавания новой русской терминологии подъязыка международных отношений является создание лексического минимума новых терминов в сопоставительном плане с соответственной болгарской неологией.

Необходимо также составить списки русских и болгарских терминологических неологизмов, отражающие совпадения/ различия словесных форм в целях использования положительной и преодоления отрицательной интерференции.

Наблюдается полное совпадение ряда русских и болгарских новых терминов, в большинстве случаев из интернационального фонда: рус./болг. *глобализация, евроинтеграция, интернационализация, наркобизнес* и т.п.

В пласт неологизмов с различной орфографией и фонетико-морфологической адаптацией входят такие заимствования, как рус. *терроризм* – болг. *тероризъм*; рус. *саммит* – болг. *самит*; рус. *превентивная дипломатия* – болг. *превантивна дипломатия*; рус. *альянс* – болг. *алианс* и др.

Существуют различия при передаче отдельных иноязычных терминоэлементов в процессе терминообразования (рус. *контртерроризм* – болг. *контратероризъм*; рус. *гипердержава* – болг. *хипердържава*), а также различия в грамматическом роде заимствований (рус. *мировая элита* – болг. *световен елит*; рус. *иракский кризис* – болг. *иракса криза*).

Не совпадает или частично совпадает в силу родственной близости двух славянских языков терминологическая неология исконного происхождения, сравн.: рус. *мировое сообщество* – болг. *световна общност*; рус. *отмывание денег* – болг. *пране на пари*; рус. *международная безопасность* – болг. *международна сигурност*; рус. *"дорожная карта"* – болг. *"пътна карта"*; рус. *новые вызовы* – болг. *нови предизвикателства*; рус. *надгосударственность* – болг. *наддържавност*; рус. *близкое зарубежье* – болг. *близка чужбина*; рус. *упреждающий удар* – болг. *изпреварващ удар* и т.д.

Из перечисленных способов образования терминов наибольшей распространенностью в анализируемом дискурсе обладают внешнее заимствование, терминообразование и аббревиация. Наблюдается как прямое заимствование (варваризмы), так и заимствование с фонетико-морфологическими трансформациями (интернационализмы, экзотизмы). Богато представлено терминообразование – словообразование новых терминов при помощи своих и интернациональных терминоэлементов, а также посредством специфических композиционных моделей. Особенно характерно сложение (рус. *страны-изгои* – болг. *страни-паразити*). Аббревиация как терминотворческий прием часто используется при обозначении новых международных организаций и понятий, характерны "усеченные" формы новых терминов (рус. *СНГ* – болг. *ОНД*; рус. *теракт*).

Калькирование, представляющее собой пересечение и взаимодействие трех основных терминотворческих приемов: терминологизации, терминообразования и терминозаимствования [Суперанская, 1989: 219], – также представлено в анализируемом дискурсе (семантические кальки, полукальки). Терминологизация (семантически преобразованные слова из фондов собственного языка) обладает низкой частотностью.

Состав терминологических неологизмов в русском и болгарском дискурсах международных отношений свидетельствует об интенсивном процессе интернационализации политической терминологии двух славянских языков. Богатая

словообразовательная система двух родственных языков дает возможность осуществления широкой терминологической деривации.

Изучение терминологической неологии при обучении русскому языку в специальных целях обеспечивает необходимую в преподавании интердисциплинарную связь.

ЛИТЕРАТУРА

Головин, Кобрин 1987 – *Головин Б.Н., Р.Ю. Кобрин*. Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987.

Даниленко 1986 – Сб. *Современные проблемы русской терминологии*. Отв. ред. *В.П. Даниленко*. М., 1986.

Добровольская 1984 – *Добровольская В.В., З.Н. Ивлева* и др. Пособие по методике преподавания русского языка как иностранного для студентов-нефилологов. М., 1984.

Дорофеева 1984 – *Дорофеева Т.М.* Синтаксические свойства слов в свете коммуникативных задач обучения. // *Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев*. М., 1984.

Зарубина 1981 – *Зарубина Н.Д.* Текст: лингвистический и методический аспекты. М., 1981.

Зильберман 1988 – *Зильберман Л.И.* Лингвистика текста и обучение чтению английской научной литературы. М., 1988.

Леонтьев 1988 – Методика. Под ред. *А.А. Леонтьева*. М., 1988.

Лесневска 1988 – *Лесневска Д.С., М. Бонев, Н. Червенакова, Д. Паскалева*. Толково-сочетаемостный словарь экономических терминов. С., 1988.

Лесневска 2003 – *Лесневска Д.С.* Преподавание русского языка как иностранного в специальных целях – состояние, проблемы, перспективы. // *Болгарская русистика*, 1-2, 2003.

Лесневска 2004 – *Лесневска Д.С.* Българската терминология в условията на глобализацията. // *Наука*, 5, 2004.

Лотте 1982 – *Лотте Д.С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982.

Митрофанова 1990 – *Митрофанова О.Д., В.Г. Костомаров, М.Н. Вятунев, Э.Ю. Сосенко, Е.М. Степанова*. Методика преподавания русского языка и литературы. Методика преподавания русского языка как иностранного. М., 1990.

Морковкин 1983 – *Морковкин В.В., И.А. Прохорова, М. Леонидова, В. Вучкова*. Теоретические основы создания ориентированного на болгарских учащихся словаря сочетаемости русских слов. // *Съпоставително езикознание*, 5, 1983.

Морковкин 1984 – *Морковкин В.В.* Семантика и сочетаемость слов. Он же: Проект серии толково-сочетаемостных словарей терминов. // *Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев*. М., 1984.

Новиков 1984 – *Новиков С.П.* Сочетательная ценность слова и проблема ее отражения в учебном тексте. // *Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев*. М., 1984.

Пернишка 2004 – *Чл.-кор. Пернишка Емилия, председател на секция "Филологически науки" към Съюза на учените в България*. Юбилейна научна сесия на секция "Филологически науки". // *Наука*, 5, 2004.

Прохорова 1986 – *Прохорова И.А.* К вопросу о создании лексического минимума для иноязычных студентов-нефилологов продвинутого этапа обучения. // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному. М., 1986.

Реформатский 1961 – *Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология. // Вопросы терминологии: Материалы Всесоюзного терминологического совещания. М., 1961.

Рожкова 1983 – *Рожкова Г.И.* К лингвистическим основам методики преподавания русского языка иностранцам. М., 1983.

Слесарева 1990 – *Слесарева И.П.* Проблемы описания и преподавания русской лексики. М., 1990.

Солганик 1997 – *Солганик Г.Я.* Стилистика текста. М., 1997.

Суперанская 1989 – *Суперанская А.А., Н.В. Подольская, Н.В. Васильева.* Общая терминология. Вопросы теории. М., 1989.

Троянская 1981 – *Троянская Е.С.* Общая характеристика лексики стиля немецкой научной речи. // Лингвостилистические особенности научного текста. М., 1981.

Троянская 1982 – *Троянская Е.С.* Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М., 1982.

Троянская 1989 – *Троянская Е.С.* Обучение чтению научной литературы (В помощь преподавателю иностранных языков). М., 1989.

Добриана Сиджимова

АНАЛИЗ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В связи с современной тенденцией глобализации обществ реклама обретает новые функции, а именно: осуществление связи между народами, укорачивание дистанции между ними, унифицирование их чувств и потребностей, но вместе с тем и сохранение их национально обусловленного мировоззрения. Анализ национально-культурной специфики языкового сознания носителей разных языков является предпосылкой профилактики и разрешения конфликтов в межкультурной рекламной коммуникации, а также способствует расшифровке культурного кода нации, в данном случае – рекламной аудитории, с целью осуществления прагмалингвистического аспекта рекламного воздействия.

По наблюдениям И. Владовой, в процессе перевода осуществляется взаимодействие не только между языками, участвующими в этом акте, но и между социумами, носителями этих языков, а также между их культурами. Поэтому перевод воспринимается как межъязыковая и межкультурная коммуникация (Владова 2003, 62). Продуцирование адаптированных рекламных материалов к культурам различных стран может являться существенной трудностью при популяризации продукции, но корректировка вербального сообщения, стиля, формы, исполнения и образов рекламных кампаний позволяет достичь максимальной эффективности среди целевых групп в различных странах.

При инициировании и в целях успешного развития межкультурной рекламной коммуникации следует учитывать специфические факторы, значимые для адекватного восприятия рекламных текстов (РТ): 1) фоновые знания коммуникантов, 2) национально обусловленное значение коннотативной лексики, 3) существование лакун в иноязычной культурной среде, 4) прецедентные феномены, 5) сформированные временем конкретные стереотипные представления о членах данного лингвокультурного сообщества, 6) семиотика невербального поведения, 7) национально обусловленные различия в восприятии цветовой картины мира.

1. Исходя из самой простой схемы коммуникации “адресант – текст – адресат”, общение становится возможным при наличии общего **фонового знания**, присущего в равной степени как адресанту, так и адресату. В фоновые знания входит прошлое и настоящее народа, его взгляды на мир, обычаи и традиции, достижения в области экономики, политики, культуры, архитектуры и т. д.,. Носителями национально-культурной семантики являются реалии, историзмы, фразеологические единицы, афоризмы, фольклорные слова и выражения и т. п. А. В. Федоров определяет фоновые знания, как социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации, освоенные большинством ее представителей и отраженные в языке данной национальной общности (Федоров 1983, 131).

Фоновые знания постоянно обогащаются, но в качестве их составных частей неизменно присутствуют национальные ценности, актуальный историзм и

специфический способ отражения фактов. Адекватное восприятие РТ потребителем предполагает не только владение условным языком искусства, но и знание исторической эпохи и эмоциональной готовности прикоснуться к миру рекламы. Отражение духовной атмосферы в рекламе связано с идеей, что каждое общество является продуктом своего исторического развития, а текст не только передает сообщение, но и обладает способностью отражать, фиксировать и сохранять информацию о человеческих достижениях.

Таким образом, РТ, информативно-образное построение которого базируется на определенных фоновых знаниях, присущих конкретному лингвокультурному сообществу, подвергается адаптации в условиях межкультурной коммуникации. В тех случаях, когда расхождение настолько велико, что заложенная в РТ информация не порождает необходимых ассоциаций у иноязычной рекламной аудитории, рекламистам приходится составлять совершенно новые тексты реклам, соответствующие конкретно-языковым и национально-культурным особенностям данных реципиентов.

Актуальным является пример РТ, предназначенного для болгарской аудитории и учитывающего фоновые знания болгар, для которых скупость жителей города Габрово общеизвестна: *“За габровци се знае, че ... за да не остава вратата дълго отворена и да бяга топлото от стаята, режат опашките на котките си. А за да плащат по-малко за телефон, говорят с Орбифон”*. В условиях воссоздания данного РТ в ином лингвокультурном контексте следует проведение работы по адаптации к специфике нового реципиента, для которого подобная информация не является значимой.

Аналогично рассматриваются и примеры РТ, популяризирующих сотовую связь “Mtel”: *“Голям залък лапни, голяма дума кажи!”* и *“Ако на лъжата краката са къси – при метеоролозите трябва да е пълно с джуджета”*. Эти РТ являются перифразами болгарских пословиц “голям залък лапни, голяма дума не кавай!” и “на лъжата краката са къси”, входящих в состав фоновой лексики болгар. Как отмечают В. Ф. Занглигер, в пословицах наиболее полно отражается образно-метафорическая система как русского, так и болгарского языка. И несовпадение коннотативных значений отдельных компонентов пословиц объясняется различием в языковой картине мира у русских и у болгар (Занглигер 1997, 225). Поэтому в условиях функционирования данных РТ в иноязычной культурной среде ассоциации, которые они порождают, не будут соответствовать заранее запрограммированному рекламному эффекту, так как для представителей других лингвокультурных сообществ используемые в данных РТ пословицы не являются значимыми и понятными.

В целях эмоционально-суггестивного рекламного воздействия в РТ нередко используются такие языковые единицы, как крылатые слова и выражения, которые понятны и вызывают определенные ассоциации только у носителей данного языка. Например, в РТ часов “Восток – Капитал”: *“Восток – дело тонкое”*, используется вошедший в фоновую лексику русского реципиента афоризм из популярного русского фильма “Белое солнце пустыни”.

2. Фоновая лексика характеризуется тем, что большинство слов обладает своим лексическим фоном, который отличается от его аналога в иностранном языке. В сознании носителей языка данное **коннотативное значение** слова вызывает значительный объем информации.

Как справедливо отмечает Дж. Лайонз, “каждый язык артикулирует реальность... типичным для него образом, создавая свой собственный взгляд на

реальность... и устанавливая свои собственные понятия” (Lyons 1977, 259). Существенной трудностью в таком виде общения является конфликт между культурными представлениями разных народов о тех предметах и явлениях реальности, которые обозначены эквивалентными словами этих языков. Эти культурные представления обычно определяют появление различных культурных коннотаций у слов разных языков. Как отмечает Л. Блумфильд, коннотация несет указание на определенный уровень речи, обусловленный социальными, региональными, техническими и культурными факторами (Блумфильд 1964, 156-164). А Р. Барт рассматривает данное явление как сумму структурированных элементов определенного миропонимания или идеологии (Барт 1975, 83).

Например, в РТ *“Провървя ми!”*, популяризирующем услуги “ПроКредит Банка”, рекламное воздействие осуществляется на основании единства содержания и формы, в которой посредством иллюстрации четырехлистного цветка клевера выражается следующий рекламный замысел: потребители, воспользовавшиеся данной услугой, осуществили удачный поступок. Указанный РТ функционирует в болгарском лингвокультурном контексте, в котором коннотативное значение цветка клевера “четирилистна детелина” символизирует удачу. А в иноязычной культурной среде данное рекламное послание не вызывает адекватных ассоциаций.

По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, в сфере коннотативных слов не следует прибегать “ни к переводу, ни к наглядной семантизации, ни к однофразовым толкованиям, ни даже к видовым определениям” (Верещагин, Костомаров 1973, 83). Авторы предлагают решение данной лингвистической трудности посредством лингвострановедческого комментария, но он не является удачным для РТ, которые, с одной стороны, адаптируются к лингвокультурным особенностям рекламной аудитории и пытаются сохранить конкретно-языковую и национально-культурную специфику адресата рекламного послания, а с другой – стремятся быть максимально лаконичными и сжатыми. Вот почему самым удачным в конкретном случае является выявление типичных коннотативных значений слов или словосочетаний в исходном РТ и выбор самого подходящего аналога в языке перевода, который отражает сходный смысл и сохраняет стилистическую окраску исходного понятия.

3. По мнению И. Владовой, в процессе перевода осуществляется своеобразный диалог между культурами, при котором “воспринимающая культура интегрирует в себя интеллектуальные, образно-эмоциональные и художественно-выразительные средства, сохраняя при этом свою идентичность, заложенную в ее глубинной сущности” (Владова 2002, 274). Таким образом, Проблема культурной непереводаемости в итоге сводится к проблеме восполнения переводчиком определенных знаний, общеизвестных в культуре исходного языка (ИЯ), но отсутствующих у тех, кто воспринимает текст на языке перевода (ЯП). В процессе систематического сопоставления двух языков выделяются **лакуны**, то есть “белые пятна”, возникающие в результате отсутствия эквивалента слову в одном из языков.

Применительно к сопоставлению грамматических систем двух языков Ч. Хоккет выделяет случайные пропуски, пробелы в речевых моделях (Hockett 1954, 73). К. Хейл, исследуя язык и культуру австралийского этноса уолбири и сравнивая ее с англоязычной культурой, вводит термин “gap” (пробел, лакуна). Исследователь обнаружил, что в языке уолбири отсутствуют традиционные числительные, и рассматривает данный факт как лакуну (Hale 1975, 24). Говоря о национально-

специфических элементах, препятствующих общению представителей разных культур, Г. Гачев характеризует их как “заусеницы”, которые “задираются” в процессе межкультурной коммуникации (Гачев 1964, 54).

Ю. Сорокин и И. Марковина вводят понятие идиокультурной адаптации и предлагают несколько способов отстранения лакун. Заполнение осуществляется посредством введения в текст перевода (ТП) разного рода пояснений, комментариев, дополнений и т. п. При компенсации утрачивается национальная специфика исходного текста (ИТ), так как в ТП осуществляется замена реалий исходной культуры на реалию культуры реципиента, контекстуальная замена или полная замена контекста (Сорокин, Марковина 1988, 23).

Заполнение как один из способов возмещения переводческих потерь не является подходящим в целях рекламы, так как разного рода пояснения, комментарии, дополнения и т. п. увеличивают объем РТ, а одно из основных требований к рекламе – это передача максимальной информации при минимуме слов.

Более подходящей является компенсация информации, при которой в текст перевода вводится элемент культуры, присущий рекламной аудитории. Относительно РТ, высокой частотностью употребления отличается такая форма компенсации, при которой осуществляется полная замена контекста. Таким образом, при воссоздании РТ в иноязычной культурной среде проводится прагматическая адаптация РТ к восприятию принимающего лингвокультурного сообщества.

В тех случаях, когда посредством контекста рекламная аудитория затрудняется выяснить данное понятие, в целях достижения смысла рекламы используется аналогичное слово, обозначающее нечто близкое, тождественное по функции иноязычной реалии. Подходящим примером является РТ кредитной карточки “Euro card Mastercard”, в котором осуществляется замена реалий исходной культуры на реалию культуры реципиента. В РТ, предназначенном для западноевропейской аудитории, стоимость билетов на футбольный матч, спортивной футболки и кроссовок, обещанных отцом сыну, дается в европейской валюте – в евро. В болгарском варианте их стоимость воспроизводится в национальной валюте – в левах.

Исследования в области рекламы доказали, что адресаты рекламного послания удовлетворены, когда их национальные и индивидуальные черты учитываются при изготовлении РТ. В связи с этой спецификой в процессе перевода РТ сохраняются функциональные характеристики ИТ, при этом воспроизводится целостная идея, сюжет и текст иностранной рекламы, но осуществляется замена имен героев именами, типичными для носителей языка переводного РТ. Например, в РТ, предназначенном для болгарского реципиента, любящий муж называет свою супругу, которая пользуется косметической продукцией “Schwarzkopf”, – “Мишленце”, а в русскоязычном варианте той же рекламы героиня присутствует с ласковым названием, характерным для русских, – “Ласточка”.

4. Национально-специфические знания, присущие конкретному лингвокультурному сообществу и отличающие его от остальных народов, выражаются в языке посредством так называемых **прецедентных феноменов**. Ю. Караулов вводит понятие прецедентности текста, под которым он понимает следующие тексты: “1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении; 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников; 3) обращение к

которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности” (Караулов 1987, 216). Вслед за понятием прецедентного текста ученые вводят следующие понятия: прецедентное высказывание (В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова), прецедентное имя (Д. Б. Гудков), прецедентный феномен и прецедентная ситуация (В. В. Красных).

В широкое понимание прецедентности включаются языковые клише и штампы разного уровня, стереотипы, фрейм-структуры и т. п. единицы. Прецедент в данном значении представляет собой определенный “стереотипный образно-ассоциативный комплекс” (Телия 1988, 30), значимый для определенного социума и регулярно актуализирующийся в речи представителей этого социума.

В РТ феномен прецедентности наблюдается в случаях употребления прецедентных текстов (художественных произведений, текстов песен и т. д.) Прецедентный текст хорошо знаком любому члену лингвокультурного сообщества, в когнитивную базу входит инвариант его восприятия, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы. Примером тому является РТ, популяризирующий кофе “Elite”: *“Черно кафе – много е добре. Гъсто кафе – още по-добре. В кафето захар чакаракаде. Силно кафе – Форте кафе!”*. Данный РТ является значимым для болгарской рекламной аудитории, так как он ассоциируется с популярной болгарской песней о Черном море. Таким образом, феномен прецедентности способствует порождению эмоционально-суггестивных и информативно-образных РТ в сознании болгарской целевой группы.

В рекламных целях используются также прецедентные имена, посредством которых рекламисты внушают определенные идеи и в то же время им не приходится давать дополнительные объяснения, так как данное имя-символ является эталонным, носителем определенных типичных качеств и оно достаточно популярно среди представителей рекламной аудитории. Например, в РТ *“На кого само вярва агент 007? P99 WALTHNER. Нов ударно-спускателен механизъм – double action. Единствен със сертификат на немската полиция”* использовано кодовое название агента Джеймса Бонда из популярного боевика, в котором главный герой является символом мужества и героизма, а его имя ассоциируется с такими качествами, как сообразительность, ловкость и отвага. Имя Джеймса Бонда – агента 007 известно широкой аудитории по всему миру. Таким образом, это значимое для многих людей имя можно рассматривать как прецедентное. В данном РТ рекламисты используют образ данного героя в целях популяризации пистолетов “P99 WALTHNER”.

В рекламной деятельности наблюдается и иной случай применения прецедентных имен. Для популяризации рекламируемого продукта в целях рекламы используются свидетельства известных личностей, популярных в данном социуме или пользующихся международной популярностью. Это люди, достигшие значительных успехов в какой-либо области, и они знакомы и любимы рекламной аудитории. Их имена и фамилии ассоциируются с конкретными событиями и фактами действительности. В подобных случаях феномен прецедентности способствует осуществлению эмоционально-суггестивного воздействия рекламного послания. Например, Елена Лебеденко – чемпионка Европы по многоборью в легкой атлетике, рекламирует деодорант “Lady Speed Stick”: *“Я веду активный образ жизни. Lady Speed Stick дает мне очарование уверенности в себе”*. Утверждения спортсменки

воспринимаются как достоверные, так как опыт и популярность Е. Лебедеко являются гарантией тому, что рекламируемый продукт соответствует ее ожиданиям и потребностям, а, следовательно, и ожиданиям множества потенциальных потребителей.

5. Каждый народ имеет свои устойчивые представления о других народах. Когда говорят “типичный немец” или “типичный француз”, имеют в виду вполне определенный характер. Как правило, существующие культурные образы порождаются литературой, кино, рассказами тех, кто посещал страну, а также средствами массовой информации. Формирование подобных **стереотипов** связано с длительным историческим процессом общения народов друг с другом. Чаще всего образы других стран и народов неоднозначны и противоречивы, но вместе с тем включают в себя и традиционные стереотипы, и современные представления.

По мнению И.В. Захаренко, стереотипами являются “национально маркированные ментально-лингвальные единицы, которые предписывают нормы, правила, установления, складывающиеся в процессе социального, психологического и – как отражение этого – языкового опыта лингвокультурного сообщества и являющиеся каноническими для данного сообщества” (Захаренко 1981, 106). В. А. Маслова толкует понятие “стереотип” как “такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой – проявить себя среди “своих” и одновременно опознать “своего” (Маслова 2001, 110).

Специалистам в области рекламы следовало бы выявить интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях для конкретной целевой группы, а также изучить тот незримый минимум духовного единения людей, без которого невозможна организация любого общества.

Стереотипы, создаваемые представителями разных культур, лежат в основе продуцирования колоритных, ярких и действенных рекламных героев. Для этого необходимо установление устойчивых стандартизированных образов, которые обладают привычными национальными особенностями, сложившимися под влиянием социальных условий и предшествующего опыта. Так, например, в РТ *“Пиво Бавария. Этим все сказано”* указание на торговое наименование продукта является достаточным, так как сложившиеся стереотипы о немецком пиве являются гарантией качества данного продукта.

И. Л. Викентьев выделяет следующие основные свойства стереотипа в рекламе: стереотип влияет на принятие решения клиентом и делает этот процесс нелогичным для внешнего наблюдателя; он помогает человеку упорядочить многообразие мира в своем представлении, нередко создавая для него псевдореальность; стереотип – это совершенно определенное, зримое, слышимое, представляемое предубеждение – отношение клиента к себе, каналам информации, рекламируемым товарам и услугам, при этом стереотип, имеющийся у каждого потенциального клиента, можно назвать, но он невыразим полностью (например, каждый человек в своем воображении видит свои картины отдыха) (Викентьев 1993, 40). Подобные наблюдения и выводы в значительной степени помогают рекламистам в их работе над рекламными посланиями, предназначенными для представителей иной культуры и иного языкового коллектива.

6. Изучая особенности межкультурной рекламной коммуникации, следует учитывать национально-детерминированную специфику личности коммуникантов, влияющую на особенности кодирования сообщения, формы контакта, восприятие

контекста. Неудачи, которые могут быть названы “поведенческими”, оказываются весьма частотными в подобном виде общения и влияют на собственно вербальную коммуникацию, которую нельзя рассматривать в отрыве от **семиотики невербального поведения**.

Во всем мире основные коммуникативные жесты сходны и универсальны: например, счастье выражается улыбкой, изумление – поднятием бровей вверх, непонимание – пожатием плечами и т. п.

Но при этом следует отметить, что как вербальные языки отличаются друг от друга в зависимости от типа культур, так и невербалика одной нации отличается от невербального языка другой нации. В то время как какой-то жест может быть общепризнанным и иметь четкую интерпретацию у одной нации, у другой нации он может не иметь никакого значения или даже вызывать противоположные ассоциации. Таким примером являются различия в выражении согласия или несогласия у болгар и остальных народов. Для болгар движение головой из стороны в сторону означает – “да”, а кивание головой – “нет”, а для других народов вышеуказанные жесты имеют противоположное значение.

Этот пример свидетельствует о том, к каким недоразумениям могут привести неправильные толкования жестов, не учитывающих национальные особенности говорящего. Поэтому прежде чем делать какие-либо выводы о значении тех или иных жестов и языка телодвижений, необходимо учесть национальную принадлежность собеседника. Эта особенность в максимальной степени относится к созданию рекламных роликов, предназначенных для иноязычной аудитории. Следовательно, эти данные способствуют более углубленному анализу рекламной коммуникации и развитию более актуальных и действенных рекламных посланий для конкретной аудитории. Кроме того, рекламисты стали обращать особое внимание на значение жестов и мимики человека, а также занялись овладением искусством толкования языка телодвижений. Изучение этого особого способа общения поможет обогатить рекламу дополнительной, невербальной информацией и избежать некоторые недоразумения при воссоздании рекламного послания в иной лингвокультурной среде.

В лингвистике значащие жесты, мимика и поза тела называются “соматизмами”, которые выражаются специализированными словами и словосочетаниями. В русском языке такими примерами являются следующие: “махнуть рукой”, “прищурить глаза”, “высунуть язык”, “кивнуть головой” и т. д., а в болгарском языке: “да се плесна по челото”, “да се почеша по тила”, “да вдигна рамене” и т. п. Такие слова и словосочетания называются соматическими речениями.

Соматизмы имеют яркую национальную специфику и связаны с типологией культур, вот почему существует значительная группа соматических речений, не имеющих эквивалентов и по значению зримого действия, и по значению интерпретационному. Например, “щелчок пальцем по горлу” для русских означает желание выпить или указывает на степень чьего-либо опьянения. В болгарской культуре соматизм с подобным значением отсутствует.

В РТ, популяризирующем пенсионный фонд “Доверие” упоминается типичный болгарский соматизм “да чукна на дърво”, чье значение заключается в том, что тот, кто произносит эту фразу или осуществляет это действие, застраховывает себя от определенных неприятностей в будущем. В каждом языковом коллективе существует соматизм с аналогичным значением, который при переводе данного РТ может выразить

конкретную информацию. Таким, например, для русского лингвокультурного сообщества являются соматизмы “постучать по дереву”, “плюнуть через левое плечо”.

В связи с расширением межнациональных и межкультурных контактов некоторые соматизмы переходят из одной культуры в другую, но национальная специфика оставляет свой след и в невербальном языке, в частности, в соматических речениях. Овладение невербальным языком способствует процессу эффективного общения между народами, а это, в свою очередь, отражается и на полноценном развитии процессов рекламной коммуникации.

7. Еще одной особенностью выражения этнической самобытности и колорита является **национальная символика цветообозначения**. Умение учесть различные цветовые ассоциации при создании рекламных модулей оказывается важным фактором для правильного восприятия цветовой части рекламного сообщения. О. А. Феофанов приводит подтверждающий вышеуказанную особенность пример, при котором всемирно известная фирма пыталась сбыть в Мексике спортивные сумки фиолетового цвета, но при этом не был учтен тот факт, что в этой стране фиолетовый цвет ассоциируется с печалью и трауром (Феофанов 2000, 56). Таким образом, в целях повышения эффективности рекламного послания и во избежание конфликтов в процессе межкультурной коммуникации следует учитывать корректировку и сочетание национально обусловленной цветовой картины мира с восприятиями иноязычной рекламной аудитории.

Так как реклама является особым типом коммуникации и выходит за пределы страны-производителя товара, ее послание подвергается прагматической адаптации с целью порождения адекватных реакций со стороны иноязычной аудитории. Научные выводы и заключения экспериментальных исследований в области межкультурной коммуникации могут послужить улучшению рекламной деятельности в целях развития и углубления знаний об аудитории, на которую она направлена. Содержательное и эмоционально-логическое усиление рекламного послания в условиях межкультурной коммуникации осуществляется на основании знаний об организации процессов речевого общения, о специфике фоновой лексики конкретной рекламной аудитории, о коннотативных значениях различных языковых единиц, о существовании лакун в иноязычной культурной среде, о проявлениях феноменов прецедентности в данном лингвокультурном сообществе, о стереотипных представлениях реципиентов рекламного послания, о расхождениях в вербальном и невербальном поведении носителей разных языков, о национально-обусловленном восприятии цветовой картины мира. Данные выводы и наблюдения являются значимыми как при инициировании межкультурной рекламной коммуникации, так и для ее успешного развития. Таким образом, с одной стороны, реклама является одним из хранилищ духовной культуры нации, а с другой – мощным фактором популяризации национальной культуры в процессе межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт 1975: Р. Барт. Основы семиологии // Структурализм: “за” и “против”. М., 1975.
2. Блумфильд 1964: Л. Блумфильд. Язык. М., 1964.

3. Верещагин, Костомаров 1973: Е. М.Верещагин, В. Г. Костомаров. Язык и культура. М., 1973.
4. Викентьев 1993: И. Л. Викентьев. Приемы рекламы: методика для рекламодателей и рекламистов. Новосибирск, 1993.
5. Владова 2002: И. Владова. Актуальные интегральные и дифференциальные процессы, наблюдаемые при создании текста перевода. Маприял 2002 VIII международный симпозиум. Велико Търново, 2002.
6. Владова 2003: И. Владова. Перевод в современном социокультурном контексте Русское слово в мировой культуре. СПб., 2003.
7. Гачев 1964: Г. Д. Гачев. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. № 1. 1964.
8. Гудков 1999: Д. Б. Гудков. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
9. Занглигер 1997: В. Ф. Занглигер. Метафоры с зооморфизмами в русских и болгарских пословицах // Сопоставительные и сравнительные исследования русского и других языков. Белград, 1997.
10. Захаренко 1981: И. В. Захаренко. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1981.
11. Караулов 1987: Ю. Н. Караулов. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
12. Костомаров, Бурвикова 1994: В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. Как тексты становятся прецедентными // РЯЗР № 1 / 1994.
13. Красных 1996: В. В. Красных. О tempora, о mores! Новые структуры русской когнитивной базы // Лингвистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М., 1996.
14. Lyons 1977: Jh. Lyons. Semantics. Cambridge University Press, 1977.
15. Маслова 2001: В. А. Маслова. Лингвокультурология. М., 2001.
16. Сорокин, Марковина 1988: Ю. Сорокин, И. Марковина. Культура и ее этнопсихолингвистическая сущность. В: Этнопсихолингвистика. М., 1988.
17. Телия 1988: В. Н. Телия. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
18. Федоров 1983: А. В. Федоров. Основы общей теории перевода. М., 1983.
19. Феофанов 2000: О. А. Феофанов. Реклама. Новые технологии в России. С. П., 2000.
20. Hale 1975: K. Hale. Gaps in grammar and culture // Linguistics and anthropology in honor of C. F. Volgelin-Jisse, 1975.
21. Hockett 1954: CH. F. Hockett. Chinese versus English // Language in culture. Chicago, 1954.

КАТЕГОРИИ СИММЕТРИИ И АСИММЕТРИИ В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ (обзор основных идей)

Часть 1. Общефилософские категории симметрии и асимметрии

Обнаружение и квалификация категорий симметрии и асимметрии в науке о языке сопутствовало системно-структурному изучению языка. Системно-структурный подход означал рассмотрение языка как системы систем, а понятие системы само по себе предполагает понятие симметрии. В. Н. Бгашев отмечает, что организованная система отличается от случайного скопления разрозненных элементов тем, что характеризуется регулярностью и закономерностью строения и внутренних отношений входящих в нее частей, иными словами, характеризуется симметрией (Бгашев 1990: 21-25).

Начиная с 30-х годов XX века эти категории вошли в активный обиход в лингвистике. Было обнаружено, что симметрия и асимметрия проявляются по-разному в общей системе языка и в различных его подсистемах. “Вопрос о формах их проявления в системе языка имеет не только конкретное, практическое значение, но и общелингвистическое, теоретическое значение, так как его решение связано с установлением имманентных свойств языка и динамических факторов в его развитии” (Шапкин 1967: 6). В связи с этим В.А. Карпов подчеркивает: “Асимметрия существует лишь как другая сторона явления и предполагает соответствующую ей симметрию и наоборот, равно как и то, что упорядоченность/неупорядоченность и повторяемость/неповторяемость непредставимы одна без другой. Пока же отметим, что коль скоро в деятельности мозга исследователи обнаруживают функциональные параметры в виде симметрии/асимметрии, то и в функционировании языка-системы эти характеристики должны обнаружиться с необходимостью” (Карпов 2003: 23). Далее В.А. Карпов добавляет: “Асимметрия – необходимое дополнение и противоположность симметрии” (Карпов 2003: 299).

Асимметрия, играющая огромную роль в жизни и развитии языка, весьма трудна для теоретического осмысления. В.Г. Гак считает, что если бы не было языковой асимметрии, отпала бы в значительной степени потребность в теоретическом языкознании и споры в этой науке были бы сведены к минимуму (Гак 1998: 106).

Понятие “асимметрического дуализма языковых единиц” введено С.О. Карцевским. Он первым среди исследователей языка в своей статье «Об асимметричном дуализме языкового знака» (1929) использовал термины *симметрия* и *асимметрия* по отношению к явлениям языка. Его внимание было направлено на соотношение «многозначность/синонимия» языковых явлений, возникающее как результат расхождения между планом выражения и планом содержания. С.О. Карцевский отмечает: “Означающее и означаемое асимметричны. Образовав пару, они находятся в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму знака язык может развиваться” (Карцевский 1965: 90).

В связи с этим В.Г. Гак отмечает, что если пятьдесят лет тому назад использование термина «асимметрия» для понимания языковой архитектоники могло казаться метафорой, то в эволюции лингвистики за прошедшие полстолетия наблюдается не только все более широкое использование терминологической пары *симметрия/асимметрия*, но и осознание этих категорий как отражения

фундаментальных характеристик строения и функционирования языка. По его выражению, понятие симметрии в науке XX века выступает в качестве одного из важнейших методологических элементов исследования и принципов построения научной теории. В.И. Вернадским было отмечено, что данный принцип «охватил и охватывает все новые отрасли нашей науки» (Об общеметодологическом значении понятия симметрии/асимметрии см.: Урманцев 1974). Понятия симметрии и асимметрии стали всеобщими категориями познания.

По мере их перехода в новые области знания изменялось и углублялось содержание этих понятий.

Понятие симметрии, использовавшееся еще мыслителями античности (в архитектуре, математике, искусстве), как собственно научное понятие было применено в XIX веке к материалу кристаллографии. Именно здесь произошло его научное осмысление и становление, были исчислены типы симметрии. В 1890 г. русский ученый Е.С. Федоров установил, что все возможные сочетания элементов симметрии в пространстве сводятся к 230 группам. Следует отметить, что все вновь открываемые виды кристаллов до сих пор распределяются по этим группам.

В.Г. Гак замечает, что при перенесении этого подхода на лингвистический материал языковеды, проводя сравнительно-типологические исследования, выводят несколько десятков или сотен универсальных соответствий в языках мира. Подобно изменениям в кристаллической решетке, где при ее встряхивании наблюдаются отклонения от симметрии двух видов: появление вакантных мест и перемещение (дислокация), – в языке асимметричные (resp. асистемные) изменения сводятся к устранению или замене элементов, к количественным или качественным преобразованиям. Это наблюдается как на уровне парадигматики, так и на уровне синтагматики (Гак 1998: 108). В порядке имеют место элементы беспорядка, а в беспорядке имеется свой порядок. Симметрия кристаллов может считаться статической, касающейся одного объекта. Это структурная симметрия, при которой наблюдаются соотношения признаков, составных частей данного объекта.

В геометрии симметрия – это подобие фигур, созданных в результате преобразования одной из них в другую. Она выявляет соотношение двух разных объектов, указывает на степень неизменности их признаков и соотношений их элементов. В физике же симметрия и асимметрия получили динамическое толкование, ибо физика – наука о динамических процессах. П. Кюри использовал эти понятия для выяснения причинно-следственных отношений явлений, их сохранения или изменения при движении. То же происходит и в лингвистике.

Тенденция явлений к симметрии/асимметрии была отмечена в самых разных науках. Кроме названных, можно отметить биологию, психологию и искусствоведение (см., например, книги Вяч. Вс. Иванова [Иванов 1978], В.Л. Бианки [Бианки 1985], монографию Н.Н. Брагиной и Т.А. Доброхотовой [Брагина, Доброхотова 1988], ряд статей этих же и других авторов; ср. также фундаментальные труды философа и биолога Ю.А. Урманцева [Урманцев 1974, 1978, 1986, 1988]).

В.С. Готт, рассматривая симметрию и ассиметрию в неживой и живой природе, дает следующие определения категорий симметрии и асимметрии: “*Симметрия* – это понятие, отображающее существующий в объективной действительности порядок, пропорциональность и соразмерность между составными частями целого, определенное равновесное состояние, относительную устойчивость.

Асимметрия – понятие, противоположное симметрии, которое отражает существующие в объективном мире нарушения равновесия, связанные с изменением, развитием; нарушения, вызываемые перестройкой организации или отсутствием тех составных частей целого, совокупность которых находилась в определенном

пропорциональном, равновесном состоянии”. И далее: “*Асимметрией* называют отсутствие у объекта всех элементов симметрии. Такой объект (фигура) не делим на равные части. Примером асимметричного объекта может быть рука человека [...]” (Готт 1965: 29-30).

Асимметрия представляет собой категорию, которая означает “существование и становление в определенных условиях и отношениях различий и противоположностей внутри единства, тождества, цельности явлений мира” (Готт 1988: 283). Асимметрия – такое же необходимое свойство структуры изменений и взаимосвязей явлений мира, как и симметрия. Асимметрия присутствует и в самой симметрии. Многие свойства симметрии и асимметрии связаны с единством покоя и движения.

«*Антисимметрия*, – пишет В.С. Готт, – есть свойство многих объектов совмещаться с собой в разных позициях операциями антисимметрии. Операция антисимметрии состоит из какой-либо операции симметрии в сочетании с операцией перемены знака фигуры. Под знаком фигуры понимают различные характеристики объекта: знаки электрических зарядов плюс – минус, выпуклость – вогнутость, черное – белое, растяжение – сжатие, вперед – назад и т. д.» (Готт 1965: 29-30; см. также Готт, Депенчук 1962: 173; Готт, Перетуриин 1967: 35; Готт 1988: 276-288). Антисимметрия – это частный случай асимметрии.

Симметрия представляет собой категорию, которая означает “процесс существования и становления тождественных моментов в определенных условиях и в определенных отношениях между различными и противоположными состояниями явлений мира” (Готт 1988: 279). Из данного определения вытекают следующие методологические требования: в процессе изучения состояний, явлений, событий движущейся материи надо установить свойственные им различия и противоположности, раскрыть, что именно в них является тождественным, при каких условиях и в каких отношениях это тождественное возникает, существует и исчезает. Данное определение понятия симметрии “позволяет распространить это понятие на все атрибуты материи, на все ее состояния и структуры, а также на все типы связей и взаимодействий” (Готт 1988: 281).

А.В. Шубников замечает, что независимо от того, какой трактовки симметрии мы придерживаемся, одно остается обязательным: нельзя рассматривать симметрию без ее антипода – диссимметрии. Он считает, что симметрия соответствует устойчивости, покою, а в диссимметрии (= асимметрии) отражается та сторона явлений, которая соответствует движению, изменению и что единое понятие симметрия – диссимметрия неисчерпаемо (Шубников 1946: 162). Н.Ф. Овчинников симметрию – общую закономерность природы – выводит из того, что любое движение необходимо связано с сохраняющимися элементами природы. Каждому изменению соответствует определенное сохранение, а каждому сохранению – определенное изменение (см.: Готт, Перетуриин 1967: 38-49).

Хотя понятие симметрии раскрывает момент покоя, равновесия в состояниях движения, а асимметрии – моменты движения, изменения в состояниях покоя или равновесия, понятие симметрии, по В.С. Готту, может охватывать и такие стороны существования явлений, для которых покой не характерен. Таковы, например, регулярная повторяемость тех или иных состояний движения, их определенная периодичность. Они симметричны, но это не состояние покоя.

В.С. Готт употребляет и термин «диссимметрия», которым он обозначает отсутствие у объекта некоторых элементов симметрии. Термин “диссимметрия” широко применяется в кристаллографической, биологической, химической и физической литературе. В науку он был введен Луи Пастером, который понимал

диссимметрию как свойство определенных фигур не совмещаться простым наложением со своим зеркальным изображением.

Пьер Кюри рассматривает это понятие гораздо шире и придает ему философское звучание. Он определяет диссимметрию как совокупность всех элементов симметрии, отсутствующих в фигуре. По Пьеру Кюри, диссимметрия играет более важную роль для предсказания новых явлений, чем симметрия. Таким образом, он считает, что диссимметрия творит явление, а поскольку число отсутствующих элементов симметрии всегда бесконечно велико, то легче перечислить элементы симметрии (присутствующие), чем элементы диссимметрии (отсутствующие элементы симметрии). В его понимании, однако, диссимметрия остается в тени симметрии, в то время как симметрия и диссимметрия (= асимметрия в другой терминологии) в любом явлении находятся в относительном единстве и непрерывной «борьбе» (Готт 1965: 11; Готт 1988: 259).

Так же, как движение представляет собой диалектическое единство движения и покоя, так и симметрия сосуществует вместе с асимметрией и находится с ней в единстве и постоянной «борьбе». Симметрия и асимметрия – категории относительные, ибо содержание и значение симметрии раскрывается через асимметрию, являющуюся результатом нарушения, изменения симметрии. Симметрия и асимметрия – это одна из форм проявления общего закона диалектики – закона единства и борьбы противоположностей, обуславливающих изменение и развитие в неживой и живой природе. Данные категории связаны с такими категориями, как пространство и время, причинность, движение, форма и содержание, количество и качество и другие, откуда следует, что категории симметрии и асимметрии сами являются всеобщими категориями. Выделение сходных характеристик и черт в различных процессах и категориях является одним из способов образования новых категорий (Готт 1965: 31).

Ю.А. Урманцев замечает, что «... на первый взгляд единая и однообразная в своей симметрии природа при более внимательном анализе обнаружила внутренне противоречивую раздвоенность, “составленность” из ряда пар противоположностей – диссимметрических и недиссимметрических, правых и левых явлений, тел, процессов, симметризации и дессимметризации» (Урманцев 1964: 177).

Категории (у В.С. Готта – свойства) симметрии и асимметрии напрямую связаны с вечностью, несотворимостью и неуничтожимостью движения и материи, пространства и времени как формами существования материи.

Принимая в качестве априорного признака системности симметрию и априорного признака асистемности асимметрию, мы приступаем к рассмотрению симметрических и асимметрических явлений в языке в работах ряда лингвистов.

Часть 2. Симметрические и асимметрические явления в языке

Многие лингвисты, исследовавшие отдельные формы манифестации симметрии и асимметрии в языковой архитектонике, показывают, что явления асимметрии, бытующие как в плане выражения, так и в плане содержания, обуславливают компактность и экономичность языковой системы (Карцевский 1965: 85-93; Скаличка 1967: 122-151; Шендельс 1970).

В.Г. Гак [Гак 1998] выделяет три типа языковой симметрии:

1. Статическая симметрия отдельного объекта: А в отдельном языке.
2. Динамическая симметрия при развитии такого объекта: $A \rightarrow A_1$.
3. Гомологическая симметрия – в соотношении двух объектов: $A \leftrightarrow B$.

Статическая симметрия отдельного объекта, по В.Г. Гаку, означает сохранение аналогичных признаков и элементов в звеньях системы отдельного языка, регулярность их соотношений. При этом такой анализ требует исследовать не только устройство, но и функционирование языка.

Согласно В.Г. Гаку, в синхронном плане статическая асимметрия отдельного объекта проявляется в плане системы, структуры и функционирования. Понятие асимметрии тесно переплетается с понятием ядра и периферии в языке. Само разделение языковых фактов на ядерные и периферийные имеет место только при наличии асимметрии в архитектонике языка.

Гомологическая асимметрия сопоставляемых объектов дает о себе знать при сравнении языков. В.Г. Гак отмечает, что сравнение одного языка с другим можно сопоставить с отображением геометрических фигур. В тех случаях, когда пропорции сохраняются, говорят о гомоморфизме. Сравнивая языки, можно устанавливать большую или меньшую степень гомоморфизма, то есть симметрию соотношений.

Симметрия на синтагматическом уровне нарушается, если простому слову одного языка соответствует аффиксальное или сложное с тем же корнем в другом. Значительно чаще обнаруживается парадигматическая асимметрия, когда одно и то же в этимологическом отношении слово получает различные значения в разных языках и, напротив, одно и то же значение выражается разными по происхождению словами.

В языкознании могут сравниваться: один язык в разных его синхронных срезах, язык-источник и образовавшийся на его базе язык, родственные языки, неродственные языки. При этом во всех случаях сравнение может касаться структуры, системы или функционирования языка.

При сопоставлении языков в аспекте функционирования асимметрия проявляется в том, что речевые соответствия не аналогичны системным и данное положение наглядно вскрывается в процессе перевода. “Всякое отклонение от системных соответствий в переводе относится к явлениям асимметрии. Например, настоящее время существует во всех языках, но французскому настоящему времени в русских текстах нередко соответствует будущее (при выражении вневременного действия) или прошедшее (при так называемом «историческом настоящем»)» (Гак 1998: 112).

Динамическая симметрия выражается в сохранении форм и отношений в процессе эволюции языка, в сохранении пропорциональности значений и форм при словообразовании и в других случаях образования одной формы языка от другой. Асимметрия проявляется в случаях нарушении данных соответствий. Асимметрия может иметь место как в процессе перехода от латыни к современным романским языкам, от одного романского или нероманского языка к другому романскому (проблема языковых контактов), так и в процессе анализа различных областей внутриязыковой динамики (сюда примыкают такие явления, как образование фразеологизмов, грамматикализация, лексикализация, формирование переносных значений слов и грамматических форм и другие языковые явления).

Динамическая симметрия проявляется в процессе развития отдельных явлений языка и ориентирована на временную координату.

Эволюция языка движется не только в сторону установления симметрии, но и в направлении асимметрии. Так, например, в языке наблюдается постоянная дифференциация значений слов и форм, снятие омонимии, редукция многозначности и другие подобные явления, создающие симметрию. Однако наряду с этим зафиксировано широкое варьирование средств выражения, появление новых омонимов, аналитических конструкций и способов выражения и другие факты асимметрии языковой системы.

Статическая симметрия имеет место в любом явлении любого уровня данного языка, рассматриваемого в синхронном плане. На ее основе складываются два следующих типа.

Гомологическая симметрия (симметрия переноса) касается явлений двух языков при их контрастивном изучении или при переводе с одного языка на другой. Данный тип симметрии дает о себе знать при сопоставлении двух временных срезов одного и того же языка, при сопоставлении различных территориальных или функциональных разновидностей языка. Такая симметрия ориентирована на пространственную координату даже при изучении разных временных срезов одного языка, так как они берутся в этом случае как два синхронно соположенных языковых состояния.

Частичная симметрия/асимметрия имеет место, когда в языке наблюдаются участки, в которых один из сравниваемых элементов симметричен одной своей частью другому элементу, а другой частью – третьему. Получается, что взятые отдельно два элемента могут быть одновременно и симметричны и асимметричны. Это характерно для случая тройственной симметрии / асимметрии.

Существуют случаи, когда частичная симметрия может быть неполной, если «симметрический треугольник» не замыкается и два элемента из трех не связываются исключительным («эксклюзивным») признаком. При этом элементы множества из трех единиц дифференцируются не по трем, а по двум признакам.

В структуре языка встречается немало категорий, связанных между собой подобными отношениями частичной симметрии – полной и неполной.

Асимметрия – это вечное и универсальное явление. К ней нужно относиться не как к «болезни» языка, к недостатку языка как орудия общения, а как к важнейшему компоненту языковой системы, resp. связанному с самим устройством и функционированием языка. Поэтому особое внимание следует обратить на симметрию в самой асимметрии. По В.Г. Гаку, главная причина возникновения асимметрии заключается в том, что люди оперируют понятиями с расплывчатыми границами, хотя и с четким ядром. Можно выразить в словесной форме любой объект, даже такой, для которого в языке нет особого наименования. Однако эта важнейшая задача коммуникации реализуется ценой нечеткости границ значения языковых элементов, т. е. слов, грамматических форм (Гак 1998: 123-124).

«Неизбывность» асимметрии, представляющая собой движущую силу развития языка, базируется прежде всего на особенности мышления и психологии самого именуемого – человека. В связи с этим Вяч. Вс. Иванов считает, что склонность человека к асимметрии объясняется асимметричностью полушарий головного мозга.

Симметрия и асимметрия в языке бытуют в состоянии неустойчивого равновесия. Наблюдается постоянное движение от одного явления к другому и обратно. Симметрия создает удобство своим единообразием. Этому благоприятствует выравнивание по аналогии, которое приводит к устранению асимметричных форм. Как правило, симметричные формы более мотивированны, они легче воспринимаются и употребляются и вытесняют немотивированные асимметричные формы, которые носят не классифицирующий, а индивидуализирующий характер. Несмотря на это, однако, симметрия может уступать место асимметрии.

В каждом живом языке существуют определенные средства для компенсации отсутствующих симметричных форм. Например, отсутствующее деепричастие от глагола *писать* может быть компенсировано предложным оборотом *во время письма* или деепричастием от синонимического или смежного по значению глагола: *сочиняя письмо, составляя документ* вместо **пиша письмо, документ* (Гак 1998: 125). Именно

в тенденции к устранению асимметричности, по-нашему мнению, проявляется стремление к сохранению симметричности, resp. системности языка.

Асимметрические и симметрические явления существуют на различных уровнях: на фонологическом (Стеблин-Каменский 1964; Malone 1962 и др.), на синтаксическом уровне (Летка 1966; Шапкин 1969 и др.).

На морфологическом уровне вопрос о симметрии и асимметрии в языковой структуре / системе рассматривается в основном при построении грамматического строя языка по принципу бинарных оппозиций как отклонения от них (Бархударов 1966: 97-98; Докулил 1958; Хлебникова 1969 и др.).

В этой связи Н.В. Бгашев (Бгашев 1990: 23) отмечает, что исследователи, изучающие проявления симметрии и асимметрии языковой структуры на морфологическом уровне, нередко возводят в абсолют симметрию и полностью забывают о ее полярной противоположности – асимметрии. Но они рассматривают асимметрию лишь как явление, возникающее в структуре языка под воздействием внелингвистических субстанций (ср.: Плоткин 1966).

Симметрия на морфологическом уровне рассматривается как “определенная регулярность строения системы языка, повторяемость общих принципов этого строения в его отдельных частях и подсистемах” (Бгашев 1990: 23; см. также: Бархударов 1966: 97).

Асимметрия представляет собой “нарушение уравновешенности языковой системы, обусловленное изменением и развитием языка и вызывающее в свою очередь перестройку всей системы” (Бгашев 1990: 23).

Асимметрические (resp. асистемные) явления реализуются в кругу конструктивных характеристик языка и в области семантики, т. е. не только в плане выражения, но и в плане содержания. План выражения описан достаточно детально по сравнению с планом содержания.

В.Н. Бгашев указывает на то, что не существует и не может существовать “чистых” симметрий и асимметрий в структуре языка (Бгашев 1990: 23). В связи с этим можно вспомнить мысль В.С. Готта, что во всех реальных явлениях симметрия и асимметрия сочетаются друг с другом. Во всех правильных, т. е. соответствующих действительности, научных обобщениях имеют место не просто те или иные симметрии и асимметрии, а определенные формы их единства.

Симметричная языковая структура впитывает в себя те или иные черты асимметрии. Этим можно объяснить динамическую устойчивость языковой системы.

Асимметрия структуры наступает при появлении элементов нового качества и исчезновении элементов старого качества. При их столкновении и взаимодействии нарушается симметричность системы и одновременно с этим повышается ее асимметричность. Борьба симметрии и асимметрии приводит к изменениям в структуре системы и к ее перестройке, что благоприятствует зарождению новых асистемных и даже антисистемных явлений.

Таким образом, и в языке, как и в других областях природы и общества понятие асимметрии системы совпадает с понятием наличия в системе асистемных явлений.

Ф.И. Маулер в статье “Виды асимметрий между сторонами языкового знака” отмечает, что “употребление прилагательного “асимметрический” вроде бы имплицитно подразумевает мысль о том, что часть знаков отмечена симметрией, гармонией, тогда как другая часть “дефектна”, лишена симметрии, упорядоченности” (Маулер 1987: 13).

Он полагает, что термин “асимметрический дуализм” является не вполне удачным в силу своих импликаций. По Ф.И. Маулеру, между сторонами знака, между

означающим и означаемым даже в самом идеальном случае нет никакой симметрии (= соразмерности). Языковой знак является конвенциональным, произвольным объединением, единством материальной единицы (звучания) и единицы мыслительной деятельности (понятия, суждения). Принципы структурирования этих двух сторон знака имеют между собой мало общего. Если и можно говорить здесь о симметрии, то она совершенно особого рода, она напоминает известный баланс, устойчивость связи между сторонами знака. Такая связь не только произвольна, но и обладает относительной устойчивостью. Ф.И. Маулер выделяет качественную и количественную асимметрию. Под качественной асимметрией он понимает “все те несоответствия, которые наблюдаются между сторонами языкового знака, несмотря на их нерасторжимое единство:

1) Линейность плана выражения не находит соответствия в плане содержания, носящего глобальный характер.

2) Расхождение между ранговыми номерами единиц содержания и единиц формы [...].

3) Весь комплекс частных противоречий между формой и содержанием языковых единиц...“ (Маулер 1987: 14).

Несоответствия и противоречия между сторонами языкового знака в своей совокупности составляют к а ч е с т в е н н у ю асимметрию. Данный тип асимметрии, по Ф.И. Маулеру, детерминирован самой природой языка, он обязателен.

Другой комплекс явлений составляет к о л и ч е с т в е н н у ю асимметрию. Она становится возможной лишь благодаря качественной. Количественная асимметрия, как правило, детерминирована внешними по отношению к языку факторами и факультативна. Этот тип асимметрии распадается на два феномена, обратных по отношению друг к другу и известных как м н о г о з н а ч н о с т ь и с и н о н и м и я .

Г.Д. Лочмеле, Н.И. Тонкова рассматривают асимметрию языка как “отсутствие в языке соответствия между планом содержания и планом выражения” (Лочмеле, Тонкова 1992: 99).

Ю.Н. Люткина трактует асимметрию как несоответствие, рассогласование обозначаемого и обозначающего. Она рассматривает два вида асимметрии: асимметрию поля в целом, проявляющуюся в наличии элементов промежуточного, переходного характера, и межуровневую асимметрию, выражающуюся в несоответствии формального (лексико-грамматического) и содержательного (семантико-прагматического) уровней конкретных лексических и синтаксических единиц. Они различаются по форме реализации, но имеют общую основу – несоответствие плана выражения и плана содержания языковых явлений, что объединяет их в понятии неконгруэнтности (Люткина 1992: 104).

Неконгруэнтность представлена такими языковыми единицами, «которые по своим свойствам или отклоняются от канонической стереотипной формы, или выпадают из определенного класса единиц: характеризуются смысловой неоднозначностью (неопределенностью) или обладают асимметричной организацией содержательной и формальной сторон» (Варшавская 1988: 180).

Обычно подчеркивается, что в диалектическом единстве симметрии и асимметрии ведущее место принадлежит симметрии в силу того, что при любом изменении системы языка в ее структуре неизменным, константным остается определенный набор элементов, что благоприятствует преемственности в развитии языковой системы. С другой стороны, динамичность и изменчивость структуры языка является маркером внутренней противоречивости структуры и указывает на ее асимметрию.

Итак, общефилософские категории симметрии и асимметрии представляют собой диалектическое единство, в силу чего в науке о языке они изучаются в их единстве и взаимозависимости. Такой подход к рассмотрению этих двух явлений языковой архитектоники способствует более глубокому познанию структуры языка, дает возможность объяснить динамическую стабильность данной структуры и ее готовность к изменениям.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов 1966: Бархударов Л.С. К вопросу о бинарности оппозиций и симметрии грамматических систем. // Вопросы языкознания, 1966, № 4.
2. Бгашев 1990: Бгашев В.Н. Симметрия и асимметрия языковой системы. // Совершенствование обучения в условиях перестройки высшей школы (Материалы семинар-совещания по иностранным языкам вузов Средней Азии и Казахстана). Душанбе, 1990.
3. Бианки 1985: Бианки В.Л. Асимметрия мозга животных. Л., 1985.
4. Брагина, Доброхотова 1988: Брагина Н.Н, Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. М., 1988.
5. Варшавская 1988: Варшавская А.И. Неконгруэнтность в языке. // Спорные вопросы английской грамматики. Л., 1988.
6. Гак 1998: Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
7. Готт 1965: Готт В.С. Симметрия и асимметрия. Стенограмма публ. лекции, прочитанной в Центр. лектории общества «Знание». М., 1965.
8. Готт 1988: Готт В.С. Философские вопросы современной физики. М., 1988.
9. Готт, Депенчук 1962: Готт В.С., Депенчук Н.П. Симметрия и асимметрия на грани перехода от неживого к живому. // Философские вопросы современной биологии. Киев, 1962.
10. Готт, Перетурич 1967: Готт В.С., Перетурич А.Ф. Симметрия и асимметрия как категории познания. // Симметрия, инвариантность, структура (Философские очерки). М., 1967.
11. Докулил 1958: Докулил. К вопросу о морфологических противопоставлениях. // Slovo v slovest, 19, Praha, 1958.
12. Иванов 1978: Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
13. Карпов 2003: Карпов В.А. Язык как система. Изд. 2-е, испр. М., 2003.
14. Карцевский 1965: Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Сост. В.А. Звегинцев. Ч.2. М., 1965.
15. Летка 1966: Летка О. Место трансформационных отношений в языковой структуре. // Ceskoslovenska rusistika, R. XI, 2, 1966.
16. Лочмеле, Тонкова 1992: Лочмеле Г.Д., Тонкова Н.И. Компрессия информации в рекламном заголовке и асимметрия знака. Асимметрические связи в языке. Владикавказ, 1992.
17. Люткина 1992: Люткина Ю.Н. Формально–содержательная асимметрия некоторых типов отрицательных предложений. // Асимметрические связи в языке. Владикавказ, 1992.
18. Маулер 1987: Маулер Ф.И. Виды асимметрий между сторонами языкового знака. // Асимметрические связи в языке. Орджоникидзе, 1987.

19. Плоткин 1966: Плоткин В.Я. О принципе бинарности в строении видо-временной системы. // Филологические науки, 1966, № 2.
20. Скаличка 1967: Скаличка В. Асимметрический дуализм языковых единиц. // Пражский лингвистический кружок. Сб. статей. Отв. ред. Н.А. Кондрашов. М., 1967.
21. Стеблин-Каменский 1964: Стеблин-Каменский М.И. О симметрии в фонологических решениях и их неединственности. // Вопросы языкознания, 1964, № 2.
22. Урманцев 1964: Урманцев Ю.А. О философском и естественнонаучном значении некоторых проявлений правизны и левизны в живой природе. // О сущности жизни. М., 1964.
23. Урманцев 1974: Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии (философский и естественнонаучный аспекты). М., 1974.
24. Урманцев 1978: Урманцев Ю.А. Начала общей теории систем. // Системный анализ и научное знание. М., 1978.
25. Урманцев 1986: Урманцев Ю.А. Симметрия системы и система симметрии. М., 1986.
26. Урманцев 1988: Урманцев Ю.А. Общая теория систем: состояние, приложение и перспективы развития. // Система. Симметрия. Гармония. М., 1988.
27. Урманцев 1988: Урманцев Ю.А. Симметрия и асимметрия как категории ОТС: их природа и соотношение. // Система. Симметрия. Гармония. М., 1988.
28. Хлебникова 1969: Хлебникова И.Б. Оппозиция в морфологии. М., 1969.
29. Шапкин 1967: Шапкин А.П. Об одной категории формально-содержательной асимметрии в языке. // Исследования по синтаксису современного английского языка. Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина, № 285, М., 1967.
30. Шапкин 1969: Шапкин А.П. К вопросу о взаимодействии классов слов в английском языке. // Вопросы грамматики английского языка. Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина, № 367, М., 1969.
31. Шендельс 1970: Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970.
32. Шубников 1946: Шубников А.В. Диссимметрия. // Вопросы минералогии, геохимии и петрографии. М., 1946.
33. Malone 1962: Malone K. On Symmetry in Phonetic Analysis. // Language. Vol. XXXVIII, № 2, 1962.

Радостина Стоянова

М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ, Ю.Н. КАРАУЛОВ, В.М. ШАКЛЕИН. НЕ ГОВОРИ ШЕРШАВЫМ ЯЗЫКОМ (о нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ). М., 2000, 270 с.

Забота о правильности и чистоте речи – профессиональный и гражданский долг лингвистов и учителей-словесников. Книга, о которой пойдет речь, написана тремя филологами-русистами, профессорами Российского университета дружбы народов.

В наше время русский литературный язык, как отмечают авторы, испытывает серьезное давление ненормативной речевой стихии. Наблюдается мощный напор жаргонной речи, грубопросторечной, инвективной лексики и фразеологии. С другой стороны, отмечается наплыв иноязычной лексики (чаще английской), немотивированное и неумеренное использование такого рода слов главным образом из сферы финансов, торговли, шоу-бизнеса, спорта, политики, а больше всего в текстах СМИ и рекламы.

Что объединяет нацию и является важнейшей частью русской национальной культуры? Это – русский язык, русская речь. В обществе действуют определенные языковые нормы. Норма – понятие всегда обязывающее. Нарушение ее как будто остается безнаказанным. Но это не так. Слова, которые мы произносим, не просто улетают к адресату и воздействуют не только на слушателя. Они оставляют след в нас, накладывают отпечаток на поведение говорящего. Из сказанного становится ясным, чему надо учить – это и является целью данного исследования. А учить надо, во-первых, фактическому знанию культурно-речевых норм, так как только их утверждение и распространение в обществе способствует адекватному развитию языка. Во-вторых, надо учить каждого человека активной позиции в своем языковом воспитании. Необходимо содействовать выработке контроля и оценки собственной речи. Намеченная, таким образом, цель достигается авторским коллективом посредством решения следующих задач:

1) проводя систематические наблюдения над языковой жизнью современного общества, стремиться выявить тенденции в использовании языковых средств, в их функционировании в повседневной речевой коммуникации, в различных ее сферах (в речевом обиходе тех или иных социальных групп, слоев), функционально-стилистических, жанрово-тематических;

2) выяснить проявления, действие эволюционных процессов, присущих языку вообще и конкретному, русскому языку, в частности на протяжении ряда эпох или в предшествующий период.

Константин Паустовский, русский писатель, истинный ценитель русского языка и его ревностный защитник, в статье “Поэзия прозы” писал: ”По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности. Истинная любовь к своей стране немыслима без любви к своему языку. Человек, равнодушный к родному языку, – дикарь”. Такова позиция и членов Общества любителей российской словесности, основанного в 1811 году, распущенного в советскую эпоху и возрожденного небольшой группой филологов в 1992 году при поддержке академика Д.С. Лихачева. ОЛРС была проведена “санитарная” работа по контролю за состоянием культуры русской речи в СМИ. Это и послужило основным материалом для написания данной работы.

С чего все началось? ОЛРС организовало необычный конкурс под названием “Типун на язык”. Автором идеи такого эксперимента стал М.В. Горбаневский. В ходе чтения лекций М.В. Горбаневским по стилистике русского языка и культуре речи, включавших практикум со студентами 1-2 курсов по сбору и анализу нарушений действующих норм русского литературного языка, стало очевидно, что эти материалы должны получить и практическое применение.

Вот тогда-то Михаилу Викторовичу пришла в голову мысль о проведении ежемесячного иронического конкурса “Типун на язык”. “Технология” проведения конкурса проста: члены и активисты ОЛРС (в первую очередь – студенты Российского университета дружбы народов (РУДН) в течение каждого месяца фиксируют наиболее заметные или типичные нарушения норм русской речи в области орфоэпии, стилистики, морфологии, синтаксиса и т.д. При этом в записи помимо ошибки и микроконтекста указываются: автор, место его работы и должность (или профессия), точное название СМИ, растрогававшего ошибку. Например:

1. Программа “Печатный пряник” радиостанции “Эхо Москвы” (редакторы): “**в натуре**”, “**чуваки**”, “**фуфло**” – жаргонизмы (*неуместный стилистический эксперимент в рекламе для школьников*). Это было написано в рекламе “Школьного (!) экономического журнала”. 14.11.

2. **ЗАЙЦЕВ Вячеслав**, модельер: “Приехал в Париж – шел **огромный** дождь” (*ошибочный выбор слова; надо: сильный*). Радиостанция “Надежда”. 21.11.

3. **Лев РОХЛИН**, депутат Госдумы: “Чтоб меня не обвинили **матерЯ** солдат...” (*грубое нарушение литературной нормы, типичное для просторечия: литературная норма – матери*); “...И мне будет не совсем удобно вам **докладывать** всего того, что говорилось...” (*ошибочное управление*). НТВ, 4 канал, программа “Сегодня”, 4.12.

4. **Александр МАСЛЯКОВ**, ведущий программы: “Дорогие друзья, через **несколько времени** мы узнаем, кто победил...” (*ошибочная сочетаемость в результате контаминации “несколько минут/ некоторое время”; вариант: через некоторое время*). ОРТ, 1 канал, финал КВН, 6.01.

5. **Игорь ИВАНОВ**, министр иностранных дел РФ: “**Ситуация в КосовО** напряженная. Могут возникнуть различные **ситуации**” (*избыточность, стилистическая неряшливость*). Ren TV, “Новости”, 17.10. Ошибки: тавтология; форма **в КосовО** является распространенной ошибкой, литературная норма – **в КосовЕ**.

В конце каждого месяца тому или иному человеку присваивалось звание лауреата конкурса “Типун на язык”. Например, в феврале 1999 г. были отмечены:

– корреспондент НТВ Екатерина Придорогина – за грубое нарушение норм русской орфоэпии;

– телеведущий РТР Валерий Комиссаров – за систематические нарушения норм русской литературной речи и стилистическую неряшливость;

– деятель отечественной культуры Юлий Гусман и редакция газеты “Московский комсомолец”, опубликовавшая интервью с ним, – за использование в газетном интервью нецензурной лексики, оскорбляющей русский язык.

Авторы книги не хотели и не хотят никого персонально оскорбить или унижить. Почти всегда нарушения норм литературной речи, допущенные журналистом, политиком, бизнесменом в СМИ, суть его беда, а не вина.

Главный результат этого эксперимента состоит в следующем: конкурс стал необычной формой просветительской деятельности ОЛРС и Союза журналистов РФ, формой той “широкой научной пропаганды принципов разумной нормализации литературной речи”, о которой писал в 1955 г. С.И. Ожегов.

М.В. Горбаневскому пришлось преодолевать непонимание некоторых своих коллег, опасавшихся вступить даже в минимальный конфликт с представителями

власти, и несогласие других коллег, которые считают, что ученые должны носить лишь белые одежды и заниматься наукой в башне из слоновой кости. Проявилось также и скрытое раздражение некоторых весьма заметных представителей российского политического истеблишмента и работников СМИ, чьи явные грамматические, орфоэпические ошибки были выявлены в ходе наблюдений. Дело доходило даже до телефонных звонков университетскому начальству с требованиями обуздать строптивых профессоров-филологов РУДН, запретить студентам собирать материал. Но на подобные деяния выработался стойкий иммунитет: ”Не верь, не бойся, не проси!”

Книга состоит из двух частей. В первой части собраны и проанализированы десятки конкретных примеров нарушений норм русского литературного языка, допущенных журналистами, комментаторами, обозревателями, теле- и радиоведущими, ибо их ответственность особенно высока. Затем даны ошибки, допущенные в публичной речи известными российскими политиками, чиновниками, депутатами, военными, учеными и т.д. Вторая часть – небольшая хрестоматия по культуре речи в СМИ.

Результаты проведенного исследования имеют теоретическое и практическое значение. Данное исследование позволяет заострить внимание на наиболее грубых ошибках и нарушениях литературной нормы.

Что такое ошибка? По мнению авторов, ошибка – это отклонение от общепринятых правил употребления слов, словосочетаний, предложений. Например, в системной цепочке форм **мешать – помешать, писать – написать** кодифицированные нормы литературной речи запрещают пару “**ложить – положить**”; и хотя убедительное объяснение этому запрету дать трудно, это нарушение считается грубой ошибкой (ср. “*те продукты, которые ложат на стол...*”). Согласно действующей норме, глагольная основа – **ложить** – употребляется с многими приставками в русском языке (*воз-, вы-, до-, за-, из-, на-, об-, по-, под-, раз-, у-, с-* и др.), но не может употребляться самостоятельно: такова культурно-речевая традиция.

Другой пример условности некоторых нормативных правил: до недавнего времени правильным считалось только сочетание “*с Украины*” в ряду таких противопоставлений, как *с Урала, Оби, Дальнего Востока, но из Молдавии, Белоруссии, Якутии*. Тем не менее, по соображениям национального престижа, дескать “*с Украины, значит с окраины*” (хотя исторически это именно так), украинскими политиками эта форма была осуждена как неправильная и отвергнута, и теперь в СМИ мы читаем и слышим чаще всего “*из Украины*”. Аналогичного, т.е. национально-политического, происхождения эстонская норма *Таллинн*, к счастью, не прижившаяся в русском как противоречащая правилам его правописания и приношения.

Как указывают авторы, степень “лингвистической грубости” отклонения от нормы бывает различной. Так, от обычной оговорки (опечатки), вызванной объективной причиной – сбоем в работе речепорождающего механизма, – не застрахован даже носитель элитарной речевой культуры. Поэтому простительными следует считать ошибки типа “*на чем жиждется мафия*” или “*на открытии памятнику Высоцкому*” – это примеры регрессивной ассимиляции – фонетической и морфологической. С подобной оговоркой, но уже лексического плана, можно встретиться во фразе “*представительница флоры (вм. фауны) делает свой выбор самостоятельно*”. Эти бессознательные случаи нарушений правильности всегда замечаются слушателями, но не разрушают восприятия речи. Грубые же ошибки могут исказить смысл сообщаемого, но, что еще важнее, они подрывают доверие к личности говорящего и его авторитет.

В число ошибок, собранных авторским коллективом, попали и спорные явления, связанные с вариативностью нормы. Например, допустимыми считаются колебания в ударении: *пРАвы* (преобладающий вариант) и *пРАВЫ* (В. Познер), *мелкоОптовый* и *мелкоОптовЫй*, слово “добыча” с ударением на первом слоге является профессионализмом и часто встречается в речи специалистов в области добывающей промышленности; в цитате “*вОлос на голове встает...*” (В. Черномырдин) первое слово употреблено в собирательном значении, что делает высказывание допустимым. Именно такие “ошибки” авторы книги готовы воспринимать с улыбкой понимания. К сожалению, процент подобных ошибок невелик. Подавляющее же их число представляет собой грубые нарушения правил.

Типология ошибок

Как отмечают авторы, если сгруппировать высказывания по лингвистическим основаниям, сведя в единый блок однотипные ошибки, можно получить два десятка их разновидностей, среди которых преобладающими оказываются стилистические, грамматические (управление, согласование, неправильное формообразование), лексические и акцентологические (ударения). Единичными факторами представлены нарушения, связанные с грамматическим родом аббревиатур (*одно ЦК* вм. *один ЦК*, *НАТО – оно* вм. *она* и т.д.; с пропуском слова во фразе (*внести Черномырдина* вм. *внести кандидатуру Черномырдина*).

Лексические ошибки. Это недопустимость употребления следующих слов:

- бесприставочной формы “*ложить*”;
- глагола “*одеть*” (НА СЕБЯ) вм. “*надеть*”. Например: *Надо одевать другую обувь*; *Могу джинсы одеть* (В. Третьяк); *Ничего не могу одеть* (А. Пугачева) и т.п.;
- *предпринять меры* вм. *принять меры*, но: *предпринять шаги* или *действия*.

Фонетические ошибки. Неправильное произношение слов:

- “*инцидент*” и “*компроментировать*” с лишним звуком “н”.

Ошибки в сфере грамматики:

- в падежном управлении: *согласно законов* (вм. *согласно законам*); *оплачивать за услуги* (Ю. Лужков) вм. *оплачивать услуги* или *платить за услуги*;
- в образовании словоформ: *рекламой чулков* вм. *чулок* (но: *носков*); *сколько время вы отводите* (вм. *сколько времени*);
- в согласовании: *обоих кафедр*, *обоих сторон* вм. *обеих*.

Ошибки в области синтаксиса. Недопустимыми следует считать такие выражения: *обсуждали о том, что*; *утверждают о том, что*; *в тот период времени, о котором вы указываете* (В. Путин); *означает о том, что* (М. Задорнов); *не верите о том, что...*

Ошибки в ударении встречаются особенно часто. Они весьма разнообразны. Некоторые из них обнаруживаются в небольшой группе слов, но повторяются постоянно, и с ними специалисты по культуре речи борются десятилетиями. Например: *дОговор*, *квАртал*, *средствА*, *прИнять*, *Инсульт*, *вклЮчим*, *по долгОвым* и т.д. – их надо просто заучить тем, кто грешит этими ошибками, добавив в этот список группу причастий с ударением на корне **-нес-** и **-вед-**, тогда как нормативное их звучание требует постановки ударения на суффиксе (*проведенный*, *нанесенный*) или на окончании (*приведены*, *возведено*, *внесена*). Слово “*начАть*” имеет сложную парадигму с подвижным ударением в разных его формах. И хотя неправильная его форма “*нАчать*” породила множество анекдотов, ошибка, изгнанная в дверь, влетает в окна других его словоформ: *пожар начАлся* (вм. *нАчался* или *началсЯ*).

Подводя итог рассмотрению языковых ошибок разного типа, авторы книги приходят к следующему выводу: они признают неизбежность ошибки, особенно ошибки “речевой”, неосознаваемой, появляющейся в спонтанной речи. Сознательным

нарушением этических и эстетических канонов являются инвективы и нарочитая грубость выражений в публичной речи. Это уродливое порождение примитивно понятой “демократизации” литературного языка, как будто “крепкое словцо” более понятно “простому народу”, чем убедительная аргументация, изложенная хорошим русским языком.

Вторая часть книги содержит материалы для изучения и обсуждения. Здесь на суд читателей представлены статьи известных ученых-филологов. Заглавие статьи профессора Е.Н. Ширяева “**Что такое культура речи**” говорит само за себя. Сознательная кодификация языка, то есть определение и узаконение его норм, – прямая задача культуры речи. Культура речи начинается там, где язык как бы предлагает выбор для кодификации, и выбор этот далеко не однозначен. Часто можно услышать *килОметр*, но норма – только *киломЕтр*, не менее часто звучит *дОговор*, но норма – *договОр*, хотя сейчас уже категорически не запрещается и *дОговор*, тогда как 30 лет назад это ударение запрещалось.

О норме литературного языка пишет и профессор Ю.А. Бельчиков в своей книге “Стилистика и культура речи”, часть из которой представлена в работе М.В. Горбаневского.

Публицист Н. Зимянина в статье “**Покажите ваш язык**” уделяет внимание словам-паразитам: *как бы, на самом деле, довольно, достаточно, похоже, безусловно, однозначно* и т.п. Сочетание “*конечно наверно*” смешно (слова-то взаимоисключающие!): “*Ну конечно наверно, я предвкушала, что ждет меня во время эфира*” (Арина Шарапова). Авторам данной работы так и хочется завопить: “Девушка, так “конечно” или “наверно”, в конце-то концов?!”

Особо следует остановиться на статье “**А Бородин отдувайся?**”, поскольку часто допускаются ошибки такого типа: “*ГДЕ? В ПЕРЕДЕЛКИНО*” – даже и глаз уже не режет. Правильно-то – *в ПеределкинЕ, в БородинЕ, в ИвановЕ*. Вот и в устных СМИ склонять эти имена собственные уже перестали – и это, что подделаешь, становится нормой.

Так что если бы не строчка “*Не даром помнит вся Россия про день Бородина*” – давно бы уже говорили “*про день Бородино*”. Ну а где употреблять “*под Бородино*”, а где “*под Бородиным*”, путаются и сами школьные учителя, порождая шутки в адрес ни в чем не повинного композитора.

Публицист С. Диденко в книге представляет статью “**Это злосчастное множественное число**”... “*Мирные инициативы*”, “*...используется в больших количествах*”, “*открываются широкие перспективы...*”, “*необходимо учитывать реальности*”, “*на границе между Северной и Южной Кореей...*” И все это россияне слышат от профессионалов-дикторов радио и телевидения. Об этих и других курьезах можно прочитать в вышеуказанной статье.

“С употреблением иностранных слов в России за последние 300 лет не все было так просто”, – пишет в статье “**Большое гран мерси**” публицист С. Яни. Автор статьи вспоминает: “В студенческие годы мои друзья из 1-го Московского мединститута придумали безобидное, но веселое развлечение. Они заходили в магазины, как правило, промтоварные, и с озабоченным видом спрашивали продавца: “Скажите, пожалуйста, анус сфинктер у вас есть?” (ANUS SPHINKTER – это мышца, замыкающая анальное отверстие). Ответы на вопрос следовали самые разнообразные: от меланхолического “нету”, до обнадеживающего “зайдите завтра, должны привезти” и даже “сейчас узнаю на складе, вроде бы были”.

Диалоги эти показывают, что люди не любят признаваться в том, что им неизвестен смысл новых, впервые услышанных ими слов.

Еще одна статья заслуживает внимания – **“Правда мата: существует ли она?”**. Ее автор – Г. Михайлов, преподаватель и переводчик, ставит перед читателями один из насущных сегодня вопросов: как модернизировать культуру, не разрушив ее традиционных ценностей? Сегодня можно писать что угодно, бумага все стерпит. Грубо непристойные слова, нецензурная брань получили ученое название “ненормативная лексика”. Растет недоверие к литературной речи, появляется иллюзия, что только матом можно сказать правду.

В начале 90-х годов один из номеров журнала “Литературное обозрение” был целиком посвящен выискиванию эротических опусов и непристойностей у русских писателей. Впервые были опубликованы похабные стихи Баркова, “разоблачены” интимные письма Чехова.

Наряду с массовым “распечатыванием” устнотрадиционных матерных выражений идет нормативное закрепление в русском языке блатного жаргона. Издан 50-тысячным тиражом “Словарь жаргона преступников (блатная музыка)”. В таком же количестве издан “Словарь тюремно-лагерно блатного жаргона” с указанием редакции: “Для широкого круга читателей”. Наконец, совсем недавно издан двухтомный “Словарь блатного воровского жаргона”. Зато приостановлен на неопределенный срок выпуск академического “Словаря современного русского языка”.

В одной упряжке с алчными издателями идут писатели “новой волны”. Виктор Ерофеев, типичный представитель “новой русской литературы”, заявляет, что “новая русская литература засомневалась во всем без исключения: в любви, детях, вере, Церкви, культуре, красоте, материнстве... Развивается эстетика эпатажа и шока. Растет интерес к “грязному” слову, мату как “детонатору текста”. В русскую литературу вписана яркая страница зла”. Что же дальше? Ответ на этот вопрос можно найти в статье, о которой идет речь.

С проблемой “непечатных слов” сталкиваются переводчики на русский язык. С точки зрения Г. Михайлова как переводчика, образцом в этом отношении может служить перевод романа Генри Миллера “Тропик Рака”. Переводчик Г. Егоров, хорошо знакомый с западной культурой, верно ощущал и особенности русской культурной традиции (он русский эмигрант): не прибегая к прямому переводу непристойных слов, он передает их намекающими буквами с отточиями, сохранив шокирующий эффект романа блистательным переводом.

На основании проделанного обзора книги “Не говори шершавым языком” хочется верить, что она послужит путеводителем для тех, кто позабыл некоторые правила русской орфоэпии, грамматики и культуры речи. Авторы надеются, что этот труд будет полезен не только студентам отделений журналистики российских вузов, филологам, работникам печати, радио и телевидения, но и всем тем читателям, которые заботятся о высоком уровне речевой культуры и о правильности речи, поскольку русский язык, русская речь объединяет нацию и является важнейшей частью русской национальной культуры.

Марина Шуманова

Профессору Пенке Филковой 75 лет

Болгарская русистика отмечает 75-летие доктора филологических наук, профессора Пенки Филковой – видного исследователя в области русистики, болгаристики, общего языкознания, лингвокультурологии, прекрасного вузовского преподавателя.

Пенка Филкова родилась 20.XII.1929 г. в городе Казанлык. Окончив с отличием среднюю школу в родном городе, она поступила на факультет славянской филологии Софийского университета. Уже будучи студенткой, Пенка Филкова проявляет интерес к научной работе. Поэтому сразу же по окончании университета она поступает в аспирантуру, где под руководством проф. Н.М. Дылевского занимается углубленным изучением истории русского языка, в частности, русской лексики в диахронном аспекте. В 1957 г. П. Филкова защищает кандидатскую диссертацию на тему: *“Неполногласная лексика в русском литературном языке”*, а в 1988 г. – докторскую диссертацию на тему: *“Староболгарские и церковнославянские лексические элементы в русском литературном языке”*.

С 1954 по 1962 г. П. Филкова работает преподавателем русского языка в Академии общественных наук и социального управления. В 1961 г. она проходит по конкурсу на работу в Софийском университете. Сначала П. Филкова – ассистент по исторической грамматике русского языка, потом старший преподаватель, с 1972 г. – доцент по истории русского литературного языка, а с 1988 г. – профессор.

В 1973 и 1974 гг. она лектор по болгарскому и русскому языку в г. Манхайм (Германия).

П. Филкова читала курс истории русского литературного языка в университетах в г. Пловдиве и г. Шумене. В Софийском университете она читала спецкурсы и вела спецсеминары для дипломников (*Староболгарское наследство в русской литературной лексике; Теоретические проблемы языковой культуры; Языковая ситуация в Московской Руси* и др.).

С 1991 по 1995 г. проф. Филкова заведует Первой кафедрой русского языка в Софийском университете.

После выхода на пенсию (в 1996 г.) П. Филкова продолжает активную преподавательскую и научную деятельность. В последние годы она разработала целый ряд спецкурсов, которые читает в университетах Софии и Пловдива. Среди этих курсов *Русский язык в начале XXI в., Церковнославянский язык, Языковые контакты, Русская фразеология и афористика – историко-этимологический аспект, Лингвокультурология, Сопоставительная лингвокультурология*. Она активно участвует в научной жизни у нас и за границей с докладами на международных съездах и симпозиумах, пишет рецензии. П. Филкова – научный руководитель ряда аспирантов и дипломников.

П. Филкова является автором около 150 публикаций, которые внесли весомый вклад в болгарскую русистику и староболгаристику. Ниже приводится библиография ее трудов, опубликованных после 1988 г. (библиография трудов П. Филковой до 1988 г. опубликована в журнале *Съпоставително езикознание*, № 4, 1989 г.).

П. Филкова – автор первых болгарских учебников истории русского литературного языка: *История русского литературного языка (донациоанльный период. XI - XVII вв); История русского литературного языка (национальный период. XVIII – XX вв)*.

На основании исследования, защищенного в качестве докторской диссертации, она создает уникальный по своему характеру двуязычный, диахронический словарь в трех томах *Староболгаризмы и церковнославянизмы в лексике русского литературного языка* (С., 1987).

Один из фундаментальных трудов П. Филковой в области истории русского языка и староболгаристики – *Староболгарские традиции в истории русского литературного языка* (С., 1991). Монография посвящена международной функции древнеболгарского литературного языка. Специальному анализу подвергнуты вопросы его эволюции на древнерусской и русской языковой территории, его роли в литературно-языковых процессах в Киевской и Московской Руси и в пополнении лексических, фразеологических и стилистических ресурсов русского литературного языка на разных этапах его развития.

Ценным учебником является *История русского литературного языка (середина XVIII – конец XX века)* (С., 1999). Данный современный учебник П. Филковой и А. Градинаровой предназначен для студентов отделений русской филологии. Особый интерес вызывает представленный в учебнике материал об изменениях в функциональном статусе русского литературного языка конца XX столетия.

В последние годы объектом научного исследования П. Филковой стала новая филологическая дисциплина – лингвокультурология. Ее пленарный доклад *Диахронические аспекты лингвокультурологии*, с которым она выступила на Восьмом международном симпозиуме МАПРЯЛ (г. Велико-Тырново, 4 – 7 апреля 2002 года), вызвал большой интерес и получил высокую оценку аудитории. Ясный и точный язык проф. Пенки Филковой, одновременно иллюстрирующий глубину, всесторонность и оригинальность мысли, всегда вдохновлял и продолжает вдохновлять ее учеников и последователей.

Своей высокой нравственностью, добротой, отзывчивостью, скромностью, постоянством в работе проф. Пенка Филкова служит образцом этичности, стойкости и трудолюбия для болгарских русистов. В знак особого уважения к проф. Филковой ее коллеги, ученики и последователи подготовили специальный научный сборник в ее честь *Сборник “Динамика языковых процессов: история и современность”*, приуроченный к 75-летию юбилею проф. Филковой, вышел в издательстве “Херон Прес”.

Желаем нашей любимой Учительнице, Пенке Филковой, крепкого здоровья, личного счастья и больших творческих успехов!

С днем рождения!

Список трудов Пенки Филковой, опубликованных после 1989 года

1989

Семантические изменения староболгаризмов и церковнославянизмов в лексике русского литературного языка. // *Годишник на Софийския университет “Св. Климент Охридски”*. Факултет по Славянски филологии, т. 80-81. С., 1989.

А. Соболевски. // *Съпоставително езиковедие*, № 6, 1989.

1990

О генетическом и функциональном статусе церковнославянского языка. // *Съпоставително езиковедие*, № 4-5, 1990.

Църковнославянски език. Дискусионни проблеми. // Юбилейна сесия на БФ. С., 1990.

1991

Староболгарские традиции в истории русского литературного языка. С., 1991.

Литературный язык. Закономерности его развития в донациональную и национальную эпохи. В: Хрестоматия по истории русского литературного языка. С., 1991.

Языковая ситуация в Киевской и Московской Руси. В: Хрестоматия по истории русского литературного языка. С., 1991.

И. Червенкова на 60 години. – Болгарская русистика, № 3, 1991.

1992

Староболгарское наследие в лексике русского литературного языка. – ГСУ. Факултет по славянски филологии, т. 84. С., 1992.

Църковнославянският език – език на източноправославната християнска църква в България. // Православен сборник. С., 1992.

1993

Церковнославянский язык в России (XI – XVIII вв.). // Славянска филология, т. 21. С., 1993.

Языковая редакция как следствие контактных межъязыковых связей. // Съпоставително езиковедение, № 5, 1993.

Г. Державин в истории русского литературного языка. // Болгарская русистика, № 1, 1993.

1994

Функциональный подход при изучении русского языка. // VIII Международны конгрес МАПРЯЛ. Регенсбург, 1994.

Н. М. Дылевский. 90 лет со дня рождения. // Болгарская русистика, № 1, 1994.

В.В. Виноградов. 100 лет со дня рождения. // Съпоставително езиковедение, № 6, 1994.

В.В. Виноградов и проблемы истории русского литературного языка. // ГПУ, т. 32, кн. I, 1994.

Церковнославянский литературный язык. // Вопросы современного состояния и исторического развития систем русского и болгарского языков. Шумен, 1994.

1995

За периодизацията на историята на църковнославянски език. // Материали от конференцията, посветена на Ив. Рилски. С., 1995.

1996

Църковнославянският език в България през XVIII век. // Юбилейна сесия на БФ. С., 1996.

Църковнославянски традиции в руската и българската лексика (XVIII – XX вв.). // Юбилеен сборник. С., 1996.

1997

Д.С. Лихачев о некоторых лингвистических проблемах. // Юбилеен сборник на ШУ. Шумен, 1997.

Изменения в составе безэквивалентной лексики русского и болгарского языков в последнее десятилетие. // Лингвистические и культуроведческие аспекты русского языка в сопоставлении с родным. Пловдив, 1997.

1998

Смысловые корреляции и оппозиции в общественно-политическом дискурсе. // Проблемы на социолингвистиката. Шумен, 1998.

Русский литературный язык и его пространство. // Материалы научной конференции МАПРЯЛ. В. Търново, 1998.

Изучение истории русского литературного языка на отделении русского языка и литературы СУ. // Юбилеен сборник. Белград, 1998.

1999

Старобългарското културно наследство в езика на Пушкин. // Юбилеен сборник "Пушкин в България". С., 1999.

Пушкин – основоположник на съвременния руски литературен език. // Език и литература, № 4, 1999.

Ю.И. Венелин и неговата "Грамматика на днешното българско наречие". // Съпоставително езиковедство, № 4, 1999.

История русского литературного языка (середина XVIII – конец XX века). В соавторстве с А. Градинаровой. С., 1999.

2000

Русизмы и церковнославянизмы в лексике болгарского литературного языка. // Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков. Белград, 2000.

За праславянския, прабългарския, старобългарския, църковнославянския и руския слой в "Българския етимологичен речник". // Български език, № 1, 1999/ 2000.

2001

Русский литературный язык конца XX века. // Болгарская русистика, № 1, 2001.

Проф. д-ру Ирине Червенковой 70 лет. // Болгарская русистика, № 3-4, 2001.

Задачи изучения семантических изменений в лексике русского литературного языка постсоветского периода. // "Слово". Юбилеен сборник, посветен на 70-годишнината на проф. Ирина Червенкова. С., 2001.

Изменения в функциональном статусе и структуре русского языка как языка международного общения в начале XXI века. // Лингвистическое и культурное разнообразие – фактор европейского развития. Бухарест, 2001.

2002

Диахронические аспекты лингвокультурологии. // VIII Международный симпозиум. Доклады и сообщения. Велико-Търново, 2002.

Изучение и преподавание русского языка с позиций некоторых современных направлений и концепций. // Болгарская русистика, № 2, 2002.

Заемствования из церковнославянского языка в русских народных говорах. // Русский язык. Проблемы истории, теории и методики преподавания. Шумен, 2002.

2003

Структурно-семантический тип слов с префиксом *раз-/рас-* в истории русского литературного языка. // ГСУ. Факултет по Славянски филологии, т. 90. С., 2003.

Концептосфера русского языка и анализ текста. // Русистика. Язык. Коммуникация. Культура. Шумен, 2003.

Научни традиции и нови научни направления в славянското езикознание в началото на XXI в. // Славистиката в началото на XXI век. Традиции и очаквания. С., 2003.

Профессору Блажо Блажеву 75 лет. // Болгарская русистика, № 3-4, 2003.

Николай Михайлович Дылевский (1904 – 2001). // В кн.: Н.М. Дылевский. Избранные сочинения. С., 2003.

2004

Структурно-семантический тип слов с префиксом *роз-/рос-* в истории русского литературного языка. // ГСУ. Факултет по Славянски филологии, т. 91, 2004.

Иванка Васева на 80 години. // Български език, № 4, 2003/ 2004.

Из русского языка Пушкин сделал чудо. // Сборник “Доайенът”. С., 2004.

Профессор Н.М. Дылевский. Научная деятельность. (В соавторстве с А. Градинаровой.) // Сборник “Доайенът”. С., 2004.

доц. Димитрина Лесневска

Профессору Цветану Йотову 70 лет

Июнь 2004 года является юбилейным для профессора, доктора филологических наук Цветана Йотова – видного исследователя в области общего и сравнительного языкознания, русистики и болгаристики, автора нескольких солидных монографий и свыше 80 научных исследований, статей, научно-методических разработок, получивших заслуженное признание не только в нашей стране, но и среди зарубежных исследователей (в Польше, Германии, Чехии, России, Эстонии, Белоруссии и др.).

Значительную часть своей творческой и педагогической деятельности (более 40 лет) проф. Цв. Йотов посвящает работе со студентами, преподавая в Софийском университете, а также в Великотырновском и Шуменском университетах. Он читает теоретические курсы современного русского языка (фонетики и фонологии, русской диалектологии, словообразования, морфологии, синтаксиса), курс лингвистики текста и коллоквиальной лингвистики.

В самых ранних своих научных публикациях Цв. Йотов обращается к коммуникативным аспектам русского синтаксиса. Результаты, полученные им в ходе исследований вопросительных и восклицательных предложений с точки зрения цели высказывания, вносят существенный вклад в изучение их типологии (1966). Интерес Цв. Йотова к проблемам языковой целеустановки (1968) естественным образом перерастает в интерес к проблемам русской разговорной речи и, в частности, к механизмам и средствам устного общения.

В начале 70-ых годов Цв. Йотов начинает углубленно заниматься вопросами диалогической речи, которые в то время были сравнительно мало разработаны. В своей кандидатской диссертации *Некоторые структурно-функциональные характеристики диалога* (Москва, 1977), опубликованной у нас в 1979 г. в виде монографии *Диалог в общении и обучении*, он развивает свою концепцию о средствах и механизмах диалогизирования и типах диалога, о методах интеграции речевых действий. Особенно плодотворным оказывается применяемый автором способ партитурного представления структуры акта речевого общения. Опираясь на достижения современного речеведения, Цв. Йотов вместе с тем становится убежденным сторонником идеи необходимости применения интердисциплинарного подхода к исследованию диалогической речи. Эта идея является основополагающей и в дальнейшем научном творчестве Цв. Йотова, посвященном изучению устно-разговорной формы языка во всей ее динамике и многоплановости.

В 1991 г. выходит в свет монография Цв. Йотова *Лингвистика одновременного говорения*, представляющая собой исключительно ценное исследование речевой полифонии – явления, типичного для процесса речевого взаимодействия между партнерами, но остававшегося до тех пор практически неизученным. Одновременное говорение, для обозначения которого автор предлагает использовать специально созданный им термин “синхралалия”, анализируется в рамках вертикального среза словесно-звуковой ткани разговора. Большой интерес как с теоретической, так и с практической точки зрения вызывают выявленные диагностические признаки синхралалии и принципы организации синхралалийного реплицирования.

В результате многолетней совместной работы Цв. Йотова с проф. Бл. Блажевым выходит в свет авторитетный университетский учебник “Синтаксис современного русского языка” (1992), предназначенный для студентов отделения русской филологии.

Самым масштабным исследованием Цв. Йотова является его докторская диссертация *Разговорът и неговият глобален лингвистичен модел* (1994). В ней представлена оригинальная методология построения модели устно-разговорного (коллоквиального) дискурса, которая основана на проведении аналогии между разговором и музыкальным произведением. Поскольку теоретический аппарат музыковедения достаточно хорошо разработан, его удобно использовать, по мнению автора, в качестве прототипа исследовательского аппарата теории коллоквиального дискурса. Такая методология позволяет Цв. Йотову сделать фундаментальные выводы о том, что формообразующие процессы в дискурсе протекают на четырех основных уровнях, а именно, на уровнях: 1) порождения внешнего материала семиозиса; 2) формирования знаковой ткани дискурса; 3) расчленения этой ткани на единицы коллоквиальной речи; 4) объединения речевых сегментов в целостную организацию коллоквиального дискурса.

Важное место в авторской концепции глобального пространства разговора занимает и его позиция, согласно которой это пространство строится на основе взаимодействия знаковых систем разной природы – слов, аффективных звуковых реакций, мимики и жестов, спациальных и тактильных сигналов.

В настоящее время Цв. Йотов продолжает исследования коллоквиального дискурса в рамках предложенного им альтернативного подхода к описанию свойств его информационно-семантического пространства. Цв. Йотов ведет поиск причин различного восприятия рецепиентом строения словесной ткани, представленной в форме звукозаписи и в письменном виде (2002а, 2000б). Важны не только условия спонтанного устного семиозиса, а выявление сходства физического и информационно-семиотического полей коллоквиального дискурса. Знаковую ткань диалога характеризуют три типа свойств, соответствующих трем видам пространства: физическому, психофизиологическому и семиогенному. Изучая речевой процесс, Цв. Йотов приходит к выводу о том, что письменный текст и устно-разговорный дискурс – это явления различного порядка, существенно различающиеся механизмом своего порождения. “Застывший в двумерном пространстве плоскости письменный текст имеет свою архитеконику, правила, обусловленные строгой симметрией, в то время как звучащий текст накапливается нелинейно, протекает как “многомерное наслоение” смысловых компонентов (там же, 274-275). Обобщая наблюдения психологов, философов и естественно-научных исследователей, Цв. Йотов делает вывод о том, что коллоквиальное пространство искривлено, что оно может быть представлено как сферическое пространство, где “знакообразование замкнуто в цикле”. Автор использует новый аналитико-дескриптивный инструментарий и демонстрирует эвристические способности сравнительно-типологического метода в описании дискурса как единства вербальных и невербальных явлений (2001).

И в своей последней работе *Импровизацията в ежедневитите разговори (лингвистичен аспект на проблема)* (2004) Цв. Йотов продолжает развивать метафору описания текстуры живого разговора по аналогии с музыкальным произведением. В отличие от официальных форм устного общения, непринужденная диалогическая речь имеет организацию, которая не регламентирована заранее, а саморегулируется в соответствии с постоянно изменяющимися условиями. Совместное развитие темы участниками разговора, непредсказуемость направленности разговора, перескакивание с темы на тему, угроза распада тематического единства, и т.д. – все эти особенности ведут исследователя к сопоставлению разговора и музицирования в стиле “free jazz” в феноменологическом плане. По степени самоорганизации эта форма напоминает адаптивность живого разговора. Именно импровизация является тем механизмом, при помощи которого достигается адаптивность.

Методология, предложенная Цв. Йотовым, нашла отражение в ряде дипломных работ, защищенных на кафедре русского языка Софийского университета.

Проф. Цв. Йотов продолжает свои творческие поиски на научном и преподавательском поприще. Демонстрируя исключительный профессионализм, глубокие филологические познания и высокую эрудицию, он разрабатывает новые актуальные авторские лекционные курсы, которые предложены вниманию студентов факультета журналистики и массовой коммуникации Софийского университета (*Устная коммуникация и ее дискурс*), а также магистрантам всех филологических специальностей Великотырновского университета (*Разговор и его дискурс; Сопоставительный речевой анализ*), участникам проводимых в Софии и Велико-Тырнове Летних семинаров по болгарскому языку и культуре (*Социальные стереотипы в сфере разговора*). На отделении прикладной лингвистики Нового болгарского университета проф. Цв. Йотов читает курс по морфосинтаксису.

Преподавательская деятельность Цв. Йотова связана не только с вузами Болгарии. В 1980 – 1985 гг. он работал лектором по болгарскому языку в Белорусском государственном университете на кафедре общего, сравнительного и славянского языкознания, а в 1988 г. он был приглашен в качестве гостя-профессора в Харьковский государственный университет.

Проф. Цв. Йотов долгие годы состоял в руководстве научных и университетских центров. Он был заместителем декана факультета славянских филологий Софийского университета, руководителем кафедры русского языка. В 1994 – 1998 гг. проф. Цв. Йотов был президентом Болгарской ассоциации по психолингвистике. Он также является членом INSOLISO (Международного социолингвистического общества), ISAPL (Международной ассоциации по прикладной психолингвистике), IADA (Международной ассоциации анализа диалога) и др. В настоящее время он заместитель председателя Специализированного научного совета по языкознанию при ВАК.

От имени всех коллег русистов хочется сердечно поздравить проф. Цв. Йотова с юбилеем и пожелать ему здоровья, благополучия, бодрости духа и дальнейших творческих успехов.

Цитированные в статье труды проф. Цветана Йотова

Към проблема “въпрос и въпросително изречение” (върху материал от руски и български език). // Годишник на Софийския университет. Т. LX, I, 1966.

За въздействието на фактора “езикова целенасоченост” върху структурата на изречения от разговорния език (върху материал от български и руски език). // Славистичен сборник. 1968.

Деятелностна характеристика диалога.. // Годишник на Софийския университет. Т. LXIX, I, 1976.

Диалог в общении и обучении. С., Народна просвета, 1979.

Сборник упражнений по современному русскому языку (в соавт. с Н.П. Ковачевой). С., 1982.

Лингвистика одновременного говорения. С., 1991.

Синтаксис современного русского языка (в соавт. с Бл. Блажевым). С., 1992.

Библиография трудов проф. Цветана Йотова, вышедших после 1994

Библиография работ, опубликованных до 1994 г., представлена в статье Бл. Блажева (*Цветан Йотов на шейсет години. // Съпоставително езиковедие, XIX, 1994, № 3-4, с. 154-160*).

Разговорът и неговият глобален лингвистичен модел. АДД. С., 1994.

Текстовите характеристики на разговора като източник на сведения за социокултурна диагностика. // Годишник на института за чуждестранни студенти. Материали от научната конференция, посветена на 80-годишнината от рождението на проф. д-р Ст. Стойков, т. 9. С., 1994.

За парадоксалните свойства на разговорния текст и за възможностите те да бъдат обяснени с метаезика на текстолингвистиката. // Проблеми на българската разговорна реч. Книга трета. Трета национална конференция (19-29 май 1994), Велико Търново, 1995.

Езиквата личност в разговора и нейното лингвистично моделиране. // Българистични студии. С., 1995.

Das Gespräch und sein globales linguistisches Modell. – Dialogue Analysis VI. Proceedings of the 6-th Conference. Proceedings. Prague, 1996. Tübingen 1998.

О строении устно-разговорного дискурса и типологии его форм. // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия II. Прагматический аспект исследования языка. Тарту, Tartu ülicooli, Kirjastus, 1999.

Още веднъж за познавателните възможности на сравнително-типологичния метод (Образът на устно-разговорния дискурс в огледалото на музикалната теория). // Слово. Юбилеен сборник, посветен на 70-годишнината на проф. Ирина Червенкова. С., 2001.

Строение устно-разговорного дискурса в “зеркале” музыкальной теории. // Восьмой международный симпозиум. МАПРЯЛ 2002. Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в начале XXI века. Доклады и сообщения. Болгария, Велико-Търново, 4-7 апреля 2002.

За топологичните свойства на колоквиалното пространство. // Litora Psycholingusitica (Психоллингвистични брегове). С., 2002.

Импровизацията в ежедневните разговори (лингвистичен аспект на проблема). // Доайенът. Юбилеен сборник, посветен на 100-годишнината на проф. Николай Михайлович Дилевски. С., 2004.

С. Петкова, Т. Алексиева, К. Петрова

Софья Антоновна Бернатович**(1917 – 2004)**

11-го ноября 2004 угасла ласковая улыбка и замолкло мудрое слово Софьи Антоновны Бернатович, многолетнего преподавателя русского языка.

Она родилась 24 октября 1917 г. в Москве, закончила Московский педагогический институт, преподавала историю в средней школе. В тяжелые военные годы во время эвакуации в Сибири она продолжала работать учителем в школе, некоторое время была директором детского сада в Красноярском крае.

Приехав в Болгарию в 1947 году, Софья Антоновна сначала работала в Варне, преподавая русский язык в болгарской средней школе. После переезда в Софию в начале 1950-х годов она закончила отделение русской филологии Софийского университета и несколько лет работала учителем в школе. Затем почти весь ее трудовой стаж прошел в Военной академии им. Г.С.Раковского в Софии, где она преподавала русский язык и долгие годы заведовала кафедрой иностранных языков. Она автор и соавтор множества учебников, учебных пособий, словарей, учебных программ по русскому языку для военных вузов. Среди многочисленных наград, отличий, почетных знаков она особенно ценила орден Кирилла и Мефодия, которым она была награждена за заслуги в образовании.

Сотни учеников усваивали основы и тонкости русского языка у такого внимательного, чуткого, терпеливого, умелого преподавателя, внушающего глубокое уважение и любовь к русскому языку, русской истории и культуре. Многие из ее учеников выбрали путь преподавателя русского языка, в том числе и ее дочь доц. д-р Нина Ковачева. Все, кто учился у нее, общался с ней, помнят ее сдержанное, мудрое слово и чуткое отношение к окружающим.

Низкий поклон и светлая вам память, дорогая Софья Антоновна!

Красимира Петрова

Междуетнические контакты. Восток – Запад – Интеркультурная коммуникация (конференция в Шумене)

По инициативе кафедры турецкого языка и Центра восточных культур и интеркультурных связей в Шуменском университете им. Константина Преславского была организована научная конференция “Междуетнические контакты. Восток – Запад – Интеркультурная коммуникация”, которая состоялась 24-26-го сентября 2004 г. Рабочими языками конференции были болгарский, русский и турецкий. Около 30 докладов были прочитаны в секциях по лингвистике (социо-, психо-, этнолингвистике, лингвокультурологии), культурологии, литературе, истории.

Пленарные заседания состоялись в Актовом зале университета. Здесь были прочитаны основные доклады, с которыми выступили доц. Н. Неделчев (“Общее и особенное в истории древних. Восток – Запад”), проф. П. Филкова (“Единицы сопоставительной лингвокультурологии”), доц. И. Петров (“Проблема Восток – Запад в романе «Петербург» А. Белого”).

В секции по лингвистике обсуждались социокультурные аспекты билингвизма и обучения болгарскому языку (М. Георгиева), проблемы языковых и культурных контактов (К. Венедиктова, Р. Стоянова, М. Салим, Х. Акиф, Б. Кырджалы и др.), заимствования в терминологии (И. Атанасова), речевой этикет в деловых переговорах (С. Григорова, С. Петрова), лингвокультурные исследования (Е. Стоянова), художественный ритм как синхронизатор (Т. Чалыкова).

В секции по истории, культурологии, лингвокультурологии доклады и дискуссии были посвящены прикладным историческим аспектам (орнаментальным мотивам и изображениям птиц на золоте в болгарском ювелирном искусстве эпохи Средневековья – Т. Тотев), интеркультурному диалогу в рассказах Й. Йовкова (З Зафер), различным мотивам, образам и концептуализации отдельных понятий в болгарском, турецком и русском языках (А. Разина, Н. Паудяль, Е. Халил, М. Шукриева, В. Хасан и др.). Лингвокультурные аспекты русского и болгарского языков обсуждались на материале устойчивых сравнений (В. Аврамова), междометий из чата (К. Петрова). На секции состоялась предложенная И. Панчевым дискуссия по содержанию понятия “лингвокультурный концепт”. В сообщении Н. Христовой рассматривалось своеобразие национальной картины мира в перспективе национальной культуры в переводческом процессе. Проблемы диалектологии, социолингвистики освещались сквозь призму этнолингвистических аспектов балканской эстетической модели (К. Колева), некоторых турецких имен (Н. Хасанова). Болгарские обряды рассматривались на фоне западноевропейских параллелей – первомагартенские обряды (Н. Голант), традиции, связанные с болгарским и ромским праздником Св. Георгия и турецкого Хыдрелез (Й. Павлова).

Оргкомитет (председатель – доц. Т. Чалыкова) приложил немало усилий для успешного проведения конференции, для создания приятной, дружеской и в то же время деловой атмосферы.

Материалы конференции будут изданы как в электронном виде, так и в специальном сборнике.

Красимира Петрова

Юбилейная конференция в Благоевграде

С 3-его по 5-ое декабря 2004 г. в Югозападном университете им. Неофита Рильского состоялась МЕЖДУНАРОДНАЯ СЛАВИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, посвященная 10-ой годовщине со дня основания специальности “Славянская филология” в составе филологического факультета. За эти годы сформировался и утвердился авторитетный преподавательский состав, который в своей работе совмещает лучшее из славистических традиций с новейшими достижениями в этой области, работая в тесном сотрудничестве с аналогичными кафедрами Софийского и Пловдивского университетов, с зарубежными славистами. Об уровне подготовки выпускников факультета свидетельствует профессиональная реализация студентов, а также тот факт, что среди преподавателей есть немало питомцев университета.

Насыщенная работа конференции проходила в секциях славянского языкознания, болгарского языка, болгарской литературы, славянских литератур, этнологии (см. подробную программу по электронному адресу (1), а резюме представленных докладов можно прочитать по адресу (2); готовится сборник докладов). На конференции выступали слависты из Болгарии (представители разных университетов, нескольких институтов Болгарской академии наук), Казахстана, Латвии, Македонии, Польши, России, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, Турции, Хорватии, Чехии, Украины. Была представлена новая книга Цветана Ракёвского “Образи на българската памет (Историята. Поборниците. Записките)”. Участники конференции имели возможность не только посетить болгарскую святыню – Рильский монастырь, но и ознакомиться с экспонатами его музея, с драгоценными древними рукописями, которые хранятся в библиотеке святой обители.

(1) http://liternet.bg/bulletin/konferencii/new/1_1.htm

(2) http://liternet.bg/bulletin/konferencii/new/1_2.htm

Красимира Петрова

Сайт «Балканская русистика»
www.russian.slavica.org

Сайт «Балканская русистика» был открыт летом 2003 года по инициативе русистов из Софии и Белграда и при поддержке софийского издательства Eurasia Academic Publishers. В задачи организаторов сайта входило: создание электронного журнала; каталога кафедр и факультетов, где русский язык и русская литература изучаются как академические дисциплины; базы данных русистов – докторов филологии и филологических наук (Ph.D. и D.Sc.). Администраторами сайта являются доктор филологических наук Йован Айдукович (Белград) и доктор Алла Градинарова (София), его сотрудниками – доктор Анна Николова (Шумен) и доктор Красимира Петрова (София).

Важные компоненты структуры «Балканской русистики» – электронная библиотека, постоянно пополняющийся электронный журнал «Balkan Rusistics», форумы и альбомы.

Библиотека сайта предлагает книги и учебники (в формате PDF), каталог линков к научным, энциклопедическим, справочным и другим электронным изданиям.

Журнал «Balkan Rusistics» в настоящее время включает более 1000 статей, которые распределены по категориям, представляющим основные области лингвистики и литературоведения, смежных с ними и прикладных дисциплин. Кроме статей балканских (в основном болгарских и сербских) русистов, в журнале (с указанием на источник) публикуются и привлекающие внимание администраторов работы исследователей из России и других стран. Журнал содержит также множество ссылок на электронные ресурсы Интернета.

Пройде по ссылке, указанной в навигаторе, каждый желающий может прислать в редакцию журнала собственную статью, которая после одобрения редколлегии будет опубликована.

Сегодня число членов сайта приближается к шестистам. «Балканская русистика» хорошо известна использующим ресурсы Интернета славистам. Сайт замечен и представителями общественных кругов (см. статью о «Балканской русистике» в известной сербской газете «Политика» от 13.11.2004 г.).

Администрация «Балканской русистики» будет рада его новым членам и посетителям. Она приглашает всех не только пользоваться опубликованными на страницах сайта материалами, но и присылать свои статьи, рецензии, фотографии, участвовать в работе форумов.

Адрес сайта – <<http://www.russian.slavica.org>>.